

**ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

ГОРОДА-КРЕПОСТИ

И.Б. Мощанский

**ГОРОДА-
КРЕПОСТИ**

И.Б. Мощанский

Города-крепости

Москва
Вече
2009

ББК 63.3(2)622.1
М74

Мощанский И.Б. М74 Города-крепости. —М.: Вече, 2009. — 224с. —
(Забытые страницы Второй мировой). 18ВК 978-5-9533-3896-7

Книга известного военного историка И.Б. Мощанского посвящена трем достаточно драматическим эпизодам Второй мировой войны: обороне города Одессы осенью 1941 года, прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 года и штурму Будапешта - столицы последнего союзника нацистов в Европе.

Все три главы представленного труда связаны с историей окруженных и блокированных городов, которые волей судьбы стали ареной бескомпромиссной борьбы противоборствующих сторон. И если в начале войны отрезанными от основной страны были наши города, то, начиная с 1943 года, уже немцам приходилось объявлять многие населенные пункты крепостями и защищать их со всем напряжением сил. Хроника подобных сражений была полна героических и трагических примеров человеческого мужества.

ББК 63.3(2)622.1

У СТЕН ОДЕССЫ

Оборонительные операции Южного фронта и Отдельной Приморской армии (22 июня — 16 октября 1941 года)

В отличие от других театров военных действий советско-германского фронта сражение на юге первоначально проходило не в столь драматичных условиях. Южный фронт был создан только 26 июня 1941 года и, несмотря на натиск противника, отходил на восток организованно. Однако разгром Юго-Западного фронта и угроза с фланга потребовали от командования Южного фронта изменить стратегию обороны. Так появилась Отдельная Приморская армия, при поддержке флота умело защищавшая Одессу от румынских и немецких войск в течение двух месяцев и оставившая город только по приказу советского командования.

ОБСТАНОВКА НА ТВД

Советское военно-политическое руководство, придававшее большое значение экономическому фактору в вооруженной борьбе, сделало правильный вывод: война коалиции буржуазных государств против СССР не может быть молниеносной, она растянется по времени на несколько лет и потребует длительного напряжения всех сил. Именно это имел в виду И.В. Сталин, определяя вероятное направление главного удара противника на западе: он считал, что Германия будет

Боевой состав войск Киевского Особого военного округа накануне войны' (июнь 1941 года).

Армии	Наименование соединений	Артиллерийское вооружение				Бронетанковое вооружение	Авиация
		минометов 82-120-мм	орудий НТО 37— 45 мм	зенитных орудий	нолевых орудий 76—152-мм		
5-я армия	ск—2(15, 27-й) мк—1 (22-й)сд—5(45, «2, 87, 124, 135-я)тд—2(19, 41-я) мд—1 (215-я) УР—2 (2,9-й)	360	387	104	652	Танков БТ — 292 Танков Т-26 — 470 Хим. танков — 48 Танкеток — 26 Бронемашин — 140	14-я и 62-я авиационные дивизии истребителей — 174; бомбардировщиков — 213

6-я армия	ск—1(6-й)мк-1(4-й)сд—3(41,97, 159-я)тд—2(8. 32-я)мл—1(81-я)кд—1(3-я)УР-2(4,6-й)	236	340	108	553	Тяжелых танков КВ — 101 Ср. танков Т-34 — 359 Танков БТ — 361 Танков Т-26 - 114 Хим. танков — 23 Танкеток — 75 Бронемашин — 225	15-я и 16-я авиадивизии истребителей — 309;бомбардировщиков - 46; штурмовиков — 63
26я армия	ск—1(8-й) мк—1(8й)сд—1(72-я)год—2(99. 173-я)тд-2(12. 34-я)мд—1(7-я)УР—1(8-й)	207	219	48	424	Тяжелых танков КВ - 119 Ср. танков Т-34 — 100 Танков БТ — 228 Танков Т 26 - 291 Хим. танков — 50 Танкеток — 59 Прочих —91 Бронемашин — 157	63-я авиадивизия истребителей — 57 штурмовиков — 44
Армии	Наименование соединений	Артиллерийское вооружение				Бронетанковое вооружение	Авиация
		минометов 82— 120-мм	орудий НТО 37— 45 мм	зенитных орудий	полевых орудий 76— 152-мм		
12-я армия	ск—2(13, 17-й) мк-1(16-й) СД—2(44. 164-я) ГОД— 4 (192,60, 96, 58 я) тд—2 (15, 39-я) мд—1 (240-я) УР—2(10, 12-й)	389	292	232	586	Средних танков Т 34 — 75 Танков БТ — 369 Танков Т-26 —214 Хим. танков — 31 Бронемашин — 157	44-я и 61-я авиадивизии истребителей — 453
Окружного подчинения	ск—5(31,36. 37. 55,49-й) мк—4(9,15, 19,24-й) кк—1(о-й)сд—15(193, 195,200. 140, 146. 228,80, 139, 141, 130. 169, 189, 190, 197, 199-я) гед—2(99. 173-я) тд—8(20.35,40,43,10, 37, 45,49-я) мд-4 (331, 212, 213, 216-я) кд—1(14-я) УР—5(3,5,7,10, 12-й)	1084	1079	523	1694	Тяжелых танков КВ -67 Ср. танков Т-34 — 93 Танков БТ — 685 Танков Т-26 — 663 Хим. танков — 62 Танкеток — 239 Бронемашин — 428	17, 18, 19-я и 36-я авиадивизии 315, 316 ран истребителей — 173;бомбардировщиков — 328; штурмовиков — 90;разведчиков — 53
Всего	ск—11 мк—8 кк—1 сд—32 тд—16 мд—8 кд—2 УР—12	2276	2217	1015	3909	Тяжелых танков КВ — 287 Ср. танков Т-34 — 627 Танков БТ — 1995 Танков Т 26 — 1752 Хим. танков — 214 Танкеток — 399 Прочих — 91 Бронемашин — 1154	авиадивизий — 11; ран — 2; истребителей— 1166 бомбардировщиков — 587; штурмовиков — 197; разведчиков — 53 Всего: 2003

стремиться в первую очередь захватить южные, относительно экономически развитые районы — Украину и Кавказ. Конечно, наиболее лакомым куском Советского Союза являлась европейская территория России — самая промышленно и интеллектуально развитая часть СССР. Но немцы не строили иллюзий: эта территория была заселена титульным населением империи, носителем культурных и духовно-нравственных ценностей государства, и, уж бесспорно, оно окажет самое яростное сопротивление захватчикам. А националистические лидеры Украины и Кавказа в своем стремлении заполучить хоть какой-то контроль над территорией своей «страны» с легкостью отдадут ее ресурсы на разграбление германской колониальной администрации. И, несмотря на свое грузинское происхождение, Сталин это понимал. Вот почему еще в октябре 1940 года он приказал военным исходить из того, что главный удар германские войска нанесут из района Люблина на Киев.

Юго-Западный фронт, который должен был отразить, как тогда представлялось, главный удар противника, создавался в рамках границ Киевского Особого и Одесского военных округов.

Главные силы Юго-Западного фронта (5 армий) во взаимодействии с левым крылом Западного фронта (2 армии) после перехода в наступление должны были разгромить Л юблинско-Сандомирскую группировку противника и на 5—10-й день наступления выйти к Висле. На 20—30-й день им предстояло достичь реки Пилицы и верхнего течения Одера (Одры). Одной армии Юго-Западного фронта предстояло оборонять границу с Венгрией, а двум — границу с Румынией, но и им надлежало быть в полной готовности к нанесению ударов из районов Черновцов и Кишинева для разгрома немецко-румынских войск на территории Румынии.

Таким образом, достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями прежде всего войск юго-западного направления, на котором предстояло развернуть более половины всех дивизий, предназначавшихся в состав фронтов на западе. В то время как на этом направлении предполагалось сосредоточить 120 дивизий, на северо-западном и западном — только 76.

В первом эшелоне Юго-Западного фронта должны были действовать 90 дивизий из 97. В его состав включались 27 танковых и моторизованных, а также 4 кавалерийские дивизии. В резерве командующего фронтом оставались всего лишь 2 танковые, моторизованная и 4 стрелковые дивизии.

Наступательному характеру сухопутных войск соответствовали и активные задачи, поставленные Черноморскому флоту. Основной задачей Черноморского флота являлось обеспечение господства на Черном море, а в случае вступления Румынии в войну против СССР — уничтожение ее флота и блокирование побережья Румынии. Флот также должен был содействовать сухопутным войскам, наступающим вдоль побережья Черного моря в Румынии.

Отдельный Южный фронт для ведения боевых действий с немецкими и румынскими войсками на южном направлении планировалось создавать (с использованием управления МВО) только в случае участия в агрессии румынского государства.

Всем этим замыслам не суждено было сбыться. Начавшаяся война опрокинула планы, созданные советским Генеральным штабом накануне войны. Вести боевые действия приграничным частям Красной армии пришлось на своей территории в тяжелых и неблагоприятных для развертывания основных ударных сил условиях.

Для ведения боевых действий против СССР на юго-западном направлении предполагаемого театра военных действий командование вермахта в рамках подготовки операции «Барбаросса» в короткие сроки также создало мощный ударный кулак. Основу подготовленных для вторжения на Украину и Молдавию сил составила группа армий «Юг». Приготовили свои армии Румыния, Венгрия и Словакия, которых Гитлер решил привлечь для участия в «восточном походе».

Румынская действующая армия к началу войны состояла из 13 дивизий и 9 бригад. Из них 4 пехотные дивизии, 3 кавалерийские и 3 горнострелковые бригады вошли в состав 11-й немецкой армии. Они расположились вдоль советской

Боевой состав войск Одесского военного округа накануне войны² (июнь 1941 года).

7 ск в расчет не вошел, так как с первого дня войны убыл в состав Юго-Западного фронта, 9 ск также не вошел в расчет, как находящийся в Крыму со специальной задачей.

Соединения	Состав соединений	Артиллерийское вооружение				Бронетанковое вооружение
		минометов 82—120-мм	орудий НТО 37—45-мм	зенитных орудий	полевых орудий 76—152- мм	
35 ск	сд—2 (176, 95-я) кап— 2	132	108	8	233	Т-37—37 Бронемашин —21
14 ск	сд—2(25, 51-я) кап—1	132	108	8	224	Т-37—16 Бронемашин —25
48 ск	сд—1 (74-я) гсд—1 (30- я)	136	108	4	122	Т-37—16 Бронемашин —16
2кк	кд—2(5, 9-я)	12	32	20	64	БТ—129 Бронемашин —27
2мк	тд—2(11,16-я) ид-1 (15- я)	57	30	36	280	Тяжелых танков КВ—10 Ср. танков Т-34—50 Танков БТ—354 Танков Т-26—75 Танков Т-37—29 Хим. танков—9 Бронемашин — 166
Соединения	Состав соединений	Артиллерийское вооружение				Бронетанковое вооружение
		минометов 82—120-мм	орудий НТО 37—45-мм	зенитных орудий	полевых орудий 76—152- мм	
18 мк	тд—2 (44, 47-я) мд-1 (218-я)	—	30	32	64	Танков БТ - 106 Танков Т-26 — 153 Танков Т-37 — 14 Хим. танков —12 Бронемашин — 6
Дивизии окружного подчинения	сд—2(150, 116-я)	66	54	4	76 по 116-й сд данных нет	Т-37 - 9 Бронемашин — 12
80. 82 УР	УР—2 (80,82) Пульбатов — 6 гап—1 (522 гап БМ РГК)	Орудий 203-мм — 24			90 (45—76-мм)	
Итого:	сд—8кд-2тд—4 мд— 2УР-2 кап—3 гап—1	535	470	112	1170	Тяжелых танков КВ—101 Ср. танков Т-34—359 Танков БТ—361 Танков Т-26—114 Хим. танков—23 Танкеток—75 Бронемашин —225

Состав тд 1-й танковой группы вермахта на 22 июня 1941 года

тд	Рг.КрГвГЛ	Р/КрП\у.П	Рг.Кр1*.Ш(37)*	Р/..КрГ».Ш(50)*	Р*.КрГ»-1У	Рг.Вер	ТП
Эта	8	32	11	60	20	12	33 тп
" - ..	-	и	24	47	20	8	15тп
13 тд	-	45	27	•11	20	13	4тп
14 тд	-	48	15	66	20	11	36 тп

* Немецкие средние танки Рг.КрГ\у.Ш соответственно с 37-мм (Рх.КрБл. 111(37) и 50мм (Рг.КрГ».111(50) пушками.

границы, севернее города Яссы. Остальные соединения были включены в состав 3-й и 4-й румынских армий, находившихся еще в стадии доукомплектования. В ночь на 22 июня они начали выдвигаться на боевые позиции непосредственно у границы с СССР — от города Яссы до Черного моря.

Венгрия также к 22 июня подтянула к советской границе свою подвижную карпатскую группу в составе 5 бригад (2 пехотные, кавалерийская и 2 моторизованные).

Словацкие вооруженные силы на советско-германском фронте были представлены армейским отдельным корпусом, состоящим из двух пехотных дивизий (1-я и 2-я), которые использовались в тылу для охраны коммуникаций и мобильной моторизованной бригады, состоящей из батальона легких танков (30 Б.уг.36 и 21 И.уг.40), мотопехотного, артиллерийского и саперного батальонов. При штабе корпуса (всего в составе корпуса было по штату 40 393 человека) также находилась отдельная танковая рота (15 И.уг.36) и подразделения артиллерии.

В состав группы армий «Юг» (командующий — генерал-фельдмаршал фон К. Рунштедт), развернутой против войск Киевского и Одесского военных округов, вошли:

— 6-я и 17-я полевые армии и 1-я танковая группа (на львовском направлении);

— 8-й венгерский армейский корпус (на советско-венгерской границе);

— 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии (на бессарабском направлении);

— военно-морские силы Румынии на Черном море в составе: 4 эскадренных миноносцев, 3 миноносцев, 2 вспомогательных крейсера, 4 канонерских лодок, 2 минных заградителя и подводной лодки (главная база — Констанца).

В число вышеуказанных армий и соединений входило: 45 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных и 3 охранных дивизии, румынская танковая дивизия, 6 пехотных, 2 моторизованные и 4 кавалерийские бригады.

1-я танковая группа вермахта под командованием генерала фон Клейста служила ударной силой группы армий «Юг».

В ней имелось 5 танковых дивизий двухбатальонного состава, а в 14-й танковой дивизии также имелись танки с приспособлениями для подводного хода.

Наряду с бронетанковыми войсками в составе группы армий «Юг» находились отдельные дивизионы штурмовых орудий (по 18 САУ в каждом): 190, 197-й и 244-й.

Румынские бронетанковые силы на 22 июня 1941 года насчитывали в своем составе 437 боевых единиц: 126 танкеток-транспортёров собственного производства «Малакса» 11Е (лицензионная копия «Рено» 11Е), 75 танков «Рено» ГТ-17, 35 танкеток К-1 чехословацкого производства (СКВ АН-ГУ), 75 танков «Рено» К-35 французского производства и 126 танков К-2 чехословацкого производства (8кoc!a 8-И-а/Рг.КрГ\у.35(1)). Большинство этой техники находилось в составе 1-й (и единственной) бронетанковой румынской дивизии. Чехословацкие К-2 в двух батальонах входили в состав 1-го танкового полка, французские К-35

Города-крепости

и часть ГТ-17 — в состав 2-го танкового полка. Тягачи 1ТЕ были включены в число пяти танкоистребительных батарей 12-орудийного (47-мм пушки) состава. Танкетки К-1 и еще часть транспортеров Б'Е находились в 1-й кавалерийской дивизии и кавбригадах (по 4—8 машин в соединении).

С началом войны 1-й полк танковой дивизии был изъят из соединения и побатальонно придан 3-й и 4-й румынским армиям. 2-й танковый полк, являвшийся отдельным, отправился на фронт в 4А чуть позже. В июле—августе 3А поддерживал 1 тп, а 4А — 2 тп.

На львовском направлении против 5, 6-й и 26-й армий Киевского округа разворачивались 6-я и 17-я армии в составе 25 пехотных дивизий (из них 3 дивизии составляли резерв группы армий и резерв Главного командования) и 1-я танковая группа в составе 5 танковых и 4 моторизованных дивизий. Против 12-й армии этого округа разворачивался 8-й венгерский армейский корпус в составе 4 бригад.

Прочие силы в количестве 20 пехотных дивизий (7 немецких и 13 румынских) и 9 румынских бригад (пбр — 5, кбр — 3, танковые силы эквивалентные тбр — 1) разворачивались на бессарабском направлении против Одесского округа (11-я немецкая, 3-я и 4-я румынская армии).

Германское командование главной группировкой своих сил на юге считало немецкие 6-ю и 17-ю армии, 1-ю танковую группу и вспомогательную — 11-ю армию с 3-й и 4-й румынскими армиями.

При перерасчете всех соединений немецко-румынских войск (кроме танковых) и сведении всех сил к расчетной дивизии в сумме все немецко-румынские силы группы армий «Юг» надо исчислять в 63,5 дивизии.

К 20 июня немецкие войска вплотную приблизились к границе, артиллерия заняла огневые позиции. В резерве главнокомандования сухопутных сил Германии имелось 24 немецких дивизии. Половина их, по плану, должна была прибыть на Восточный фронт до 4 июля 1941 года. При этом в группу армий «Юг» прибывали 4 дивизии. Переброску и распределение по группам армий остальных дивизий резерва намечалось осуществить после 4 июля 1941 года. Кроме этого, в полосу группы «Юг» в разные сроки должны были прибыть резервы из стран-сателлитов общей численностью около 8 дивизий.

Замысел германского командования на юго-западном направлении советско-германского фронта сводился к тому, чтобы ударной группировкой, развернутой на фронте Холм, Томашув и состоявшей из 6-й полевой армии и 1-й танковой группы, быстро прорваться к Киеву и захватить переправы через реку Днепр в районе Киева и южнее.

Одновременно танковые соединения должны были развивать наступление в юго-восточном направлении с задачей воспрепятствовать отходу за Днепр боеспособных соединений Красной армии и уничтожить их ударом с тыла.

17-я немецкая полевая армия, развернутая на фронте Томашув, Перемышль, наступлением в направлении Львов, Тарнополь, Бердичев должна была сковать советские войска и не допустить их переброску на направление, где наносился главный удар. Войска 11-й немецкой полевой армии, развернутые на румыно-советской границе, должны были выполнять вспомогательную задачу — ударом на Могилев-

Подольский, Жмеринку охватить южный фланг советских войск на Украине. 3-я и 4-я армии королевской Румынии должны были наступать на тираспольском направлении. Наступление войск группы армии «Юг» поддерживал 4-й германский воздушный флот и воздушные силы королевской Румынии, имевшие в своем составе до 4400 самолетов.

Таким образом противник рассчитывал уничтожить советские войска на Правобережной Украине. После этого предполагалось развивать наступление на Донбасс.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ (ИЮНЬ—СЕНТЯБРЬ 1941 ГОДА)

После начала боевых действий, согласно мобплану, на границе с Румынией разворачивались войска 9-й армии под руководством бывшего командующего Одесским военным округом генерал-полковника Я.Т. Черевиченко. Передовые части выдвинулись к реке Прут и пришли на помощь пограничным заставам, которые вели борьбу со штурмовыми отрядами румын, поставивших целью захватить мосты через реку. Вражеская авиация бомбила Кишинев, Бельцы, Бол-град. Действия немецко-румынских войск носили в общем-то сковывающий характер. 11-я немецкая, а также главные силы 3-й (1, 4-я горные бригады и 7-я пехотная дивизия горнопехотного корпуса, 5, 6, 8-я кавалерийские бригады кавалерийского корпуса вместе с танковыми подразделениями) и 4-й(5,15, 21-я пехотные дивизии, 1-я гвардейская дивизия, 1-я пограничная дивизия, 35-я резервная дивизия, а также 1-я и 2-я инженерные бригады и танковые подразделения) румынских армий еще только готовились к переходу в наступление, а оно должно было начаться лишь после того, как группа армий «Юг» добьется успеха на направлении главного удара. Пока же румынские соединения стремились захватить плацдармы на восточном берегу реки Прут. В первые два дня здесь разгорелись ожесточенные бои. Не без труда плацдармы, кроме одного в районе населенного пункта Скулян, советскими войсками были ликвидированы.

Военные действия разгорелись и на Черном море. В 03.15 22 июня немецкая авиация (люфтваффе) произвела налеты на Севастополь и Измаил, а артиллерия обстреляла населенные пункты и корабли на Дунае. Уже в ночь на 23 июня авиация Черноморского флота предприняла ответные меры, произведя налет на военные объекты Констанцы. Советские самолеты сбросили бомбы на нефтебаки в районе порта, вызвав взрывы и пожары. В течение дня было совершено 4 налета на Констанцу и 2 на Сулину. В следующие дни бомбовые удары по объектам Констанцы продолжались. А 26 июня удар по этому порту нанесла специально созданная ударная группа Черноморского флота в составе лидеров «Харьков» и «Москва». Их поддерживали крейсер «Ворошилов» и эскадренные миноносцы «Сообразительный» и «Смышленный». Корабли выпустили 350 снарядов 130-мм калибра. Однако ответным огнем 280-мм немецкая батарея накрыла лидер «Москва», который при отходе подорвался на mine и затонул. В это время самолеты противника повредили лидер «Харьков».

Города-крепости

В 4 часа утра 22 июня командующего Московским военным округом генерала армии И.В. Тюленева срочно вызвали в Кремль. Климент Ефремович Ворошилов сообщил ему, что нацистская Германия напала на Советский Союз, что он назначен командующим войсками Южного фронта и сегодня же должен отбыть к месту своего назначения. Перед отъездом, в 15 часов 22 июня, Тюленев зашел в Генеральный штаб. Там его информировали о том, что в состав Южного фронта войдут: полевое управление 18-й армии, формирующееся в Харькове; 17-й и 55-й стрелковые корпуса и 16-й механизированный корпус, передаваемые из состава войск Киевского военного округа. Из состава войск Одесского военного округа передавалась 9-я армия, которая уже вела бои в Молдавии, то есть на левом крыле создаваемого Южного фронта.

Как уже говорилось, 18А первоначально состояла из 17-го стрелкового корпуса (96-я и 60-я горнострелковые и 164-я стрелковые дивизии), 16-го механизированного корпуса (15-я и 39-я танковые, 240-я моторизованная дивизия), 64-й авиационной и 45-й смешанной авиационной дивизий. Когда 27—30 июня обстановка на правом крыле Южного фронта стала особенно напряженной, 18-й армии дополнительно из резерва фронта был передан 55-й стрелковый корпус (130, 169, 189 сд), 4-я отдельная противотанковая артиллерийская бригада, подчинены Каменец-Подольский (10-й) и Могилев-Подольский (12-й) укрепленные районы (УР)⁴.

16-й механизированный корпус (командир — комдив А.Д. Соколов, военный комиссар — бригадный комиссар В.Ф. Сергеев, начальник штаба — полковник Л.Б. Берлин) являлся ударной силой нового объединения. Он состоял из 15, 39 тд, 240 мд, 19 мщп и частей обеспечения. К началу войны в составе корпуса имелось 608 танков (из которых 30 % были неисправными). В основном это были машины БТ-5—7, Т-26 и небольшое количество Т-28. Перевооружение на новые танки КВ и Т-34 планировалось провести в течение 1941 года по мере получения их с заводов.

9-я армия была создана с использованием соединений Одесского военного округа. В предвоенное время кроме стрелковых корпусов в его состав входили 2-й и 18-й механизированные и 2-й кавалерийский корпуса. К началу войны 2 мк имел 525 танков и 166 бронемашин, а 18 мк — 285 танков и 6 бронемашин. Первый из мехкорпусов достиг требуемой боеспособности, второй находился в состоянии «второй очереди, сокращенного состава». 2-й механизированный корпус состоял из 11, 16 тд, 15 мд, 6 мщп, 49 оиб, 182 обе и поступил на фронт в полном составе. 18-й мехкорпус состоял из 44, 47 тд, 218 мд, но в состав 18А поступили 44 тд и 218 мд, имея к началу июля в общей сложности 387 танков. 47 тд в августе 1941 года была передана в 38А. 2-й кавалерийский корпус состоял из 5-й Ставропольской имени М.Ф. Блинова (11, 96, 131, 160 кп, 32 тп) и 9-й Крымской кавалерийских дивизий (5, 72, 108, 136 кп, 32 тп). Это были старые кавалерийские соединения РККА, содержавшиеся даже в мирное время в численности более 6,5 тысяч человек (штат военного времени — 9 тысяч, 64 танка БТ). Также в составе Одесского военного округа имелись наиболее хорошо оборудованные укрепрайоны: Тираспольский и Рыбницкий. Например, в составе Тираспольского УР (82-й) к июню 1941

года имелось 284 ДОС, рассчитанных на сопротивляемость снаряду 203-мм, — 262 пулеметных и 22 артиллерийских. УР № 82 имел более 10 тысяч человек, 632 станковых и 285 ручных пулеметов, около 100 орудий различных калибров, около 3 тысяч лошадей⁵.

23 июня специальный поезд с полевым управлением Южного фронта, выделенным по плану развертывания из состава штаба МВО, прибыл в Киев. В штабе Киевского военного округа заместитель командующего войсками информировал управление ЮФ об очень тяжелой обстановке, сложившейся на Юго-Западном фронте в результате внезапного вторжения германских войск. Тюленев попытался связаться из Киева с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником М.П. Кирпоносом, штаб которого располагался в Тернополе, но проводная связь в это время не работала. Командующему Южным фронтом пришлось поспешить в Винницу, чтобы быстрее связаться с командующим 9-й армией.

24 июня поезд прибыл в Винницу. Здесь еще в 1939—1940 годах на правом берегу реки Буг был подготовлен и оборудован командный пункт фронтового назначения. Но командование ЮФ об этом не поставили в известность ни в Генеральном штабе, ни в штабе Киевского военного округа. О его существовании Тюленев узнал от начальника инженерных войск Южного фронта генерал-майора инженерных войск А.Ф. Хренова. Однако на КП средств связи не оказалось, и управлению ЮФ в первые дни пришлось с помощью местных средств связи устанавливать взаимодействие с войсками.

Из переговоров с командованием и штабами 9-й армии и 17-го стрелкового корпуса 18-й армии (штаб 18А прибыл с опозданием и развернул боевую работу лишь 28 июня, 55 ск 18А только что заканчивал сосредоточение. — *Примеч. авт.*) было установлено, что на всем протяжении Южного фронта противник наземными войсками и авиацией ведет усиленную разведывательную деятельность, а также систематически бомбит железнодорожные узлы Жмеринка, Казатин, Помощная и города Винницу, Одессу, Севастополь.

Фактически Южный фронт как войсковое объединение стал функционировать с 25 июня 1941 года. Как уже упоминалось, командующим был назначен генерал армии И.В. Тюленев, начальником штаба — генерал-лейтенант Г.Д. Шишенин, а членом Военного совета стал армейский комиссар 1-го ранга А.И. Запорожец, бывший до начала войны начальником Главного управления политической пропаганды Красной армии.

О положении на Юго-Западном фронте Тюленеву 25 июня сообщил по ВЧ командующий фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос. Он сказал, что на правом крыле фронта в районах Владимира-Вольнского, Луцка, Дубно и Ровно противник вторгся на территорию СССР крупными силами и его танковые части достигли Ровно, Дубно, а пехота быстро продвигается на Львов и Броды. Кирпонос сообщил также, что принимает необходимые меры с целью остановить наступление врага и нанести по его группировке контрудар подходящими резервами.

Как стало позже известно, против войск Юго-Западного и Южного фронтов, развертывающихся на территории Украинской и Молдавской

Города-крепости

СССР, действовала группа армий «Юг» в составе 6, 17, 11-й немецких полевых армий и 1-й танковой группы, 3-й, 4-й армий румын, венгерского армейского корпуса и словацких войск. В составе вражеских сил насчитывалось 57 дивизий и 13 бригад, в том числе 5 танковых и 4 моторизованных дивизии. В числе указанных соединений было 13 пехотных дивизий и 13 бригад румынских, венгерских и словацких войск.

Главный удар противник наносил против войск Юго-Западного фронта на киевском направлении, где наступали войска 1-й танковой группы и пехота 6-й и 17-й армий. Вспомогательный удар противник наметил нанести позже, то есть в начале июля, против войск правого крыла Южного фронта в направлении Бельцы, Могилев-Подольский силами 11-й немецкой, а также 3-й, 4-й румынских армий.

Боевые действия войск Южного фронта начались в сложных и весьма своеобразных условиях. В конце июня, когда войска Юго-Западного фронта, отражая главные силы 6-й, 17-й немецких армий и 1-й танковой группы противника, наносили контрудары в районе Ровно, Дубно, Броды, ЮФ еще находился в сравнительно спокойной обстановке. Поэтому в своей первой директиве командование Южного фронта поставило войскам следующую задачу: «Оборонять госграницу с Румынией. В случае перехода и перелета противника на нашу территорию уничтожать его активными действиями наземных войск и авиацией и быть готовым к решительным наступательным действиям»⁶.

Этот период был использован для развертывания основных сил и организации обороны, налаживания связи с войсками и проведения организационных мероприятий. Однако относительное спокойствие продолжалось недолго. Уже 1 июля противник силами 3-й румынской и 11-й немецкой армий перешел в наступление с территории Румынии на могоилев-подольском направлении и вынудил советское командование вступить в сражение, не завершив развертывания главных сил фронта.

На каменец-подольском направлении на участке фронта протяженностью 160 км действовали войска 18-й армии в составе 17-го стрелкового и 16-го механизированного корпусов. Командующий армией генерал-лейтенант А.К. Смирнов, приняв корпуса от 12-й армии, сразу же энергично включился в работу. За короткий срок он хорошо организовал оборону войск армии и умело руководил ими в ходе всех последующих оборонительно-отступательных действий (генерал-лейтенант А.К. Смирнов героически погиб 8 октября 1941 года. — *Примеч. авт.*).

На кишиневском и одесском операционных направлениях, как уже упоминалось, на 400-км фронте развернулась 9-я армия в составе 14, 35, 48-го стрелковых, 2, 18-го механизированных и 2-го кавалерийского корпусов. Командующий армией генерал-полковник Я.Т. Черевиченко, командовавший до этого Одесским военным округом, имел большой опыт, полученный в Гражданской войне.

В резерве фронта в районе Могилева-Подольского, в направлении которого были нацелены основные силы противника, сосредоточивался по указанию И.В. Тюленева 55-й стрелковый корпус. Всего во фронте к 1 июля было 26 дивизий. Этим силам фронта противостояли, по первоначальным оценкам Южного фронта, 11-я немецкая, 3, 4-я

румынские армии, венгерский корпус и словацкие части общей численностью до 20 дивизий и 9 бригад.

До 30 июня противник на фронте 9-й армии вел усиленную разведку и предпринимал неоднократные попытки захватить плацдармы на восточном берегу Прута. Особенно активный характер носили действия его разведки на направлениях н/п Бельцы и Могилев-Подольский.

Изучая развертывание противника, а также ход боевых действий, Военный совет фронта пришел к выводу, что главный удар в полосе фронта противник будет наносить на Могилев-Подольский и Бельцы. Исходя из этого, потребовалось принять меры по усилению плотности войск на правом фланге 9-й армии. По указанию командующего фронтом в район н/п Бельцы в полосу 48-го стрелкового корпуса был выдвинут 2-й механизированный корпус, до того располагавшийся в районе Кишинева. На стык 18-й и 9-й армий из резерва фронта был переброшен 55-й стрелковый корпус, который занял оборону на рубеже восточнее н/п Липканы. Эти мероприятия способствовали повышению устойчивости обороны войск правого фланга 9-й армии.

1 июля немецко-румынские войска перешли в наступление силами до 6 дивизий из района южнее Липкан в направлении Могилев-Подольский и до 7 дивизий из района севернее Ясс в направлении н/п Бельцы. Они были встречены организованным огнем советских войск. Однако четыре наши дивизии, оборонявшиеся на левом берегу Прута, на участке Липканы, Унгены протяженностью более 150 км, не смогли отбить наступление превосходящих сил противника.

Общее наступление немецко-румынских войск против Южного фронта началось 2 июля. Учитывая успех наступления на Украине и то обстоятельство, что советские войска в Молдавии удерживали свои позиции, командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал К. фон Рундштедт решил ударами 11, 17-й немецких армий и румынских соединений в общем направлении на Винницу окружить и уничтожить главные силы Южного и Юго-Западного фронтов. Утром ударные группировки атаковали соединения 9-й армии на двух узких участках. Главный удар из района Ясс наносили четыре пехотные дивизии в стык двух советских стрелковых дивизий. Другой удар силами двух пехотных дивизий и кавалерийской бригады пришелся по одному стрелковому полку (74 сп 176 сд). Добившись решающего превосходства, германское командование уже в первый день прорвало слабо подготовленную оборону на реке Прут на глубину 8—10 км.

Генерал армии И.В. Тюленев решил перебросить часть своих резервов на правое крыло фронта, по которому наносился главный удар противника. Пока советские войска сосредоточивались, противник продвинулся еще на 30 км. Командующий 9-й армией генерал-полковник Я.Т. Черевиченко контрударами 2-го механизированного корпуса и стрелковой дивизии пытался уничтожить врага, наступавшего на Яссы, Бельцы, но безуспешно.

К этому времени обстановка в полосе Юго-Западного фронта резко ухудшилась. Главная группировка германских войск глубоко вторглась в пределы Украины. К 7 июля противник, овладев Бердичевом, завязал бои у Житомира. В связи с тем что войска 6, 26-й и 12-й армий этого фронта,

Города-крепости

отходя, вели бои значительно западнее меридиана Бердичева, возникла угроза глубокого охвата немецкими танковыми войсками не только армий левого крыла Юго-Западного фронта, но и выхода их в тыл армий Южного фронта. В этот день в связи с отходом 12-й армии Юго-Западного фронта на рубеж Летичев, Копай-город командующим Южным фронтом была отдана директива об отводе войск правого крыла фронта на рубеж Могилев-Подольский, Бельцы, река Прут и об организации на нем обороны.

10 июля 1941 года для координации действий Юго-Западного и Южного фронтов было создано Управление Юго-Западного направления, которое возглавил Маршал Советского Союза СМ. Буденный.

Тяжелое положение, сложившееся в первые две недели войны на Юго-Западном фронте, не могло косвенно не отразиться и на Южном фронте. Уже в первых числах июля, когда шли напряженные бои под Ровно, предназначавшийся в состав Южного фронта 7-й стрелковый корпус, который располагался в районе Кривой Рог, Днепропетровск, Запорожье, был по указанию Ставки передан в Юго-Западный фронт и спешным порядком направлен на Ровно. 4 июля по приказу Ставки пришлось передать в Юго-Западный фронт 16-й механизированный корпус, а также две стрелковые дивизии, сосредоточившиеся в районе Котовска, и 18-й механизированный корпус, действовавший к югу от Жмеринки.

2-й мехкорпус, сильно потрепанный в предыдущих боях, с 14 по 17 июля в районе Котовска тоже проводил восстановление материальной части. В этот период в нем оставалось 10 КВ, 46 Т-34, 275 БТ-7, 38 Т-26, 9 огнеметных танков, 13 — Т-37/38⁷.

Основываясь на ошибочных данных разведки о состоянии противника, И.В. Тюленев сделал вывод: против фронта действует до 53 дивизий, в том числе 13 танковых и моторизованных. В действительности дивизий было в два раза меньше, а танковые и моторизованные соединения и вовсе отсутствовали. Оценив обстановку, командующий решил отвести войска за Днестр, доказывая Ставке, что против столь сильного противника фронт может вести боевые действия только «методом подвижной обороны, опираясь на укрепрайоны на Днестре».

Не дожидаясь, пока Ставка утвердит его решение, И.В. Тюленев приказал войскам начать отход. Однако Главное Командование признало такое решение не отвечающим обстановке и отменило его. 7 июля И.В. Тюленев получил приказ контрударом отбросить противника за Прут, чтобы территорию Бессарабии использовать как плацдарм для будущего наступления; к Днестру отвести разрешалось только примыкавшую к Юго-Западному фронту 18-ю армию генерал-лейтенанта А.К. Смирнова.

При организации контрудара возникло немало сложностей. Так, соединения 9-й армии утром 7 июля начали отходить за Днестр, а чтобы вернуть их, потребовались целые сутки. И только с утра 8 июля три корпуса армии генерала Я.Т. Черевиченко атаковали противника. Вплоть до 10 июля продолжались упорные атаки советских войск. В результате контрудара наступление 11-й немецкой и 4-й румынской армий, действовавших на кишиневском направлении, было задержано.

Командующий 11-й немецкой армией генерал Э. Шоберт, ссылаясь на отсутствие горючего и необходимость восполнения потерь, просил у генерал-фельдмаршала К. фон Рундштедта передышки в наступлении. Тот согласился, но приказал повернуть 54-й армейский корпус для помощи румынам в овладении Кишиневом. 10 июля начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер докладывал генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю, который возглавлял штаб главного командования вермахта: шансы 11-й армии на успех незначительны, и продолжать наступление она сможет не ранее 16 июля.

Положение на Южном фронте временно удалось стабилизировать. Задержка противника позволила 18-й армии отойти и занять Могилев-Подольский укрепленный район, а 9-я армия сумела закрепиться западнее Днестра. Оставшиеся в нижнем течении Прута и Дуная ее левофланговые соединения 6 июля были объединены в Приморскую группу войск под управлением генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова (25, 51-я и 150-я стрелковые дивизии и части, расположенные на Черноморском побережье). Совместно с Дунайской военной флотилией они отразили все попытки румынских войск перейти границу СССР на этом участке. Большую помощь войскам Южного фронта оказали и Черноморский флот, и Дунайская военная флотилия, по силам и средствам превосходившие флот Румынии.

К исходу 9 июля 1941 года в состав Южного фронта входили следующие объединения и соединения.

18-я армия (командующий — генерал-лейтенант А.К. Смирнов) вела бои на фронте Марьяновка, Каменец-Подольский (западнее Марьяновки) и далее по реке Днестр до Сороки.

9-я армия (командующий — генерал-полковник Я.Т. Черевиченко) сдерживала наступление противника на фронте Сороки, Орфеев, Минжир, а ее 48-й стрелковый корпус вел наступление с целью овладения городом Бельцы.

Приморская группа (созданная 8 июля 1941 года из левофланговых соединений 9-й армии, прикрывавших одесское направление) прочно удерживала рубеж по восточному берегу рек Прут и Дунай до Черного моря.

В середине июля обстановка на Юго-Западном направлении резко обострилась. Моторизованные корпуса 1-й танковой группы, выйдя в район Бердичев, Казатин, стали поворачивать на юг, угрожая выходом в тыл войскам 6, 12-й и 18-й армий, главные силы которых вели бои на рубеже Казатин, Летичев, Могилев-Подольский. Одновременно усилился нажим противника на могилев-подольском направлении, особенно в стыке 18-й и 9-й армий. К этому времени в связи с передачей ряда соединений Юго-Западному фронту все силы Южного фронта (около 20 дивизий) оказались втянутыми в бои. Из-за отсутствия во фронте резервов для контратак и контрударов приходилось использовать действовавшие войска, выводя их с большими трудностями из боя. Вследствие недостатка времени для необходимой подготовки, большой утомленности войск и слабой их огневой обеспеченности контратаки и контрудары не достигали поставленных целей. Но, тем не менее они оказывали на врага большое моральное воздействие и наносили ему существенные потери.

Города-крепости

16 июля немецко-румынские войска сосредоточенными ударами с трех направлений силами 11,15-й и 35-й пехотных дивизий сломили сопротивление частей 95-й стрелковой дивизии и захватили Кишинев. С целью освобождения Кишинева 17 июля 9-я армия нанесла контрудары частью сил 48-го стрелкового корпуса по бельгийской группировке, а 2-м кавалерийским корпусом, частью сил 15-й мотострелковой и 95-й стрелковой дивизий — по кишиневской группировке. Однако контрудар цели не достиг, освободить Кишинев не удалось.

События в те дни развивались очень быстро, и положение войск фронта с каждым днем все более и более осложнялось. 17-я немецкая армия, наносившая удар на Жмеринку, 17 июля прорвалась на стыке 12-й и 18-й армий. Вводом в бой 18-го механизированного корпуса удалось предотвратить угрозу распространения противника в глубину в таком чувствительном месте, как стык фронтов. В этот же день началось форсирование крупными силами противника Днестра у Могилев-Подольского. Но наиболее грозные события назревали на севере. В связи с выходом 1-й танковой группы в район Белой Церкви здесь между соединениями правого фланга 6-й армии, действовавшими у Казатина, и развернувшейся южнее Киева 26-й армией образовался почти ничем не прикрытый разрыв, в который грозили устремиться вражеские танковые дивизии. Их выход в тыл войск Юго-Западного и Южного фронтов мог иметь весьма тяжелые последствия. Чтобы этого не допустить. Ставка, по просьбе Главкома Юго-Западного направления, 18 июля разрешила отвести войска 6,12,18-й и 9-й армий на фронт Белая Церковь, Гайсин, Каменка и далее на реку Днестр. Для ликвидации опасного разрыва между 6-й и 26-й армиями она приказала нанести по 1-й танковой группе удар двумя корпусами 26-й армии.

Наступление этой армии, начавшееся 20 июля, хотя и не получило развития, то есть не привело к ее соединению с войсками 6-й армии, но все же сковало силы 3-го и 14-го немецких моторизованных корпусов. И только 48-му моторизованному корпусу удалось 21 июля прорваться в район Умани. Чтобы ликвидировать нависавшую с севера опасность, требовались резервы, но их у фронта не было. Несмотря на тяжелое положение 9-й армии, пришлось срочно вывести из боя 2-й механизированный и 2-й кавалерийский корпуса и спешно перебросить 2-й механизированный в район Умани, а 2-й кавалерийский корпус отвести на восточный берег Днестра в резерв фронта. С выводом из боя этих двух корпусов 9-я армия была сильно ослаблена, в результате чего боевые действия западнее Днестра стали для нас явно невыгодными, и Военный совет фронта принял решение об отходе войск 9-й и Отдельной Приморской армии (создана 20 июля 1941 года. — *Примеч. авт.*) на восточный берег Днестра.

В это время 18-я армия продолжала отражать атаки пехоты и танков противника, наступавшего из района Жмеринки, и на переправах через Днестр в районе Могилев-Подольский, Ямполь. Наши войска часто переходили в контратаки, нанося противнику серьезные удары. Так, 20 июля части 96-й и 169-й стрелковых дивизий разгромили в районе Ямполья часть сил 22-й пехотной дивизии, 229-й пехотный полк 101-й пехотной

дивизии, захватили штаб полка и подбили 12 танков, отразив неоднократные попытки форсировать Днестр.

9-я армия вела тяжелые бои восточнее н/п Бельцы и Кишинев. Противник превосходящими силами стремился прижать ее войска к Днестру и форсировать реку. Однако это ему сделать не удалось. Контратаками наших войск все атаки противника были отбиты с большими для него потерями. Только 21 июля, согласно директиве фронта, войска 9-й армии отошли на восточный берег Днестра, где и заняли оборону, отбивая вражеские атаки на подступах к переправам через Днестр в районе Каменка, Дубоссары, Тирасполь. В это время Отдельная Приморская армия, отражая левофланговыми соединениями натиск противника на нижнем течении реки Прут, правым флангом под прикрытием арьергардов медленно отходила на восточный берег Днестра.

С выходом 21 июля передовых частей противника к Умани создавалась угроза захвата станции Христиновка, где находилось до 1000 раненых, ожидавших эвакуации, и много боеприпасов и горючего. Для организации прикрытия станции и эвакуации раненых в Умань был направлен заместитель начальника штаба фронта генерал-майор В.Ф. Харитонов, который создал отряд из запасных частей и войск охраны тыла, находившийся в районе Умани. Прибывший в район Умани 2-й механизированный корпус (358 танков на 20 июля 1941 года: 10 КВ, 46 Т-34, 215 БТ, 87 Т-26, а также 168 автомобилей)⁸ совместно с этим отрядом 22 июля нанес контрудар по уманьской группировке противника, в результате которого 16-я и 11-я танковые дивизии немцев, понеся большие потери, были отброшены на 40 км в северном направлении. Вот что записал по этому поводу генерал Гальдер в своем дневнике 22 июля: «В районе Умань 16-я и 11-я танковые дивизии ведут упорные бои с крупными силами танков противника. По-видимому, противник бросил против нашего танкового клина соединения, отведенные в ходе отступления с фронта, чтобы прикрыть отвод своих войск, еще действующих западнее... из-под угрозы окружения. Это, конечно, может поставить наши танковые соединения, действующие в районе Умани, в тяжелое положение, тем более, что характер боев с 26-й русской армией не дает оснований надеяться на быстрое достижение успеха». Контрудар несколько облегчил положение войск 6-й и 12-й армий и вынудил противника к более осторожным действиям.

22—23 июля обстановка в полосе Южного фронта еще более обострилась. Противник силами двух корпусов форсировал Днестр на участке Могилев-Подольский, Ямполь и, наступая в направлении Балты, глубоко вклинился на стыке 18-й и 9-й армий. В то же время с выходом основных сил 1-й танковой группы немцев в район Погребищенского, Тетиева, Жашкова, то есть уже в тыл 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта, возникла реальная опасность удара во фланг и тыл войск Южного фронта. По ходу боевых действий было ясно видно, что противник задался целью окружить группировку войск Юго-Западного фронта (6-я и 12-я армии) в районе западнее Умани с последующим разгромом Южного фронта в междуречье Днестра и Южного Буга. Советское командование старалось этого не допустить. Но если для противодействия охвату противника не хватало сил у Юго-Западного фронта, то сил 2-го

Города-крепости

механизированного корпуса и отдельных отрядов ЮФ, сформированных из запасных частей, поддерживаемых малочисленной авиацией фронта, было тем более недостаточно. Резервов же Южный фронт не имел. Надо иметь в виду, что в это время нам с большим трудом приходилось изыскивать силы и средства для парирования ударов противника, прорвавшегося на стыке 18-й и 9-й армий в район Кодыма, Балта, для чего пришлось произвести частичную перегруппировку 18-й армии с выравниванием ее фронта по линии Гайсин, Ободовка, Ольгополь.

26 июля, после того как к правому флангу 9-й армии в район селозерее Котовска был выдвинут 2-й кавалерийский корпус генерала Белова, здесь был нанесен контрудар силами 2-го кавкорпуса, 74,176-й и 164-й стрелковых дивизий в направлении на Кодыму. Однако из-за большой измотанности этих соединений в предшествующих боях и слабой огневой поддержки положительных результатов достигнуто не было. Вначале советские части, продвинувшись на глубину до 8 км, освободили город Балту и ряд других населенных пунктов. Но противник, подтянув части 11-го немецкого и 8-го венгерского корпусов, отразил наш контрудар и продолжал развивать наступление в направлении на Первомайск.

Вследствие неустойчивого положения 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта, на тылы которых все время выходил противник, возникла опасность и для 18-й армии Южного фронта, вынуждавшая ее также к отходу в невыгодных условиях. С прорывом же немецких войск на моголев-подольском направлении создавалась угроза окружения и 18-й армии. Военный совет Южного фронта потребовал от войск напряжения всех сил с целью обеспечить организованный отвод 18-й армии и не допустить ее окружения.

Докладывая обстановку в Ставку Верховного Главнокомандования, Военный совет фронта просил принять меры по разгрому белоцерковско-жашковской группировки противника. Юго-Западный фронт в этих целях продолжал наносить контрудары силами 26-й армии во фланг 1-й танковой группы Клейста в районе южнее Киева. Эти контрудары, задержав наступление главных сил 1-й танковой группы до конца июля, в известной степени облегчили отвод войск левого крыла Юго-Западного фронта и 18-й армии в соответствии с указаниями Ставки на рубеж Тетиев, Гайсин, Ободовка.

Несмотря на большое превосходство в силах и выгодное оперативное положение войск, противник не смог добиться своей цели — окружить армии левого крыла Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов юго-западнее Умани. Ценою больших усилий ему удалось лишь постепенно отгеснить их к востоку.

Вот что по этому поводу записал в своем дневнике начальник штаба сухопутных сил германской армии генерал Гальдер: «Противник снова нашел средства для вывода своих войск из-под угрозы наметившегося окружения. Такими средствами являются: с одной стороны, яростные контратаки против наших преследующих передовых отрядов 17-й армии и, с другой стороны, большое искусство, с которым противник выводит войска из угрожаемых районов».

Анализ хода боевых действий за период с 22 июня по 25 июля показывает, что войска Южного фронта, несмотря на все недочеты, быстро

освоились с боевой обстановкой, упорно и настойчиво проводили оборонительные действия, огнем и контратаками отражали наступление противника, нанося ему серьезные потери. Все это, безусловно, способствовало замедлению темпов наступления германских войск и дало возможность выиграть необходимое время для эвакуации оборудования предприятий Львовской, Тернопольской, Черновицкой и Винницкой областей.

25 июля 1941 года решением Ставки Верховного Командования остатки войск 6-й и 12-й армий, оказавшиеся отрезанными от остальных сил Юго-Западного фронта, были переподчинены Южному фронту, что вызвало ряд дополнительных трудностей. Штаб фронта не смог установить надежной связи с этими армиями, находившимися в крайне тяжелых условиях. Нужно отметить, что связь была неустойчивой не только с этими армиями, но и с остальными армиями фронта, с Главкомом Юго-Западного направления и Ставкой. Это приводило к тому, что важные директивы, приказы и распоряжения часто попадали к исполнителям с большим запозданием, из-за чего намеченные мероприятия нередко срывались или выполнялись не полностью.

В связи с бесперывным отходом соединения 6-й и 12-й армий были сильно измотаны. В результате выхода противника в район южнее Жашкова они оказались в полуокружении северо-западнее Умани. Перед Южным фронтом возникла новая сложная задача — вывести войска 6-й и 12-й армий из полуокружения. Но из-за сильного давления со стороны превосходящих сил противника и отсутствия каких-либо резервов эта задача для фронта оказалась непосильной.

26 июля командующему Южным фронтом доложили, что авиаразведка обнаружила движение немецких моторизованных колонн из района Белой Церкви на юг, что свидетельствовало о наращивании усилий вражеской группировки, обходившей правый фланг ЮФ. В этот же день пришло донесение о том, что противник соединениями 11-й немецкой и 4-й румынской армий форсировал Днестр на участке Дубоссары, Григориополь в стыке 9-й и Приморской армий.

Таким образом, сложилась очень тяжелая обстановка, о чем Военный совет Южного фронта 28 июля доложил Главкому Юго-Западного направления Маршалу Советского Союза СМ. Буденному. В докладе отмечалось, что измотанные в предыдущих боях 6-я и 12-я армии должны были при выходе из полуокружения выводиться в резерв фронта, а борьба с превосходящими силами противника снова ложилась на плечи 18-й и 9-й армий, которые без наличия необходимых резервов не смогут продолжать активные действия в районах Умань, Христиновка и Кодыма, Балта; что при дальнейшем нажиме противника на этих направлениях армии фронта окажутся в весьма затруднительном положении; что противник, имея тройное превосходство в силах, настойчиво добивается разгрома войск правого крыла Южного фронта путем окружения их в районе южнее Умани. В целях сохранения войск и улучшения оперативного положения Военный совет фронта просил разрешения последовательно отводить части 18-й армии и правого фланга 9-й армии на рубежи: Христиновка, Гайворон, Рыбница; Звенигородка, Умань, Дубоссары; река Синюха, Первомайск, Григориополь. Отход

Города-крепости

предполагалось начать 29—30 июля. Но разрешения на отвод войск на указанные рубежи не было получено, так как 28 июля поступила директива Ставки, в которой приказывалось отвести войска правого крыла Южного фронта на рубеж Шпола, Терновка, Балта, Рыбница, который в это время уже частично был захвачен противником.

Не получив санкции на отвод, войска Южного фронта, ведя тяжелые бои, приступили к выполнению директивы Ставки, одновременно принимая меры по отводу 6-й и 12-й армий в связи с угрозой их окружения.

Передача 6-й и 12-й армий Южному фронту пагубно отразилась на их судьбе. На третий день после их формального подчинения генералу армии И.В. Тюленеву штаб Южного фронта сообщал в Ставку: «Установить точное положение частей 6-й и 12-й армий невозможно из-за отсутствия связи...». Положение в районе действий переданных армий удалось выяснить только 29 июля.

Незнание обстановки явилось причиной и последующих неправильных решений. Фактически директива, подписанная генералом И.В. Тюленевым вечером 28 июля, повторяла задачу, поставленную 6-й и 12-й армиям Ставкой еще 25 июля. Да и вообще командование Южного фронта больше заботила судьба своей 18-й армии, на флангах которой противник угрожал прорывом. К сожалению, Ставка тоже недооценила опасность окружения армий И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделина, считая, что неприятель стремится отбросить их на юг, чтобы овладеть переправами на Днепре, между Киевом и Черкассами, для дальнейшего наступления на Донбасс. В связи с этим она 28 июля потребовала от войск Юго-Западного и Южного фронтов не допустить противника к Днепру. А противник продолжал захлестывать петлю с востока и юго-запада, не ослабляя натиска с севера и запада.

Обеспечивая выход полуокруженных войск 6-й и 12-й армий, 2-й механизированный корпус самоотверженно удерживал рубеж севернее Умани, а соединения 18-й армии, отражая непрерывные атаки противника, вплоть до 28 июля стойко сдерживали его натиск на рубеже Гайсин, Ободовка, обеспечивая промежуток, необходимый для их выхода. Но вследствие недостаточной организованности командования 6-й и 12-й армий отвод войск этих армий проходил в замедленных темпах.

29 июля под ударами противника ослабленный боями 2-й механизированный корпус отошел в направлении Умани, а 18-я армия — на Гайворон, вследствие чего остатки войск 6-й и 12-й армий оказались в очень тяжелом положении. В целях обеспечения лучшего руководства действиями этих войск 6,12-я армии и 2-й механизированный корпус были сведены в группу войск под командованием командующего 12-й армией генерал-майора П.Г. Понеделина. Группа имела задачу отойти на рубеж реки Синюха для его обороны. Но выполнить эту задачу она не смогла. Уже к 31 июля для нее возникла угроза окружения в районе юго-восточнее Умани, так как днем раньше две моторизованные дивизии 1-й танковой группы немцев вышли к Новоархангель-ску, охватывая группу Понеделина с востока, а соединения 17-й немецкой армии, захватив Голованевск, выходили на пути ее отхода с юга. В это время 18-я армия вела напряженные бои за овладение Голованевском с целью обеспечить

отход группе войск генерала Понеделина и за удержание рубежа на подступах к Первомайску. Отбить Голованевск армия не смогла. Ее правый фланг оказался открытым и обойденным противником, и она вынуждена была отойти на восток.

Упорное сопротивление войск генерала П.Г. Понеделина в районе Умани задержало дивизии Клейста почти на восемь суток. Окружить советские войска ударом навстречу 17-й армии ему не удавалось. Между тем Клейст опасался, как бы они, отходя на юго-восток, не избежали окружения. 29 июля он приказал 48-му моторизованному корпусу, обходя Умань с востока, наступать на город Первомайск⁹. Соответствующую задачу 49-му горнострелковому корпусу поставил командующий 17-й армией генерал Штюльпнагель: корпус повернул на юго-восток. Этот маневр противника, казалось бы, давал советским войскам драгоценное время для ликвидации угрозы окружения и выхода на юго-восток. Командование Южного фронта упустило и эту последнюю возможность, предоставленную судьбой. Оно по-прежнему требовало от 6-й и 12-й армий отходить на восток.

1 августа стал переломным днем в Уманьском сражении. Утром генералы П.Г. Понеделин и И.Н. Музыченко доложили по радио Военному совету фронта и Ставке: «Положение стало критическим. Окружение 6-й и 12-й армий завершено. Налицо прямая угроза распада общего боевого порядка 6-й и 12-й армий на два изолированных очага с центрами Бабанка, Теклиевка. Резервов нет. Просим очистить вводом новых сил участок Терновка, Ново-Архангельск. Боеприпасов нет. Горючее на исходе»¹⁰. К этому времени 26-я армия отошла за Днепр, удерживая на его правом берегу ржищевский и каневский плацдармы. Начала отходить на юго-восток и 18-я армия — южный сосед группы Понеделина. Пала Умань.

Большая часть 2-го механизированного корпуса на основании директивы командующего Южного фронта № 0024/оп от 25.07.1941 года также была выведена из боя. На 31 июля во 2-м мехкорпусе числилось 147 танков и броневых автомобилей: 1 КВ, 18 Т-34, 68 БТ, 26 Т-26, 7 огнеметных танков, 27 Т-37, 90 БА-10, 64 БА-20. Однако значительная часть бронетехники 11-й танковой дивизии генерал-майора Г.И. Кузьмина (не менее 50 танков и бронемашин) осталось во вражеском кольце. Кроме частей 2 мк от основных сил были отрезаны остатки 16 мк. На 31 июля в нем имелось 5 Т-28, 11 БА-10, 1 БА-20.

2 августа на реке Синюха, у Добрянки, 1-я немецкая танковая группа и 17-я армия замкнули кольцо окружения, а на другой день 16-я танковая дивизия и венгерский корпус соединились в Первомайске, создав еще одно кольцо. На подступах к Первомайску героически вела бои 4-я противотанковая артбригада, самостоятельно, без пехотного прикрытия, отражавшая атаки танков и мотопехоты врага. Бригада уничтожила несколько десятков танков, но спасти положение, естественно, не смогла. Однако командование Южного фронта и мысли не допускало, что его войска оказались в двойном котле. Считая, что П.Г. Понеделину с востока противостоят лишь танковая и моторизованная дивизии, генерал И.В. Тюленев приказывал ему «активными действиями в восточном направлении уничтожить прорвавшегося противника, занять и прочно удерживать рубеж Звенигородка, Бродецкое, Ново-Архангельск, Терновка,

Города-крепости

Краснополье». В действительности же против группы П.Г. Понеделина только с востока наступали 2 корпуса 1-й немецкой танковой группы в составе 6 дивизий, а также 2 пехотные дивизии, а с запада и северо-запада — часть сил 6-й армии, соединения 17-й армии и венгерский подвижный корпус.

Чтобы окруженные могли продолжать сопротивление, командование Южного фронта пыталось организовать снабжение 6-й и 12-й армий по воздуху. Для транспортировки боеприпасов было выделено 5 транспортных самолетов ПС-84 и 10 — ПО-2. Однако таким незначительным количеством средств при господстве авиации противника снабжение войск осуществить не удалось. Например, 2 августа из отправленных самолетами 415-ти 76-мм и 82-х 152-мм снарядов удалось доставить в 6-ю армию только 53 — 76-мм и 37 — 152-мм снарядов. Уже в этот день гаубичные батареи 49 ск не могли вести огонь из-за отсутствия боеприпасов, а в 37 ск артиллерия вела огонь только по особо важным целям.

К 4 августа все тылы и часть сил 6-й и 12-й армий все-таки были выведены из окружения. Остальные войска этих армий, в связи с выходом германских войск на рубеж Ново-Украинка, Первомайск, оказались отрезанными в районе юго-восточнее Умани.

Командование Южного фронта получало собственную информацию о состоянии окруженной группировки, из чего и делало соответствующие выводы.

В этот день Военный совет фронта направил донесение в Ставку и Главкому Юго-Западного направления маршалу Буденному, в котором сообщалось: « Группа генерала Понеделина продолжает оставаться в тяжелом положении. Совершенно непонятна медлительность Понеделина в выполнении неоднократных приказаний об отводе его частей на рубеж реки Синюха. Связь с группой поддерживается по радио и самолетами. 2 августа от Понеделина прибыл представитель штаба фронта на автомашине. 3 августа от Понеделина прилетел самолет, посланный для встречи нашей авиации, доставляющей группе Понеделина боеприпасы и горячее. 3 же августа от Понеделина получена радиограмма, в которой сообщалось, что организованный выход из боя без уничтожения всей материальной части или без немедленной помощи извне невозможен. Эта оценка положения Понеделиным совершенно расходилась с донесениями приезжавших от него офицеров, которые утверждали, что сплошного окружения нет и что в расположении противника имеются незанятые промежутки шириной до десяти и более километров. Обстановка в районе Первомайск, Ново-Украинка не давала возможности помочь группе Понеделина войсками извне, так как их, кроме авиации, не было. Нами вновь подтвержден приказ Понеделину: ночными атаками пробить себе путь и выйги из окружения ».

С 4 августа окруженные оказались целиком и полностью предоставленными самим себе. Правда, командование Юж-

ного фронта пыталось перебрасывать им по воздуху боеприпасы, но, по свидетельству немцев — участников боев под Уманью, значительная часть

сброшенных грузов попадала в руки последних. Командование группы не теряло управление войсками и настойчиво пыталось вырваться из окружения. Самыми решительными и успешными были действия в ночь на 6 августа: 12-я армия пробивалась на восток, а 6-я — на юг. Однако группировка противника, особенно на юге, была настолько сильна, что справиться с ней столь малыми силами оказалось невозможно. Отчаянные атаки в первые предутренние часы, да еще под проливным дождем, на какое-то время привели немцев в растерянность, что позволило советским войскам продвинуться на несколько километров. Но вскоре немцы опомнились: атаковавшим под напором превосходящих сил пришлось с большими потерями повернуть назад, в район Подвысокое. И здесь они продолжали сражаться. Историк, описавший боевые действия 49-го горнострелкового корпуса, дивизии которого на себе испытали яростные атаки окруженных под Уманью, отмечал, что противник, «несмотря на безнадежное положение, не помышлял о плене»¹¹.

Последняя попытка была предпринята в ночь на 7 августа. Советским войскам удалось прорвать оборону 1-й горнострелковой и 24-й пехотной дивизий. На направлении прорывов немецкое командование повернуло 16-ю моторизованную дивизию и полк СС «Вестланд». Днем сопротивление в основном было сломлено, хотя еще до 13 августа в лесу восточнее Копен-коватого, по свидетельству немцев, продолжала сражаться группа командиров и красноармейцев.

Восстановить истинные масштабы потерь советских войск в сражении под Уманью из-за отсутствия документов, к сожалению, весьма затруднительно. Известно только, что 20 июля 6-я и 12-я армии насчитывали 129 500 человек¹². А по данным штаба Южного фронта, на 11 августа окружения удалось избежать 11 тысячам человек, главным образом из тыловых частей¹³. Судя по немецким источникам, под Уманью было взято в плен 103 тысячи советских солдат и офицеров¹⁴, а число убитых русских, согласно ежедневным сообщениям верховного командования вермахта, достигало 200 тысяч человек.

Из этого следует, что имеющаяся в настоящее время в распоряжении историков информация весьма противоречива, но, как бы там ни было, разыгравшаяся под Уманью трагедия глубокой болью отозвалась в сердцах многих советских людей, потерявших там своих родных и близких. Юго-Западное направление лишилось двух армий. В плен попали их командующие генералы П.Г. Понеделин и И.Н. Музыченко, 4 командира корпуса и 11 командиров дивизий. Погибли 2 командира корпуса, 6 командиров дивизий. Но и потери противника, по его собственному признанию, были неожиданно велики. К сожалению, авторы не располагают сведениями об общих потерях германских войск под Уманью; известно, что лишь одна 4-я горнострелковая дивизия потеряла только убитыми 1778 человек.

Судьба попавших в плен под Уманью трагична. Сначала их разместили за колючей проволокой под открытым небом и только с наступлением зимы перевели в неотапливаемые казармы. Тем, кому все-таки удалось выжить в аду немецкого плена, после окончания войны пришлось испить еще одну горькую чашу — по возвращении на Родину.

Города-крепости

Показательна в этом отношении судьба генерала Понеделина. В августе 1941 года, когда Сталину стало известно, что командующий 12-й армией сдался в плен, он приказал судить его. Понеделин был заочно приговорен к расстрелу.

С трагедией под Уманью непосредственно связан приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270, подписанный 16 августа 1941 года. Вопреки истине (хотя надо признать, реальное состояние дел в тот период было очень трудно установить. — *Примеч. авт.*) в нем говорилось, что Понеделин «имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив, таким образом, преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги».

После войны генерал Понеделин — снова в тюрьме, на этот раз на Родине, а спустя пять лет он был расстрелян. Предлогом послужила записка, составленная им в первые дни плена в Ровенской тюрьме. В ней бывший командующий показал положение и численность своих войск на 4—5 августа 1941 года — а ведь эти сведения уже тогда утратили какую-либо ценность для германского командования.

Подобная же участь постигла и командира 13-го стрелкового корпуса генерала Н.К. Кириллова, также отмеченного в приказе № 270.

Во второй половине дня 7 августа в Бердичев, в штаб К. Рундштедта, где в это время находились Гитлер и Ан-тонеску, главнокомандующий румынскими войсками, поступило сообщение о победе под Уманью. Фюрер ликовал. На радостях он одарил Антонеску высшей военной наградой — Рыцарским крестом — и заверил его в том, что еще до наступления осенней непогоды немецкие войска успеют захватить важнейшие центры СССР, в том числе Москву и Ленинград.

Гитлер расценил победу под Уманью как достижение группой армий «Юг» первой стратегической цели, что, однако, не соответствовало действительности, так как, согласно плану «Барбаросса», первой стратегической целью группы армий Рундштедта являлось уничтожение основных сил советских войск на Правобережной Украине. Вот почему 12 августа главное командование сухопутных войск вермахта приказало Рундштедту уничтожить советские войска между устьем Днестра и Запорожьем. Это обеспечило бы немцам охват и оттеснение к Черному морю сил Южного фронта — 9, 18-й и Приморской армий.

Уманская оборонительная операция войск Южного фронта и левого крыла Юго-Западного фронта длилась около месяца. В результате этой операции план германского командования по окружению войск Южного фронта был сорван, но ему удалось окружить 6-ю и 12-ю советские армии, захватить Правобережную Украину и вынудить части Красной армии отойти за реку Днепр.

В связи с неудачей, постигшей остатки войск 6-й и 12-й армий, между Юго-Западным и Южным фронтами образовался широкий разрыв, в который устремились главные силы 1-й танковой группы противника. Создавалась угроза охвата и остальных сил Южного фронта. Положение

еще осложнялось и тем, что крупные вражеские силы прорвались в стыке 9-й и Приморской армий севернее Тирасполя. Назначенный начальником штаба Приморской армии генерал-лейтенант Г. Д. Шишенин в докладе командующему фронтом о сложившейся обстановке высказал мнение, что, видимо, придется оставить Тирасполь, так как в противном случае для врага создается выгодная обстановка для окружения наших частей. Прибывший в расположение армии армейский комиссар 1 -го ранга А.И. Запорожец, присутствовавший на докладе, с раздражением ответил: «Вы, операторы, настроены пораженчески и, кроме отхода, ничего не знаете. Тирасполь можно удерживать месяцы». Но через несколько дней город был занят противником. Войска были вынуждены отойти на восток.

К 5 августа против 14 ослабленных дивизий, имевшихся в армиях Южного фронта, за исключением Приморской, наступали 29 вражеских дивизий и 10 бригад, то есть противник имел более чем двукратное превосходство в силах.

Бронетанковые соединения ЮФ почти не имели боевых машин. Так, в составе 18-го мехкорпуса на 31 июля имелось 15 — БТ и Т-26, 5 — Т-28, 2 огнеметных танка, 1 — БА-10 и 4 — БА-20; не участвующий в боях 24 мк насчитывал 10 — БТ, 64 — Т-26, 2 огнеметных танка, 10 — БА-10, 5 — БА-20. Данные по 2 и 16 мк были приведены выше¹⁵.

Удерживать занимаемые рубежи в таких условиях становилось невозможным. Даже организованный отход войск фронта без усиления их свежими резервами был весьма затруднительным. Если отвод войск, предлагавшийся командованием Южного фронта 28 июля, являлся необходимым условием сохранения живой силы и мог быть выполнен в плановом порядке, то 5 августа, когда была получена директива Ставки отвести к 10 августа войска фронта на рубеж Чигирин, Кировоград, Вознесенск, восточный берег Днестровского лимана, отход стал неизбежным, но уже под давлением противника, в условиях более сложной и тяжелой обстановки.

С 28 июля по 5 августа наши войска, вынужденные вести ожесточенные бои на всем фронте, заметно ослабели. Их правый фланг был глубоко обойден противником. Фронт все более растягивался и поворачивался на северо-восток. В такой обстановке армии Южного фронта, согласно директиве Ставки от 5 августа, отходили на восточный берег Южного Буга и далее на рубежи рек Ингул и Ингулец. Отдельная Приморская армия под руководством нового командующего генерал-лейтенанта Г.П. Сафронова вошла в непосредственное подчинение Ставки. Она получила самостоятельную задачу оборонять Одессу до последней возможности. Эта армия в ночь на 8 августа отходила на рубеж Березовка, Раздельная, Кучурганский лиман, с которого и началась героическая оборона Одессы.

В соответствии с директивой Ставки от 3 августа командование Южного фронта ожидало прибытия в состав фронта к 6 августа 9 стрелковых и 3 кавалерийских дивизий из числа вновь сформированных. Нужно сказать, что эти дивизии, формировавшиеся восточнее Днепра, не были полностью вооружены и сколочены. Одна из них (223-я стрелковая), прибывшая в первых числах августа, была сразу же направлена для при-

Города-крепости

крытия Кировограда с северо-запада. При первом же столкновении с танковыми и моторизованными частями противника эта дивизия потерпела тяжелое поражение, так как она еще не была в достаточной мере подготовлена к боевым действиям, слабо вооружена и не имела противотанковой артиллерии.

6 августа Военный совет фронта направил в штаб Юго-Западного направления свои соображения о дальнейших действиях, которые в основном сводились к следующему. Наличный состав войск фронта с учетом потерь и измотанности непрерывными боями не обеспечивает в какой-либо степени прочное удержание занимаемых позиций, и особенно на кременчугском и кировоградском направлениях. Наиболее целесообразным основным оборонительным рубежом является рубеж Днепр, Кременчуг, Кривой Рог, река Ингулец. Рубеж Знаменка, Кировоград, Николаев может служить в качестве передового. Далее указывалось, что для успешного отвода войск на указанные рубежи нужно немедленно занять наиболее боеспособными войсками участок Смела, Кировоград, уже теперь находящийся под угрозой захвата его противником. Под руководством инженерного управления фронта силами местного населения и строительных батальонов было подготовлено пять рубежей, из которых рубеж Кременчуг, река Ингулец закончен раньше других.

Для обороны Николаева и Одессы оборудуются три рубежа. Занять основной Одесский рубеж — Березовка, Кучурган-ский лиман планируется 95-й стрелковой дивизией и Тира-польским укрепленным районом с последующим усилением их гарнизоном Рыбницкого укрепленного района.

9-я армия, ведя подвижную оборону, займет ингульские позиции на участке Новый Буг, Пески, Березовка и прикроет николаевское направление. 18-я армия займет оборону на участке Ингуло-Каменка, Новый Буг. Для ее усиления и прикрытия отхода на этот участок предполагается выдвинуть одну резервную дивизию в район Нового Буга. Остатки 6-й и 12-й армий ввиду их небоеспособности необходимо отвести за Днепр на переформирование.

В целях обеспечения изложенных мероприятий по приказу Ставки выдвигаются в район Кривого Рога и севернее наиболее вооруженные четыре стрелковые и одна кавалерийская дивизии из формируемой армии под командованием генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова.

Передовые позиции на криворожском и николаевско-одесском направлениях могут быть заняты ориентировочно 15—20 августа.

Между тем события продолжали развиваться быстро и явно невыгодно для советского командования. Противник стремился разгромить 9-ю и 18-ю армии в междуречье Южного Буга и Днепра. Его передовые танковые и моторизованные части 8 августа уже захватили Вознесенск. Силами 2-го кавалерийского корпуса и отряда Одесского пехотного училища дальнейшие попытки противника продвинуться на юг от Вознесенска пока были безуспешны. 18-я армия отходила к Южному Бугу с задачей 9 августа начать переправу на восточный берег южнее Новой Одессы в готовности к действиям в направлении Бобринец, 9-я и Отдельная Приморская армии продолжали сдерживать атаки немецко-

румынских войск на рубеже Троицкое, Жовтень, Кучурганский лиман, Днестр.

Рано утром 9 августа генерала армии Тюленева вызвали к аппарату Главкома Юго-Западного направления СМ. Буденный и член Военного совета Н.С. Хрущев. После обычного приветствия комфронтом кратко доложил обстановку. Три корпуса противника, наступающие на Первомайск и Врэдиевку с запада, по-видимому, 9 августа начнут переправляться через Южный Буг. В связи с тем, что авиация фронта действует в основном севернее Николаева, Тюленев просил нанести удар по вражеской группировке в район Первомайск, Врэдиевка авиацией Юго-Западного направления.

Маршал Буденный ответил, что удар авиацией по указанной комфронта цели будет нанесен. Согласованность ее действий обеспечат командующие ВВС. Затем он спросил, как обстоит дело с подготовкой основного оборонительного рубежа, и сообщил, что Ставка требует от Южного фронта организации обороны на рубеже Чигирин, Кировоград, Вознесенск, Березовка. «Мы обязаны это сделать во что бы то ни стало. Потребуйте от генерала Чибисова энергичных мер по окончанию формирования и выдвигению его войск вперед для занятия указанного ему рубежа», — сказал СМ. Буденный.

Тюленев ответил, что задача понятна, но имеются опасения, вызываемые невысокой боеспособностью только что сформированных дивизий, слабо вооруженных и плохо сколоченных, которые могут оказаться в таком же положении, как и 223-я стрелковая дивизия. Кроме того, части 18-й армии находятся еще на западном берегу Южного Буга, и чтобы ввести их в действие совместно с выдвигаемыми дивизиями, потребуется не менее трех суток.

Буденный согласился с командующим фронтом и сказал, что это задача, безусловно, трудная, тем не менее ее надо выполнять со всей решительностью. Затем он поинтересовался, как обстоит дело с ускорением ремонта танков и бронемашин и что сделано по укреплению основного рубежа. Тюленев доложил, что у их во фронте осталось всего 2—3 десятка танков в 18-м механизированном корпусе. Рубеж по реке Ингулец готовится, отрыты противотанковые рвы и эскарпы. Окопы отрыты еще не везде. Инженерных средств во фронте нет. Имеются сведения, что колючую проволоку и взрывчатку Южному фронту отгрузили только 8 августа. Изыскиваются местные средства. В заключение Буденный сказал, что помимо рубежа, указанного Ставкой, начальник Генерального штаба потребовал подготовить отсечный рубеж от Кривого Рога по реке Саксагань на северо-восток. Указания штабу Чибисова по подготовке этого рубежа уже даны.

Н.С. Хрущев сообщил, что секретарям обкомов партии даны указания привлечь все силы и средства для подготовки оборонительных рубежей.

На этом переговоры закончились.

Противник, стремясь не допустить планомерного отхода войск фронта за Южный Буг, с 8 по 10 августа усилил свой нажим. Ударом в направлении Жовтень, Березовка в стык 9-й и Отдельной Приморской армий он нанес большие потери нашим 30-й и 51-й стрелковым дивизиям,

Города-крепости

вынудил их к отходу. В образовавшийся между армиями разрыв немцы бросили крупные силы. Они стремились ударами танковых дивизий с севера и соединений 11-й армии с запада окружить войска 9-й и 18-й армий.

В этих сложных условиях части 18-й армии, переправившиеся через Южный Буг, начали разворачиваться и вступать в бой к северу от Николаева, 9-я армия испытывала сильное давление противника, особенно на своем левом фланге, но, несмотря на весьма трудное положение, она не могла спешить с отходом, так как 18-я армия еще не успела полностью переправиться на восточный берег Южного Буга. Отдельная Приморская армия отходила на юг, на одесские позиции.

11 августа германское командование возобновило наступление на всем участке Южного фронта, сосредоточив основные усилия против его правого крыла. Во второй половине дня 11 августа немецкие войска форсировали реку Ингул в полосе обороны 18-й армии на участке Новый Буг, Пески и начали развивать успех в направлении города Николаев.

9-я армия под давлением превосходящих сил противника вынуждена была продолжать отход в юго-восточном направлении, прижимаясь к реке Южный Буг.

На Кировоградском направлении немецкие части 11 августа овладели населенным пунктом Александрия и своими подвижными соединениями начали выдвигаться за реку Ингулец в юго-восточном направлении, стремясь выйти с северо-востока в район Кривого Рога.

Командованию Южного фронта стало ясно, что основные усилия противника сосредоточены в 40—50 км севернее Николаева. Нужно было как-то задержать его соединения, обходившие правый фланг советских войск. Учитывая чувствительность немцев к фланговым ударам, командование ЮФ, не имея других сил и средств, вывели из боя под Вознесенском 2-й кавалерийский корпус и перебросили его к 12 августа в район Нового Буга. Выйдя в этот район, корпус осуществил удар по хвосту колонны 9-й танковой дивизии немцев, нанес ей потери и вынудил ее развернуться и принять бой.

Прорыв противника в районе Пески и его наступление за реку Ингулец создали очень тяжелое для войск Южного фронта положение. 9-й и 18-й армиям угрожала опасность окружения в районе Николаева.

Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая большое политическое и военное значение городов Одесса и Николаев, приказала этих городов не сдавать, а организовать их прочную оборону, которая облегчалась тем, что Черноморский флот господствовал на Черном море, а Дунайская и Днепровская флотилии действовали на реках Южный Буг, Ингул, Днестр и Днепр.

На основании указаний Ставки Верховного Главнокомандования (11 августа с командующим Южным фронтом говорил по телефону начальник Генштаба РККА Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников), командующий Южным фронтом генерал армии И.В. Тюленев 11 августа 1941 года решил отвести 9-ю армию за реку Ингул и возложить на нее задачу обороны города Николаев. Оборона Одессы возлагалась на

Приморскую армию, которая к вечеру 10 августа отошла на дальние подступы к Одессе и приступила к организации обороны.

12 августа Ставка разрешила отвести 18-ю и 9-ю армии на рубеж Кривой Рог, река Ингул. В то же время Южный фронт должен был продолжать прочно удерживать Одессу и Николаев. К этому времени создалось исключительно тяжелое положение для всей 9-й армии, прижатой превосходящими силами врага к реке Южный Буг, через которую для армии подготовленных переправ не было. Но благодаря героическим усилиям инженерных войск, использованию местных средств и даже плавучего дока Николаевских верфей был наведен трехкилометровый мост, что спасло положение. Вся материальная часть и войска 9-й армии сумели переправиться на восточный берег реки.

13 августа штаб фронта из Николаева передислоцировался в Берислав, а войска фронта, в соответствии с указаниями Ставки, прикрываясь частью сил 18-й армии с севера и северо-востока, начали отход на указанный Ставкой рубеж.

Бои за Николаев шли в течение 13—16 августа. Город обороняли 30 и 150 сд, имевшие в своем составе 418-й гаубичный (150 сд), 59-й легкий и 121-й гаубичный (30 сд), а также 648-й корпусной артиллерийский полки. Артиллерийское обеспечение обороны переправы через реку Ингулец в районе Снигиревки возлагалось на 266-й корпусной артполк и артиллерию 296 сд.

15 августа противнику, наступавшему с севера, удалось прорваться к Николаеву. Советские войска в течение суток отбивали атаки врага, прикрывая отступление основных сил на восток. К утру 16 августа немецкие войска окружили город, где еще оставался один стрелковый полк 51 сд, усиленный 225-м гаубичным артполком. Весь день стрелки и артиллеристы вели уличные бои с врагом. В ночь на 17 августа командир 225 гап организовал контратаку с целью прорыва из окружения и вывода оставшейся матчасти. Контратака успеха не имела, но л/с полка, уничтожив орудия и автомашины, пробился к Херсону.

В это время 18-я армия получила задачу нанести контрудар из района Пески, Явкино в направлении на Новый Буг, во взаимодействии со 2-м кавалерийским корпусом, наступающим в этом направлении с севера, восстановить оборону по реке Ингул.

Свой контрудар в направлении Нового Буга 18 А начала еще 13 августа, но выполнить задачу ей не удалось. Это объясняется тем, что германское командование усилило свою группировку на этом направлении и создало большое превосходство в силах и средствах. Кроме того, против войск 18-й армии действовали подвижные войска, большое количество танков, а 18-я армия не имела танков, а также не имела и противотанковых средств борьбы. Германские войска, отразив контрудар 18-й армии,

14 августа возобновили наступление. Наибольшую опасность для войск 9-й и 18-й армий представляло их наступление на юг вдоль восточного берега реки Ингулец. На этом направлении создалась реальная угроза выхода немецких войск в район населенных пунктов Берислава и Каховки

Города-крепости

ранее, чем туда смогли бы отойти войска 9-й и 18-й армий. Войска Южного фронта начали отход за реку Днепр.

Противник, стремясь не допустить отхода наших войск, силами 16-й танковой и моторизованной дивизии СС «Лейб-штандарт СС Адольф Гитлер» прорвался на стыке 18-й и 9-й армий и перерезал им пути отхода на восток. Пришлось бросить в бой все силы авиации фронта, которые, взаимодействуя с войсками 18-й и 9-й армий, в основном обеспечили их отход и нанесли большие потери противнику. В ночь на 17 августа 2-й кавалерийский корпус, 18-я и 9-я армии переправлялись через речку Ингулец, имея приказ отойти на восточный берег Днепра.

Нужно сказать, что нажим немецких танковых дивизий, угрожавших выводом в тыл войск 18-й и 9-й армий, стал слабее. 48-й танковый корпус противника, выйдя на восточный берег реки Ингул, повернул на север, что облегчило нашим войскам отход за Ингулец.

Ставка Верховного Главнокомандования еще 7 июля 1941 года специальной директивой потребовала подготовить рубеж обороны по восточному берегу реки Днепр и рубеж, проходящий от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кре-монец и дальше на север по Днепру, включая район Киева на правом берегу реки Днепр. Этот рубеж приказывалось своевременно занять новыми дивизиями, выдвинутыми из резерва. Выполнение этих требований дало бы возможность принять на указанный рубеж отходящие части Красной армии, привести их в порядок и создать сильную оборону, используя мощный водный рубеж.

Но эти требования Ставки Верховного Главнокомандования не были выполнены, главным образом из-за отсутствия в то время необходимых новых соединений в руках Главнокомандующего Юго-Западного направления.

Поскольку рубеж обороны по реке Ингулец советским войскам удержать не удалось. Ставка Верховного Главнокомандования приказала при отходе войск за Днепр удерживать плацдармы в районах Киева, Черкасс, Днепропетровска, Никополя и Херсона. Эти плацдармы могли создать необходимые условия для переправы советских войск на левый берег Днепра и одновременно затруднить противнику форсирование реки Днепр с ходу.

Для обороны Днепра Ставка Верховного Главнокомандования выделила значительное количество соединений, из которых во второй половине июля и первой половине августа 1941 года было сформировано 4 новых армии (37, 38 А и две резервных, названных опять 6-й и 12-й). Эти армии заняли оборону некоторых участков по реке Днепр: 37-я — Киевский укрепленный район (командующий генерал-майор А.А. Власов); 38-я — на участке Черкасы и Кременчуг (командующий генерал-майор И.В. Фекленко), резервные 6-я и 12-я — в районе Днепропетровска и Запорожья (командующие, соответственно, генерал-майор Р.Я. Малиновский и генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов). Отход войск Юго-Западного и Южного фронтов за Днепр был начат 15 августа. Отход приказывалось закончить до 25 августа. За 10 дней армии двух фронтов должны были с боями отойти на 50—150 км. Темп отхода планировался

10—15 км в сутки. Для обороны плацдармов выделялись 13 дивизий: в район Черкас —

2 стрелковые дивизии, в район Днепропетровска — 8 дивизий, в район Запорожья — одна дивизия, в район Никополя — одна дивизия, в район Каховки — одна дивизия.

Войскам Юго-Западного фронта приказывалось отходить за Днепр и занять оборону на рубеже от Лоева до Кременчуга, а войскам Южного фронта — от Кременчуга до Херсона.

Армии Южного фронта, на которые возлагалась задача обороны рубежа реки Днепр, значительно усиливались артиллерией. Новая 6-я армия получила 269, 274 и 283 кап, 2,

3 и 4/522 гап БМ, 4 птабр; новая 12-я армия — 374 и 268 кап, 1/522 гап БМ; 18-я армия — 437 кап; 9-я армия — 648 и 266 кап.

С началом отхода советских войск к Днепру противник своими подвижными войсками устремился к населенным пунктам Окуниново, Черкасы, Кременчуг, Днепропетровск, Каховка, стараясь выйти к ним раньше отступающих советских частей и форсировать реку Днепр с хода.

На другом участке против 12-й армии генерала Чибисова, успевшей выдвинуть на рубеж обороны лишь две дивизии (223-ю и 253-ю), немцы бросили 3-й и 14-й механизированные корпуса (четыре танковых и четыре моторизованных дивизии). 3-й механизированный корпус противника нанес удар в стык 26-й кавалерийской и 273-й стрелковой дивизиям, не успевшим занять прочной обороны в направлении города Днепропетровска. 14-й механизированный корпус наносил удар через Кривой Рог против 253-й дивизии на Запорожье.

16 августа, не выдержав удара превосходящих сил противника, указанные дивизии отошли к Днепропетровску и Запорожью. В бой вступили дивизии второго эшелона армии — 230, 255-я и 275-я в районе Днепропетровска и 274-я стрелковая дивизия у Запорожья. 26-я кавалерийская дивизия отошла на восточный берег Днепра, где заняла оборону. Завязались упорные бои на днепровском и запорожском плацдармах, длившиеся до конца августа.

В районе Запорожья немцы пытались переправиться на левый берег по плотине Днепровской ГЭС, но были быстро подбиты артиллеристами и поспешили ретироваться.

В целях задержки противника, рвавшегося к Запорожью, из района 40 км юго-западнее Днепропетровска 19 августа был нанесен контрудар силами двух кавалерийских дивизий и двух танковых бригад. В боях, продолжавшихся два дня, существенных результатов достигнуто не было. 274-я стрелковая дивизия вынуждена была оставить плацдарм и переправиться на восточный берег Днепра. В это время войска 9-й и 18-й армий и 2-го кавалерийского корпуса отходили за Днепр на участке от Никополя до Херсона. Но тем не менее контрудар оказал воздействие на противника и заставил его отказаться от преследования 18-й и 9-й армий, которые получили возможность оторваться от противника и переправиться через Днепр.

Вечером 18 августа вследствие взрыва, разрушившего плотину Днепрогэса, уровень воды в Днепре поднялся, что сильно осложнило

Города-крепости

переправу войск 18-й и 9-й армий и 2-го кавалерийского корпуса. Ширина реки в ее нижнем течении в среднем составляла около 2 км. Понтонно-переправочного имущества, имевшегося в наличии, хватило лишь для сооружения легких паромов. Пришлось изыскивать местные переправочные средства. На помощь войскам были привлечены парходы, буксирные катера, баржи, плавучие пристани Днепроовского пароходства, рыбацкие лодки и другие подручные средства. Благодаря четкой организации погрузки и разгрузки и круглосуточной работе буксиров в период с 18 по 22 августа основная масса войск и боевой техники была переправлена на восточный берег Днепра.

20 августа германские войска в составе 3 пехотных и 3 танковых дивизий вышли к Днепропетровскому плацдарму. Бои за плацдарм продолжались по 28 августа. Немцам удалось прорвать оборону советских войск и на их плечах выйти к Днепру, захватить невзорванный наплавной мост и переправить по нему на левый берег Днепра до полка пехоты. Этими силами германскому командованию удалось захватить плацдарм в районе Ломовки и удержать его. Однако уже через несколько часов советская артиллерия разрушила переправу, а также потопила до 14 барж с немецкими переправляющимися войсками. Особенно эффективным был огонь 274-го и 269-го корпусных артольков, заслуживших благодарность командования 6-й армии.

28 августа войска Юго-Западного направления закончили отход за реку Днепр, удержав за собой плацдармы в районе Киева и Черкасс. Армии заняли следующие полосы обороны: 5-я — от Лоева до Киевского укрепленного района; 37-я — Киевский укрепленный район; 26-я — от Киевского укрепленного района до Черкасс; 38-я — от Черкасс до Кременчуга; новая 6-я — от Кременчуга до Днепропетровска; новая 12-я армия — от Днепропетровска до Васильевки; 18-я и 9-я — от Васильевки до Херсона.

Ширина полос армий была от 140 до 150 км. Оперативное построение — одношеронное. Оперативная плотность — от 15 до 20 км на дивизию. В войсках танков практически не было. Незначительное количество авиации находилось в руках Главнокомандующего Юго-Западным направлением. Необходимо отметить, что большинство дивизий ощущало острый недостаток в стрелковом оружии, в пулеметах и артиллерии.

28 августа немецкие войска вышли к Днепру на всем его протяжении, имея плацдармы на левом берегу реки в районе населенных пунктов Окуниново и Днепропетровск. К этому времени германская группировка войск была следующей. На фронт Лоев, Черкасы вышла 6-я армия (в составе 21 дивизий); на фронт Черкасы, Запорожье — 17-я армия (в составе 14 дивизий); Запорожье, Херсон — 3-я армия королевской Румынии и 11-я немецкая армия (в составе 11 дивизий). В районе Кировограда и Кривого Рога сосредоточилась 1-я танковая группа (в составе 12 дивизий); в районе Николаева — прибывший на фронт Итальянский экспедиционный корпус и 8-й венгерский корпус (5—6 дивизий).

С отходом советских войск за реку Днепр был создан сплошной фронт обороны на Юго-Западном направлении.

На фронте от Лоева до Херсона с советской стороны было развернуто 45 дивизий. Оперативная плотность составляла 19 км на дивизию. Более плотная группировка находилась на участке Киев, Черкассы, где плотность составляла 10—12 км на дивизию. Германское командование имело на этом участке фронта 64 дивизии (без 4-й румынской армии, которая имела 20 дивизий). Его основные силы были сосредоточены в районах Окуниново, Кременчуг, Днепропетровск, Борислав. Соотношение сил складывалось в пользу немецких войск.

С конца августа вплоть до 10 сентября 1941 года войска Южного фронта, отойдя на восточный берег Днепра, вели упорные бои с противником, стремившимся форсировать Днепр. 30 августа во время боев по ликвидации плацдарма, захваченного противником у завода «Коминтерн» (в районе Днепропетровска), комфронтом генерал армии И.В. Тюленев получил ранение при разрыве вражеской мины и был направлен в Москву в Центральный военный госпиталь. В командование войсками фронта вступил генерал-лейтенант Д.М. Рябышев.

В начале сентября советские войска ЮФ пытались ликвидировать немецкие плацдармы в районе Днепропетровска и под Каховкой.

Контрудар войск 9А в районе Каховки начался 2 сентября 1941 года. В операции участвовали 296, 176, 150, 51-я и 74-я стрелковые дивизии, два корпусных артиллерийских полка (266 и 648 кап) и два отдельных танковых отряда (всего 25 танков), приданных 51 сд. 8 сентября в бой были введены два отб (57 танков), поддерживавших 150 сд.

Прибывшие стрелковые части вступали в бои с ходу, без организованного взаимодействия артиллерии с пехотой. Взаимодействие артиллерии с авиацией также отсутствовало. Оба танковых отряда являлись сводными соединениями, которыми руководили офицеры отдела АБТВ 9А. По видимому, имевшиеся в них боевые машины (15 Т-34, Т-26 и БТ-7 под командованием капитана А.Т. Барвинка; 3 БТ-5 и 7 Т-38 под командованием старшего лейтенанта С.Д. Баскина) и являлись всеми наличными танками 9-й армии. Несмотря на храбрость бойцов 51-й стрелковой дивизии и поддерживавших их танкистов, упорно атаковавших немецкие позиции с 4 по 7 сентября 1941 года, особых успехов достичь не удалось. Повторялись характерные и ранее для Красной армии тактические ошибки — немцы минометным огнем отсекали пехоту от атакующих танков и те были вынуждены отступить на исходные позиции, неся тяжелые потери. Германским войскам, правда, тоже доставалось. Так боевая машина политрука Двинянинова «привезла на своих гусеницах две головы фашистов, а также части офицерского и рядового снаряжения». К 8 сентября 51 сд «выдохлась», а из отряда А.Т. Барвинка уцелело только 2 танка¹⁶.

7 сентября в состав 9А вошли два танковых батальона (9 БТ-7, 13 Т-26, 20 Т-38, 15 Т-37), которые прибыли ж/д транспортом и должны были поступить в распоряжение 150 сд. Экипажи этих подразделений не были «сколочены», а также не умели управлять легкими танками Т-37/38 (до этого они служили на КВ и Т-34). При первой заводке на станции сгорели двигатели двух Т-38, еще 10 боевых машин (3 БТ-7, 7 Т-37) были немедленно отправлены в район н/п Чаплинка, где уже сражался отряд

Города-крепости

старшего лейтенанта Баскина. Остальные 45 танков прибыли в распоряжение 150 сд и поддерживали ее в боях также без особых успехов. К 9 сентября, когда советские атаки прекратились, 13 танков в обоих батальонах (1 БТ-7, 5 Т-26, 7 Т-37/38) было потеряно¹⁷.

Однако танкисты уничтожили 16 противотанковых пушек, 17 пулеметов, 6 минометов, 4 танка и БА, 4 мотоцикла противника. Несмотря на все известные промахи, нахождение танков в боевых порядках стрелковых дивизий придавало уверенности нашей пехоте.

Утром 9 сентября противник возобновил наступление с каховского плацдарма. Преодолев сопротивление советских войск, его 11-я армия 12—16 сентября вышла к крымским перешейкам. 18-я и 9-я армии Южного фронта с боями отошли на рубеж Запорожье, озеро Молочное и здесь остановили продвижение врага.

ОБОРОНА ОДЕССЫ (10 августа — 16 октября 1941 года)

ПЛАНЫ СТОРОН

В конце июля 1941 года части Южного фронта под давлением превосходящих сил противника с боями отходили за реку Днестр. Приморская группа (затем армия) в составе двух стрелковых (25-й и 95-й) и одной кавалерийской (1-й) дивизий занимала оборону по восточному берегу реки Днестр от Тирасполя до Каролино-Бугаз, упираясь своим левым флангом в Черное море. Правее ее на широком фронте по Днестру оборонялась 9-я армия.

11-я немецкая и 4-я румынская армии (5, 6, 13, 1-я гвардейская дивизия, 1-я гвардейская дивизия корпуса охраны границ, 1 тп), наступавшие на восток, стремились ударом в общем направлении на Вознесенск разобщить усилия 9-й и Приморской армий и, отбросив последнюю к морю, овладеть Одесской военно-морской базой.

Введя в бой 3 свежие пехотные дивизии (72-ю немецкую, 3-ю и 7-ю румынские), противник переправился на восточный берег реки Днестр в районе Дубоссары и захватил плацдарм. Однако развить дальнейший успех ему не удалось. Войска 9-й и Приморской армий, взаимодействуя на смежных флангах, успешно контратаковали Дубоссарскую группировку противника, частично потеснили ее и заставили перейти к обороне.

Одновременно противник развивал наступление севернее, обходя правый фланг 9-й армии. К 7 августа противником были заняты города Котовск, Первомайск, Кировоград и Вознесенск. Его авангардные части достигли Кременчуга. Создавалась явная угроза обхода всему левому крылу Южного фронта, прижатия части его сил к морю, в результате чего возрастала и опасность изоляции с суши морских баз — Одессы, Николаева, Очакова и Херсона.

В результате штаб Южного фронта в начале августа был вынужден дать директиву об отходе армий на рубеж реки Южный Буг и далее на Днепр.

Прикрытие одесского направления и Одесской военно-морской базы с суши возлагалось на Приморскую армию, которой было приказано отойти на рубеж — Березовка, Ка-таржино, станция Кучурган — и оборонять его.

Совместно с сухопутной армией в обороне Одессы участвовали корабли и авиация основных сил Черноморского флота.

Отход на восток 9-й и Приморской армий все больше оголял юго-западные районы Черноморского побережья. Немецко-румынские войска угрожали внезапным захватом Одесской военно-морской базы. Учитывая положение, создавшееся в районе Одессы, народный комиссар Военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов поставил перед командованием Черноморского флота следующие задачи:

«1. Командиру базы связаться с сухопутным командованием по вопросу обороны с использованием кораблей и особенно батарей на суше, детально разработав вопросы взаимодействия. Если по обстановке сухопутных частей не окажется, решать задачу самостоятельно.

2. Кораблям базы поддерживать войска до последнего снаряда. В случае ухода войск действовать самостоятельно по войскам противника, используя Тендр как маневренную базу для повторных ударов.

3. В случае окружения Одессы организовать поддержку и питание с моря.

4. Для обороны базы и поддержки сухопутных войск по обстановке использовать корабли и авиацию основного ядра Черноморского флота»¹⁸.

В период с 7 по 10 августа 1941 года части Приморской армии по приказу командующего Южным фронтом отходили на рубеж: Березовка, Катаржино, станция Кучурган, однако задержаться на нем не смогли. Противник, вклинившись в стык 9-й и Приморской армий, непрерывно теснил части Красной армии на юго-восток, и они к 22.00 10 августа отошли на линию: Александровна, станция Буялык, Павлинка, Старая Вандалинка, Бриновка, хутор Новоселовка, Мангейм, Беля-евка, Каролино-Бугаз, где стали спешно закрепляться.

Создавшаяся обстановка поставила в тяжелое положение не только части Приморской армии, но также и Одесскую военно-морскую базу.

Выполняя приказ народного комиссара ВМФ, Черноморский флот перенес свою боевую деятельность в северозападный район моря и направил свои основные силы на защиту Одессы. Количество военных кораблей и численность авиации Одесской военно-морской базы были быстро и значительно увеличены, подходы к Одессе с моря минировались, береговые батареи готовились к встрече противника с суши, из личного состава кораблей формировались новые части морской пехоты.

Нужно отметить, что район боевых действий не способствовал организации сильной противотанковой, а также противовоздушной обороны, и представлял собой слегка всхолмленную, понижающуюся к морю равнину, которая существенно затрудняла маскировку. Берег моря в этом районе — высокий и крутой, с узкими песчаными и каменистыми пляжами у обреза воды. Местность пересечена широкими, глубиной до 40 м балками, тянущимися с севера на юг, и лиманами. Одни лиманы отделяются от моря песчаными пересыпями шириной от 2 до 5 км, как,

Города-крепости

например, Тилигульский, Куяльницкий и Хаджибейский; другие сообщаются с морем.

С берега можно видеть все, что происходит на море, с моря же просматриваются только прибрежные балки, долины и лиманы. Это ограничивало возможность наблюдения за противником и затрудняло тем самым использование корабельной артиллерии для стрельбы по наземным целям. В ходе боев эти трудности были ликвидированы. Артиллеристы кораблей, взаимодействуя с наземными войсками, создали на местности сеть корректировочных постов, чем облегчили наблюдение за действиями пехоты и за разрывами снарядов. В боевые порядки пехоты высылались командиры-артиллеристы со средствами связи, корректировавшие артиллерийский огонь с пехотных наблюдательных пунктов.

Лиманы, делящие побережье на ряд изолированных друг от друга участков, затрудняли маневрирование войск с запада на восток и обратно — в полосе от 10 до 40 км к северу от берега моря. Вместе с тем меридиональное расположение этих лиманов не мешало наступающим немецко-румынским войскам действовать в южном направлении прямо на Одессу, создавая одновременно хорошие условия обхода города с востока и запада. Куяльницкий и Хаджибейский лиманы разделяли усилия обороны на две части и лишали войска Приморской армии возможности оперативного, а затем уже и тактического взаимодействия. Берега лиманов в этом районе высокие и обрывистые. Верховья всех лиманов летом пересыхают, однако дно их остается вязким, илистым, что исключает возможность движения по нему даже пехоты. В ходе оборонительных боев под Одессой лиманы были использованы советскими частями для обеспечения своих флангов, которые сначала упирались в Тилигульский и Днестровский лиманы; позднее правый фланг прикрывался Аджалыкским и Большим Аджалыкским лиманами, а левый фланг — Сухим лиманом.

Наличие лиманов, с одной стороны, облегчало прикрытие флангов оборонявшихся войск, с другой стороны — затрудняло их взаимодействие и вызывало необходимость иметь резервы на нескольких направлениях. В силу этого оборона могла быть создана только по принципу секторов, самостоятельно действующих на каждом отдельном направлении.

Несмотря на это, в результате громадных усилий войск и населения города в короткий срок на этой местности была построена довольно сильная оборона, опираясь на которую, советские войска могли нанести противнику большие потери.

Одесса — большой морской порт и крупный промышленный центр — с началом войны приобрела важное стратегическое и оперативное значение. Являясь первоклассной военно-морской базой, этот город, ближайший к театру военных действий на юге, служил одной из основных баз, обеспечивавших питание армий Юго-Западного направления.

Опираясь на Одесскую морскую базу, корабли Черноморского флота господствовали в северо-западной части Черного моря.

С приближением боевых действий к Одессе значительная часть населения ее эвакуировалась. К началу августа 1941 года в городе

оставалось около 300 тысяч жителей. Быстрыми темпами проходила эвакуация фабрично-заводского оборудования.

Наличие достаточно развитой сети шоссежных дорог, расходящихся во всех направлениях от Одессы, создавало весьма благоприятные условия для работы тыла, для связи сухопутных войск с морским флотом и маневра артиллерии. Наличие фабрик, предприятий пищевой промышленности, медицинских учреждений, мастерских с квалифицированными рабочими делало Одессу прочной базой обороны, которая с помощью морского флота могла обеспечивать фронт всем необходимым.

11-я немецкая (50, 72, 73-я пехотные дивизии) и усиленная 4-я румынская (3, 7, 11, 13, 14, 15, 21, 35, 1-я гвардейская, 1-я гвардейская пограничная пехотные и 1-я кавалерийская дивизии, а также танковые части) армии, действовавшие против левофланговых армий Южного фронта на 10 августа, после отхода частей Красной армии от Днестра продолжали развивать удар в восточном направлении — в стык 9-й и Приморской армий. Разъединив силы этих армий, германское командование направило 4-ю румынскую армию на Одессу, стремясь на плечах отходивших советских частей ворваться в город и овладеть им. Немецко-румынские воздушные силы, поддерживавшие наступление 4-й румынской армии, используя аэродромы, расположенные в захваченных районах западнее Одессы, приступили к систематической бомбардировке города и порта, делая до 1000 самолето-вылетов в день.

В румынском порту Констанца спешно собирались подводные лодки, прибывшие из Германии в разобранном виде. Они в ближайшее время должны были начать свои действия в бассейне Черного моря.

Для захвата Одессы германское командование направило следующие силы 1-й линии: 72-ю пехотную немецкую, 7, 3, 21-ю пехотные, 1-ю гвардейскую моторизованную и 1-ю кавалерийскую румынские дивизии. 72-я немецкая дивизия наступала в направлении населенного пункта Свердлово, обтекая частью сил с танками правый фланг Приморской армии со стороны поселка Федоровка на Коблево. Большая часть сил 7-й румынской дивизии наносила удар в юго-восточном направлении между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, меньшая — в направлении Кубанки. 3-я румынская дивизия действовала на фронте от Старой Вандалинки до железной дороги Раздельная — Одесса, а 1-я кавалерийская дивизия следовала за ней во втором эшелоне. 1-я гвардейская румынская мотодивизия наступала юго-западнее железной дороги. 21-я румынская дивизия развивала наступление на крайнем правом фланге в направлении населенного пункта Беляев-ка. Таким образом, немецко-румынские войска стремились обойти правый фланг Приморской армии, захватить Одессу, отрезать отступавшие части Красной армии от моря и, лишив возможности эвакуироваться, уничтожить их.

После того как этот первоначальный замысел противника провалился, немецко-румынское командование подтянуло свежие силы и, произведя перегруппировку, предприняло новую попытку окружения Приморской армии, стремясь охватить теперь уже оба ее фланга. Для

Города-крепости

этого предусматривалось нанесение двух сильных ударов: одного — в юго-западном направлении, в секторе между Аджалыкским и Куяльницким лиманами, и другого — в юго-восточном направлении вдоль Днестровского лимана. Противник рассчитывал, что с выходом в район населенных пунктов Новая Дофиновка, Чебанка и Старая Дофиновка он получит возможность обстреливать порт артиллерийским огнем и непосредственно угрожать основной морской коммуникации войск Одесского гарнизона. Удар в юго-восточном направлении, вдоль Днестровского лимана, был дополняющим, предпринятым с целью зажатия советских войск в «клещи».

Противник в ходе боев за Одессу наносил удар и в центральном направлении, вдоль железной дороги Раздельная — Одесса. Наступавшие войска не встречали здесь никаких естественных препятствий, местность благоприятствовала использованию танков. Это направление, с одной стороны, было кратчайшим, так как выводило противника непосредственно к городу, с другой стороны, оно являлось более опасным для него, так как в этом случае враг действовал против нашей обороны фронтально. В конечном итоге оно играло роль вспомогательного.

Строя свои планы овладения Одессой, германское командование в целом недооценивало силу сопротивления частей Красной армии и Черноморского флота, а также не учитывало твердой решимости населения защищать свой город. При охвате Одессы с востока и юго-запада главные силы немецко-румынских войск на значительном расстоянии попадали под воздействие артиллерии кораблей и береговой обороны.

К исходу 10 августа части Приморской армии под прикрытием сильных арьергардов с боями отошли к Одессе и заняли оборону: 95-я Молдавская стрелковая дивизия генерала В.Ф. Воробьева — на рубеже Старая Вандалинка, Бриновка, станция Карпово; 25-я Чапаевская стрелковая дивизия генерала И.Е. Петрова — станция Карпово, Секретаревка, Ман-гейм, Кагарлык, Беляевка. Для обеспечения правого фланга Приморской армии вновь сформированные полки морской пехоты и войск НКВД (26-й пограничный полк НКВД майора А.А. Маловского) были направлены к северо-востоку от Одессы и заняли оборону на фронте Александровка, станция Буялык, Павлинка, Старая Вандалинка, составив сводный отряд комбрига Монахова. 1-я кавалерийская дивизия (в отдельных документах значится как бригада. — *Примеч. авт.*) только что закончила формирование и находилась в Одессе. Здесь же расположился штаб Приморской армии.

С первых дней обороны Одессы войска армии образовали три оборонительных сектора, каждый силами до дивизии. Артиллерия, штатная и приданная на усиление, кроме стационарных береговых батарей, включалась в состав секторов и распределялась по группам АПП стрелковых полков. Дальнебойные стационарные береговые батареи подчинялись непосредственно начальнику артиллерии армии (полковник Н.К. Рыжи) и образовывали группы АДД, в состав которой включался и 265-й корпусной артиллерийский полк майора Н.В. Богданова.

Силы Черноморского флота спешно готовились к обороне. В полной боевой готовности находились эсминцы: «Фрунзе», «Дзержинский», «Смышленный», «Бодрый», «Беспощадный», «Шаумян», «Незаможник», крейсер «Червона Украина», лидер «Ташкент» и другие корабли флота.

Из личного состава Одесской морской базы формировались 1-й морской полк — 1500 человек и 2-й морской полк в составе 750 человек. По приказу НК ВМФ № 00241 формировался отряд кораблей северо-западного района под командованием контр-адмирала Д.Д. Вдовиченко в составе: крейсера «Коминтерн», эсминцев «Шаумян» и «Незаможник», 5 тральщиков, 2 бронекатера и 4 блиндеров.

Подвижная артиллерия Одесской военно-морской базы в составе 40-го артиллерийского дивизиона и 65-й батареи была придана полку НКВД. Кроме того, 724-я и 36-я батареи подвижной артиллерии действовали в районе Лютдорфа и 726-я — в районе Крыжановки.

Оборонительный рубеж, занятый Приморской армией, полукольцом охватывал район Одессы и флангами упирался в Тилигульский и Днестровский лиманы. Части, оборонявшие Одессу, были лишены сухопутной связи с войсками Южного фронта, имея в тылу море. Главные усилия обороны командующий концентрировал на северо-западе от Одессы, откуда предполагался основной удар немецко-румынских войск. Резерв (1-я кавалерийская дивизия) командующий армией держал ближе к левому флангу обороны. Однако наличие хороших дорог и ровная местность давали возможность маневрировать резервом во всех направлениях, в том числе и на восток.

Слабость обороны заключалась в том, что войска вынуждены были защищаться на очень широком фронте. Сводный отряд комбрига Монахова удерживал, например, участок протяжением до 55 км, располагая для этого незначительными силами. В несравнимо лучших условиях оказалась 95-я Молдавская стрелковая дивизия — ее фронт равнялся 20 км.

О хорошем состоянии советских соединений можно было судить по степени боеготовности 95 сд. В непрерывных боях при отходе от реки Прут дивизия потеряла ранеными и убитыми более 7000 человек. Но благодаря полученному пополнению к середине августа 90-й и 241-й стрелковые полки насчитывали по 1100—1200 человек, а 161-й стрелковый полк — 3179 человек, то есть почти штатный состав. Дивизия имела два артиллерийских полка: 57-й легкий артполк на конной тяге (12 орудий 76-мм и 8 гаубиц 122-мм) и 134-й гаубичный полк на механизированной тяге (7 гаубиц 152-мм и 24 гаубицы 122-мм).

25-я Чапаевская стрелковая дивизия была укомплектована еще лучше. Вообще это было элитное соединение РККА. Чего стоят только одни названия полков: 54-й стрелковый полк — имени Степана Разина, или просто Разинский, 31-й стрелковый полк — Пугачевский имени Фурманова, 263-й стрелковый полк — Домашкинский имени Фрунзе (только 287 сп почетного наименования не имел). С воздуха район обороны прикрывался 15-й отдельной бригадой ПВО полковника И.Т. Шиленкова.

Города-крепости

Оборона Одессы с суши не была подготовлена в мирное время. К возведению оборонительных рубежей приступили лишь с началом отхода советских войск из Бессарабии за Днестр.

С 17 июля 1941 года здесь начали свою работу управления военно-полевого строительства № 5 и 2, которые приступили к постройке рубежей: Покровское, Березовское, станция Раздельная, станция Кучурган и станция Карпово, Мангейм. 5 августа управление военно-полевого строительства № 2 прекратило работу и было распоряжением штаба Южного фронта переброшено в Крым, на севастиопольское направление.

Командование Приморской армии первоначально наметило три основных рубежа обороны Одессы:

1-й — в 60 км от города (центральное направление) по линии Покровское, Веселиново, Березовка, Катаржино, станция Раздельное, станция Кучурган.

2-й — в 40 км от Одессы по линии Нечаянное, Калиновка, Мангейм, Беляевка.

3-й — в 20—25 км от Одессы — по линии Аджиаска, Ко-блево, Свердловце Кубанка, станция Выгода, Маяки.

Помимо этого предполагалось создать отсечные позиции на линии Березовка, Нейзац и по рубежу реки Южный Буг (Новая Одесса, Николаев, Станислав).

К началу отхода советских частей от реки Днестр на первых двух тыловых оборонительных рубежах работы были не закончены. Объем работ, произведенных на 3-м рубеже обороны, был еще меньше. К 10 августа система стрелково-пулеметных окопов не была создана, противотанковые и противопехотные препятствия имелись в небольшом количестве, а местами совершенно отсутствовали. Таким образом, строительство оборонительных рубежей на подступах к Одессе оказалось далеко не завершенным.

Исходя из этого, командование Приморской армии решило создать опорные пункты в 10 основных районах. Инженерными подразделениями к началу отхода советских войск от реки Днестр эти опорные пункты были подготовлены лишь частично. Запроектированное строительство по рубежам обороны не соответствовало имевшимся в наличии силам и было чрезмерно широким по фронту.

К 12 августа 1941 года войска Приморской армии отошли на рубеж Григорьевка, Свердловце, Ильинка, Бриновка, Секретаревка, Мангейм, Кагарлык, Беляевка, Овидиополь, Каролино-Бугаз.

Инженерное оборудование этого рубежа обороны протяженностью 80 км к моменту занятия его частями Красной армии не было закончено. Наибольшую часть работы войскам приходилось производить самим, уже в ходе боев. С отходом частей на эту линию обороны командование Приморской армии приступило к подготовке целой системы оборонительных рубежей в своем тылу:

1. Передовые рубежи: а) Большой Аджалыкский лиман, хутор Петровский в 5 км западнее населенного пункта Свердловце, южная окраина Кубанки, Ильинка, Чеботаревка, Палиово, станция Выгода, Карсталь, южная окраина Беляевки; б) Палиово, хутора Дубиново и

Вакаржаны, населенные пункты Красный Переселенец, Петерсталь, Францфельд.

2. Дополнительный передовой рубеж: Дальний, Ленин-галь, Александровка.

3. Рубеж главной обороны: совхоз им. Ворошилова, южная окраина Гильдендорфа, Протопоповка, Гниляково, Дальний, Татарка, Сухой лиман.

4. Вторая линия рубежа главной обороны: Крыжановка, хутора Междулиманские, Усатово, поселок Застава, Сухой лиман, Люстдорф.

5. Отсечная позиция: Нерубайское, Дальник.

6. Рубеж прикрытия города: Крыжановка, Кривая Балка, Чубаевка, Большой Фонтан.

7. Укрепления в черте города: баррикады, окопы, противотанковые препятствия и т.д.

Инженерные работы на этих оборонительных рубежах с отходом советских войск на линию населенных пунктов Григорьевка, Свердловце Ильинка, Бриновка, Секретаревка, Мангейм, Кагарлык, Беляевка, Овидиополь, Каролино-Бугаз требовалось форсировать. К строительству были привлечены части военно-морской базы, тыловые подразделения Приморской армии и трудоспособное население Одессы. В населенных пунктах вокруг города и в самом городе к обороне приспособлялись каменные постройки. Кроме того, предусмотрено было затопление пересыпи у Хаджибейского лимана путем взрыва плотины, перекрывающей лиман. Этой же водой предполагалось затопить и поля орошения перед городом в радиусе 3—3,5 км.

Подготавливаемые рубежи обороны характеризовались следующими данными:

а) Передовой рубеж протяжением по внешнему обводу около 80 км проходил от Одессы на удалении 20—85 км, что исключало воздействие по городу и порту артиллерийским огнем противника. Фланги рубежа упирались в труднопреодолимые преграды — Большой Аджалыкский и Днестровский лиманы.

б) Рубеж главной обороны протяжением 50—62 км отстоял от окраины Одессы на 8—14 км и не обеспечивал защиту города и порта от артиллерийского обстрела.

в) Вторая линия рубежа главной обороны находилась в 6—8—10 км от города. С отходом советских войск на этот рубеж противник получал возможность воздействовать огнем по городу и порту сразу с нескольких направлений.

г) Укрепления в черте города могли быть использованы непосредственно для защиты Одессы и служили последней опорой для частей, прикрывавших эвакуацию.

Заблаговременное оборудование указанных рубежей позволило бы войскам осуществлять жесткую оборону и маневрировать своими резервами. Советское командование приняло в основном правильное решение по строительству оборонительных рубежей на подступах к Одессе, но времени для проведения этого решения в жизнь было мало.

Города-крепости

Неприятель продолжал теснить части Приморской армии на юг. Только на рубеже Большой Аджалыкский лиман, Кубанка, Палиово, хутор Вакаржаны, Францфельд части Красной армии смогли остановить врага, преследовавшего их по пятам, и закрепиться. Оборонительные рубежи на подступах к Одессе, несмотря на все недостатки их подготовки, оказали большую помощь обороняющимся советским войскам, увеличив их способность к сопротивлению. Наличие оборонительных рубежей при условии активной деятельности авиации и кораблей Черноморского флота обеспечивало длительную и упорную оборону города.

Командование Приморской армии следующим образом распределило свои силы: на правом фланге до Хаджибейского лимана оборонялся сводный отряд комбрига Монахова (полки морской пехоты, 26-й погранполк НКВД — общей численностью до 9000 человек), в центре — до поселка Секретаревки оборонялась 95-я стрелковая дивизия (около 8000 человек) и на левом фланге — до населенного пункта Каролино-Бугаз — 25-я стрелковая дивизия (около 10 000 человек). В армейском резерве находилась 1-я кавалерийская дивизия (до 2500 человек), располагавшаяся в поселке Застава. Общая численность войск Приморской армии к началу обороны города составляла приблизительно 30 тысяч человек.

Большое значение при таком построении обороны приобретал военноморской флот. Его корабли и береговая артиллерия поддерживали своим огнем части Приморской армии, располагавшиеся на главном рубеже обороны, особенно на его флангах. При этом обеспечивалось массирование огня кораблей на любом из участков обороны, а также создавались условия для высадки морских десантов и действий их против неприятельских флангов, упиравшихся в море.

МАНЕВРЕННАЯ ОБОРОНА (10—18 АВГУСТА 1941 ГОДА)

Войска Приморской армии, ведя тяжелые бои с превосходящими силами противника, отходили на юг и к 24.00 10 августа заняли для обороны рубеж: Александровка, станция Буялык, Павлинка, Старая Вандалинка, Бриновка, хутор Новоселовка, Мангейм, Беляевка, Каролино-Бугаз.

Части 9-й армии к этому же времени отошли на рубеж: станция Вradiевка, Новая Павловка, Жовтнево. Между двумя армиями образовался 50-километровый разрыв, в который устремились немецко-румынская пехота и танки. Войдя в прорыв, они стали быстро обтекать правый фланг Приморской армии и вынудили сводный отряд комбрига Монахова после боя на рубеже у станции Буялык, Павлинка, Мариновки отойти на юго-восток. К 10.00 11 августа отряд занял для обороны участок: Булдинка, южная окраина Свердлова, поселок Шевченко, населенные пункты Ильинка и Чеботаревка.

На участке фронта от Мариновки до Беляевки 95-я Молдавская и 25-я Чапаевская стрелковые дивизии продолжали удерживать свои рубежи и отбивали атаки противника.

Имея указание командующего Южным фронтом оборонять Одессу до последнего бойца, командующий Приморской армией генерал-лейтенант Г.П. Софронов, связавшись с командующим Одесской военно-морской базой Черноморского флота, принял решение во что бы то ни стало задержать противника на дальних подступах к городу.

Для прикрытия обнаженного правого фланга обороны командующий Приморской армией выдвинул на участок поселка Рыбный промысел в 5 км западнее Аджаска—Коблево 47-й отдельный понтонный батальон, которому также было поручено подготовить к взрыву мост и дамбу Кошары—Коблево.

12 августа неприятель возобновил яростные атаки и пытался прорваться к Одессе, нанося удары в трех направлениях: на Булдинку (правый фланг), на Большое Фестерево (центр) и на Беляевку (левый фланг). Все атаки противника были отбиты с большими для него потерями. Так, на беляевском направлении из вражеских танков, атаковавших наши позиции, было подбито 7. На следующий день после короткой артиллерийской подготовки противник вновь перешел в наступление на тех же участках, но и на этот раз успеха не добился.

Широкий фронт обороны и наличие лиманов затрудняло управление войсками. Требовалось создать в обороне самостоятельные секторы, в пределах которых можно было бы эффективнее использовать артиллерию, резервы, а также наладить более тесное взаимодействие с морским флотом.

13 августа генерал-лейтенант Г.П. Софронов отдал войскам боевой приказ, согласно которому оборонительная зона Одессы была разделена на 3 сектора:

Восточный сектор обороны — под командованием комбрига Монахова (1-й морской полк, сводный полк НКВД, 54-й стрелковый полк, отдельный батальон 136-го стрелкового полка и 150-й батальон связи). Войска этого сектора должны были оборонять Одессу с востока и севера, удерживая рубеж: Григорьевка, Аджалыкский лиман, Булдинка, южная окраина Свердлово, Ильинка. Граница слева: станция Пересыпь, Хаджибейский лиман, Алтестово. Штаб сектора — Лузановка.

Западный сектор обороны под командованием генерал-майора Воробьева (95-я стрелковая дивизия с 1-м сводным пулеметным батальоном 82-го укрепленного района). Задача сектора — оборонять подступы к Одессе с северо-запада и запада, удерживая рубеж: Бриновка, хутор Новоселовка, Секретаревка. Граница слева: Секретаревка, хутора Петровский и Вакаржаны, поселок Застава. Штаб сектора — Выгода.

Южный сектор обороны под командованием полковника Захарченко (25-я стрелковая дивизия без 54-го стрелкового полка со 2-м сводным пулеметным батальоном 82-го укрепленного района) имел задачу оборонять подступы к Одессе с запада и юга, удерживая рубеж: Секретаревка, Мангейм, Кагарлык, озеро Попово, Беляевка, Овидиополь, Каролино-Бугаз. Штаб сектора — хутор Петровский.

Города-крепости

В целях осуществления наиболее тесного взаимодействия с наземными войсками основные силы морского флота также были распределены по секторам обороны. Восточный сектор, где противник наносил главный удар, поддерживался эсминцами «Фрунзе», «Дзержинский», «Шаумян», «Незаможник» и крейсером «Красный Крым». В скором времени на усиление этого сектора подошли эсминцы «Смышленный», «Бодрый» и «Беспощадный», канонерские лодки «Красная Грузия», «Красная Армения» и «Красный Аджаристан». Для поддержки западного и южного секторов, фронт которых проходил значительно дальше от города и поэтому подвергался пока еще ограниченному воздействию со стороны противника, выделялось временно только три корабля: крейсер «Красный Кавказ», эсминцы «Способный» и «Бодрый».

Части восточного сектора к исходу 13 августа, согласно приказу командующего армией, были отведены на рубеж: Григорьевна, Кубанка, где и закрепились. При отходе были сняты все посты наблюдения, а также взорвана дамба Кошары—Коблево. Противник обнаружил отход частей и, не теряя с ними соприкосновения, начал преследование.

БОИ В ВОСТОЧНОМ СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ

15 августа в восточном секторе обороны противник перешел в решительное наступление. Наши части оказывали врагу упорное сопротивление. К исходу дня румынским войскам удалось частично вклиниться в нашу оборону и занять Бул-динку. Подошедшие к месту боев корабли «Красный Крым», «Шаумян» и «Дзержинский» открыли интенсивный артиллерийский огонь по району Буддинки. Вражеская пехота, неся

большие потери, вынуждена была залечь. Воспользовавшись замешательством в рядах противника, моряки под прикрытием огня корабельной и береговой артиллерии перешли в контратаку и выбили врага из Буддинки. В ночь на 16 августа и днем 16 августа румынские части возобновили свои атаки в направлении Большого Аджалыкского лимана. Румынская пехота силою до батальона с ротой танков прорвалась в район ВТицли. 17 августа прорвавшиеся подразделения были окружены нашими частями и полностью уничтожены. При этом было захвачено большое число пленных, 18 орудий, 3 танка, броневедомитель и другие трофеи. На поле боя противник оставил много убитых и раненых. 18 августа путем введения в бой свежих сил врагу снова удалось к исходу дня вклиниться в нашу оборону на глубину до 700 м в том же направлении на Шицли. Его авиация, появляясь группами по 20—25 самолетов, усилила удары по кораблям, поддерживавшим войска восточного сектора. Однако благодаря искусному маневрированию кораблей ни одна из бомб и торпед, сбрасываемых с самолетов, не попала в цель.

Бои в южном секторе обороны. Такие же ожесточенные бои происходили в южном секторе обороны, в районе Ка-гарлыка. Сосредоточив на узком участке не менее пехотной дивизии, усиленной 70 танками, противник атаковал части 25-й стрелковой дивизии и прорвал нашу оборону на участке: восточная окраина Кагарлыка и высоты 116,5, 114,6, 41,6.

Для ликвидации этого прорыва командующий Приморской армией приказал армейскому резерву — 1-й кавалерийской дивизии, с приданным ей взводом танков и 90-м полком 95-й стрелковой дивизии — к утру 17 августа сосредоточиться в районе хутор Петровский, Рус. Мандрово, хутор Корсунцы и, образовав армейскую ударную группу, атаковать противника в общем направлении Кагарлык, Граденица и уничтожить его прорвавшиеся части. Одновременно 25-й стрелковой дивизии была поставлена задача — с утра 17 августа частью сил контратаковать противника из района высоты в 4 км юго-восточнее Кагарлыка в направлении юго-западной окраины Кагарлыка.

Чтобы обеспечить действия ударной группы армии с северо-востока, командиру 95-й стрелковой дивизии приказывалось в районе хуторов Ленина 1-й, Первомайск иметь два стрелковых батальона. Кроме того, 136-й стрелковый запасной полк должен был к рассвету 17 августа занять и оборонять промежуточный рубеж на участке Карсталь—Фрейденталь, имея целью не допустить продвижения противника в направлении хуторов Вакаржаны, Дальник.

Выполняя приказ командующего армией, наши части перешли в наступление. Однако уже с первых шагов темп его начал ослабевать. Большое удаление района боев от морской базы и отсутствие в войсках достаточного количества полевой артиллерии не дали возможности поддержать пехоту артиллерийским огнем. Вскоре на этом же участке перешли в наступление немецко-румынские войска и нашим частям вместо продвижения вперед пришлось отражать вражеские атаки.

17 и 18 августа в районе Кагарлыка шли упорные бои с превосходящими силами противника, которому ценой больших потерь удалось продвинуться лишь на 1,5—2 км.

БОИ В ЗАПАДНОМ СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ

Одновременно с нанесением основных ударов по флангам нашей обороны, имеющих целью зажать в клещи части Приморской армии, немецко-румынские войска предприняли вспомогательный удар в центре, перейдя в наступление в направлении железной дороги Раздельная—Одесса.

Сосредоточив на узком участке фронта не менее 2 пехотных дивизий, усиленных 60 танками, противник атаковал 95-ю стрелковую дивизию и стал развивать удар на Одессу. Уверенные в своем успехе, румыны наступали в густых боевых порядках. Подпустив противника на близкое расстояние, части 95-й стрелковой дивизии, усиленные пулеметным батальоном 82-го укрепленного района, всей силой огня обрушились на

движущиеся румынские цепи. Враг не выдержал удара, дрогнул и, побросав раненых и убитых, бежал с поля боя. В отражении

3*

67

неприятельской атаки принимали участие авиация и первый бронепоезд, построенный одесскими рабочими на заводе имени Январского Восстания. Направленный со станции Карпово по неразрушенному железнодорожному полотну прямо в тыл наступающим румынским частям, бронепоезд пулеметным огнем с двух бортов нанес им большие потери.

18 августа — в день особенно напряженных боев — авиация противника в количестве более 100 самолетов бомбардировала город и порт.

Во второй половине дня наша авиаразведка установила выход из Сулина 8 больших и 4 малых транспортов, направлявшихся к Одессе под охраной авиации и 10 сторожевых катеров. Очевидно, противник намеревался высадить десант. Наши бомбардировщики, высланные навстречу, потопили 2 транспорта и повредили один, вынудив остальные вражеские корабли повернуть обратно.

В этих первых боях на подступах к Одессе немецко-румынские войска понесли достаточно тяжелые потери. Только в районе хутора Калиновка и вдоль железной дороги (западный сектор обороны) нашей разведкой было обнаружено более 3 тысяч убитых солдат и офицеров противника. Вместе с убитыми, быстро разлагавшимися от жары, лежали и раненые, стоны которых в период затишья были слышны по всему фронту. Наши войска тоже понесли большие потери; особенно значительными они были среди командного состава. Советское командование предложило противнику убрать трупы и подобрать раненых, соглашаясь в течение определенного времени не вести огня. Румыны на это предложение не ответили. Тогда решено было ночью на переднем крае обороны произвести заливку разложившихся трупов хлорной известью.

К 19 августа 1941 года под Одессой вновь создавалась напряженная обстановка. Неприятель, сосредоточив значительные силы, при поддержке авиации и танков продолжал наступать, развивая удар на флангах нашей обороны.

Части Приморской армии, отойдя к 19 августа на передовой рубеж, оказались изолированными от остальных войск Южного фронта. Совместно с частями и кораблями Одесской военно-морской базы Черноморского флота они составили гарнизон Одессы.

Потери сухопутной связи с тылом страны поставили войска Приморской армии в очень тяжелое положение: снабжение армии людьми, техникой, боеприпасами могло теперь осуществляться только морем через военно-морскую базу, которая помимо того взяла на себя и задачу прикрытия войск огнем артиллерии и авиации. Черноморский флот, напрягая свои силы, обеспечивал доставку всего необходимого для обороны, а также эвакуацию раненых, гражданского населения и промышленных ценностей. Усилия сухопутных войск, морского флота и всех жителей Одессы с этого дня слились воедино для решения одной общей задачи — во что бы то ни стало отстоять Одессу.

В результате напряженных, непрерывных боев в течение ряда дней войска Одесского гарнизона понесли значительные потери в людях и материальной части. Обстановка требовала принятия срочных мер по укреплению обороны города. Прежде всего необходимо было доукомплектовать обороняющиеся части Приморской армии, снабдив их вооружением и боеприпасами.

СРАЖЕНИЯ НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ (19 августа — 21 сентября 1941 года)

Несмотря на то что ожесточенные бои с противником происходили уже на ближних подступах к городу, руководство обороной по-прежнему оставалось разрозненным. Командующий Приморской армией продолжал руководить сухопутными войсками, командир Одесской военно-морской базы стоял во главе флота, действующего в северо-западной части Черного моря, советские и партийные организации осуществляли управление городом. Требовалось объединить руководство обороной в одних руках. 19 августа последовала директива Ставки Верховного Главнокомандования (№ 001066), на основе которой был создан Одесский оборонительный район (ООР) во главе с контр-адмиралом Г.В. Жуковым, подчинявшимся непосредственно командующему Черноморским флотом. В руках командующего Одесским оборонительным районом была сосредоточена вся полнота власти, он распоряжался всеми силами и средствами Приморской армии, морской базы и города. Заместителем командующего был утвержден командующий Приморской армией генерал-лейтенант Г.П. Софронов. Командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Кулишев и командующий воздушными силами комбриг Катров были назначены помощниками командующего. Для быстрого решения всех вопросов, связанных с участием в обороне гражданских организаций, в состав Военного Совета Одесского оборонительного района был введен секретарь Одесского обкома ВКП(б) А.Г. Колыбанов. Такая организация командования способствовала укреплению дисциплины и порядка, она позволяла в кратчайший срок мобилизовать наличные ресурсы сил и материально-технических средств с тем, чтобы наиболее эффективно использовать их для нужд обороны.

Войскам Одесского оборонительного района директивой Ставки были поставлены следующие задачи:

«1) Одесский район оборонять на рубеже: Фонтанка, Кубанка, Ковалевка, Отрадовка, хутор Первомайск, Беляевка, Маяки, Каролино-Бугаз до последнего бойца.

2) При организации обороны уделить особое внимание созданию и развитию оборонительных инженерных сооружений. Создать оборонительные рубежи и привести в оборонительное состояние город.

3) Мобилизовать и использовать все способное население для обороны города и района, создать запасные части.

4) Изъять из базы тыловых частей и учреждений весь излишний начальствующий и рядовой состав и использовать его в строю.

5) Установить в городе и в районе порядок и соответствующий режим для гражданского населения.

Города-крепости

6) Выявить в районе и городе наличие вооружения, военной техники и другого военного имущества; использовать его для обороны.

Все ненужное для обороны эвакуировать. Эвакуацию производить во всех случаях с разрешения контр-адмирала Жукова».

В соответствии с этими указаниями Ставки и создавшейся на фронте обстановкой решение командования Одесского оборонительного района было таково:

Восточному сектору, продолжая выполнение прежней задачи, оборонять рубеж: Григорьевна, высота 55,1, Ильинка, Чеботаревка.

Западному сектору (95-я стрелковая дивизия с приданным бронепоездом № 1) к 8.00 20 августа отойти и занять для обороны рубеж: Палиово, Выгода, хутор Петровский.

Южному сектору (25-я стрелковая дивизия) к 8.00 20 августа также отойти и занять для обороны рубеж: Карсталь, Маяки, Каролино-Бугаз.

Для обеспечения планомерного отхода частей 25-й стрелковой дивизии, втянувшихся в ожесточенные бои с наседавшим на них противником, армейский резерв — 1-я кавалерийская дивизия — выдвигалась к 2.00 20 августа в район Карстали. Заняв там оборону, кавалеристы должны были принять на себя отходящие части 25-й стрелковой дивизии. С отходом последних на указанный им рубеж кавалерийская дивизия вновь сосредоточивалась в армейском резерве в районе поселка Застава, населенных пунктов Дальник и Татарка.

Аналогичная задача была поставлена батальону ВНОС, который должен был к 2.00 20 августа занять для обороны район Карсталь, высота 94,2, а с отходом частей 25-й стрелковой дивизии на новый рубеж поступить в армейский резерв, сосредоточившись в районе совхоза Ульяновка.

Ввиду того что армейский резерв был израсходован, восточному сектору приказывалось выделить в резерв командующего армией 1-й морской полк, который к 7.00 20 августа сосредоточить в район поселка Застава.

Одновременно с этим командование Одесского оборонительного района требовало ускорить строительство оборонительных сооружений на ближних подступах к Одессе и в первую очередь на рубеже главной обороны, причем были даны указания вместо противотанковых рвов производить в дальнейшем постройку надолбов, оплетенных гладкой проволокой. Это позволяло в более короткие сроки изготовить противотанковые и вместе с тем противопехотные препятствия.

Несмотря на огромные потери, понесенные противником в боях под Одессой, его атаки продолжались. Однако первоначальный план противника, предусматривавший «молниеносный» захват Одессы и высвобождение румынской армии для действий в восточном направлении и в Крыму, провалился. Немецкое командование, недовольное действиями 4-й румынской армии, приказало румынам во что бы то ни стало захватить Одессу. Во второй половине августа на фронт для непосредственного руководства войсками прибыл Антонеску. Он собрал в Выгоде совещание офицеров и в категорической форме потребовал от них «любыми силами и средствами овладеть Одессой к 3 сентября».

БОИ В ВОСТОЧНОМ СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ

Ожесточенные бои в восточном секторе обороны продолжались. Бросив в бой 15-ю и 13-ю пехотные дивизии, противник с утра 19 августа, после продолжительной артиллерийской и минометной подготовки, перешел в наступление в общем направлении на Новую Дофиновку. Немецко-румынские войска стремились выйти к берегу моря непосредственно восточнее Одессы, чтобы огнем артиллерии с суши отрезать морской путь, разрушить сооружения порта, воздействовать на город и нанести удар во фланг частям западного сектора.

Противнику удалось занять населенный пункт Шицли и продвинуться далее в юго-западном направлении. Вводом наших частных резервов (батальон войск НКВД и отдельный батальон связи) положение было восстановлено. Однако после ряда настойчивых и непрерывных атак в восточном секторе противник ценою больших потерь к 25 августа оттеснил наши части на линию: молочная ферма ДОПРа, совхоз Ильичевка, Корсунцы, Соляная мельница, высота 77,9, хутор Черевичный.

В связи с этим командование Одесского оборонительного района приняло решение в ночь с 24 на 25 августа отвести правофланговые части восточного сектора на линию совхоза им. Ворошилова, Александровки, прикрыв отход огнем береговой батареи, расположенной в Чебанке. После того, как наши войска отошли на этот рубеж, береговая батарея, израсходовавшая последние снаряды, была взорвана. Дальнейший отход наших войск прикрывали корабли Черноморского флота. Маневрируя вдоль берега, эсминцы «Фрунзе», «Смышленный», «Беспощадный» и другие корабли артиллерийским огнем сдерживали продвижение врага. К вечеру 25 августа бои стали затихать. Только авиация противника продолжала атаковать корабли. Во время одного из налетов эсминца «Фрунзе» получил пробоину в борту. Силами команды повреждение было быстро ликвидировано, и эсmineц остался в строю.

Действия наземных частей восточного сектора активно поддерживала авиация Черноморского флота: 22 августа наши самолеты непрерывно наносили удары по мотомехко-лоннам и скоплениям войск противника в районах Булдинки и Свердлово, уничтожив при этом до 38 танков и несколько десятков автомашин с пехотой. Кроме того, самолеты непрерывно патрулировали над своими кораблями. Благодаря активным действиям кораблей и авиации Черноморского флота удалось обеспечить более организованный отход пехоты на новый рубеж, на котором, однако, упорные бои продолжались с прежней силой.

Стремясь восстановить положение, наши войска неоднократно переходили в контратаки и наносили врагу большой урон в живой силе и технике. Так, в ночном бою 28 августа было захвачено 2 противотанковых орудия, 3 миномета, 3 пулемета и взято в плен до роты румын.

Ввиду больших потерь (в некоторых подразделениях они доходили до 70 %), понесенных нашими войсками восточного сектора, выдержавшими многочисленными атаками противника, командование приняло решение пополнить и реорганизовать их. Морской полк, полк НКВД и ряд подразделений после пополнения были сведены в 421-ю Одесскую стрелковую дивизию.

Города-крепости

Натиск немецко-румынских войск между тем не ослабевал. В результате многодневных ожесточенных атак превосходящих сил противника части восточного сектора местами отошли и к 1 сентября заняли фронт: высота 47,4, совхоз Ильичевка, отметка 66,3, Протопоповка. В дальнейшем бои в восточном секторе носили позиционный характер. Противник, предпринимавший яростные атаки, не смог прорвать фронт советской обороны и постепенно выматывался, неся огромные потери. Но и положение города значительно осложнилось. 24 августа немецкая дальнебойная артиллерия обстреляла северную окраину Одессы, произведя разрушения в районе Пересыпи. Используя Воронцовский маяк как ориентир, немцы перенацелили огонь на порт и на корабли. 23 августа прямым попаданием артиллерийского снаряда был пробит борт эсминца «Фрунзе». Перед советскими войсками встала задача — немедленно подавить огонь артиллерии противника и, отбросив на восток его пехоту, ликвидировать опасность обстрела города, порта и кораблей.

БОИ В ЗАПАДНОМ СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ

В ночь на 20 августа части 95-й стрелковой дивизии, выполняя приказ командующего, беспрепятственно отошли на оборонительный рубеж Палиово, Выгода, хутор Петровский. Стремясь не дать частям 95-й стрелковой дивизии закрепиться на занятом рубеже, противник сосредоточил на узком участке 3, 7-ю и 11-ю пехотные дивизии, танки и авиацию. 22 августа после ряда ожесточенных атак ему удалось немного потеснить правофланговые части западного сектора обороны, которые отошли к высотам 94,5, 87,9, 85,6, расположенным восточнее и юго-восточнее поселка Выгода. В последующие дни упорные бои здесь продолжались.

Обстановка на этом участке обороны накалилась до предела. Каждому из полков 95 сд приходилось сдерживать напор двух вражеских дивизий. Располагая огромным превосходством в силах, противник вел наступление перед всей фронтом дивизии днем и ночью. Наибольшую активность он проявлял в направлении железной дороги. На этом направлении командующий артиллерией 95 сд полковник Д.И. Пискунов сосредоточил огонь двух наших артиллерийских полков. 134-й артиллерийский полк имел свои огневые позиции севернее железной дороги за боевыми порядками пехоты, 57-й артиллерийский полк южнее железной дороги находился непосредственно в боевых порядках стрелковых частей. На этом же направлении действовал бронепоезд № 22, который периодически выдвигался к нашему переднему краю, обстреливал наступающие цепи противника беглым огнем и немедленно уходил назад. Помощь этого бронепоезда была неоценима.

В результате больших потерь в командном составе 95-я стрелковая дивизия стала терять устойчивость в бою. Частям введенной в бой 5-й и 7-й пехотных румынских дивизий удалось занять южнее ж/д хутора Октябрьский и Важный — ключевые позиции на одесском направлении. По распоряжению командующего Приморской армией на этот участок был переброшен резерв — 7-й кавалерийский полк (800 человек на автомашинах). Усилил этот резерв разведбатом и батареей противотанковой

артиллерии из состава 95 сд, командование соединения организовало контрудар по флангу и тылу противника и снова заняло ранее оставленные позиции. Были захвачены пленные, оружие, радиостанция. Но командир 161-го стрелкового полка Сысоев не сумел реализовать и закрепить успех. Переданные ему огнеметы не были установлены на огневых позициях, и он доложил, что не знает, что с ними делать, так как они стреляют всего на 40 метров. Он не смог даже использовать направленное ему пополнение — более 500 человек.

Для разгрома противника, вклинившегося на участке 161 сд, было направлено лучшее подразделение 95 сд — раз-ведбатальон лейтенанта Долгого и две зенитно-пулеметные установки ГАЗ-АА со счетверенными 7,62-мм пулеметами системы Максима под командованием офицера штаба дивизии старшего лейтенанта И.П. Дацко. Этот батальон смело и решительно атаковал противника во фланг, огнем ЗПУ прижал его к земле так, что румыны до ночи не могли высунуться из кукурузы. Впоследствии, когда лейтенант Долгий, командир разведбата, умер в госпитале Одессы от ран (трижды раненный, он продолжал управлять боем и только после четвертого ранения был эвакуирован), весь батальон по приказу командира 95 сд был выведен из боя и на машинах отправлен в Одессу, чтобы бойцы могли отдать последний долг своему боевому командиру.

Ввиду неудавшихся дневных атак противник решил осуществить прорыв фронта обороны частей западного сектора в ночное время. Так, в ночь с 24 на 25 августа он неоднократно переходил в атаки на фронте хуторов Октябрь и Дубиново. Однако огнем и контратаками войск западного сектора враг был отброшен на исходные позиции, понеся при этом большие потери — более 1000 человек только убитыми. Наши контратакующие части захватили танк, 4 миномета, 6 станковых пулеметов и взяли пленных. В ночь на 3 сентября румынские войска вновь перешли в наступление. Это была массовая ночная атака, в ходе которой главный удар противник наносил вдоль железной дороги и южнее. Части западного сектора обороны оказывали упорное сопротивление. Подпуская румын на дистанцию 100 м, они расстреливали их в упор, переходили в штыковые контратаки.

В дальнейшем на этом участке фронта бои также приняли позиционный характер. В результате неоднократных атак и введения резервов противник смог продвинуться в глубь нашей обороны очень немного: на 1—1,5 км, прорвать же фронт западного сектора обороны ему не удалось.

БОИ В ЮЖНОМ СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ

Не менее ожесточенные бои происходили в южном секторе обороны, в частности в районе Кагарлыка. Введя на этом направлении 1-ю гвардейскую пограничную дивизию, румыны бесперывными атаками стремились сломить сопротивление частей 25-й стрелковой дивизии и охватить левый фланг Приморской армии. В ночь на 20 августа, выполняя приказ командования, части 25-й дивизии начали отход на новый оборонительный рубеж: хутор Петровский, Маяки. Однако из-за сильного нажима со стороны противника, наседавшего на наши отходившие войска,

Города-крепости

а также по причине недостаточно твердого управления ими, части 25-й стрелковой дивизии не смогли удержаться на указанном рубеже. Противник на плечах отходящих частей распространился восточнее рубежа обороны, предусмотренного приказом. К исходу 20 августа завязались упорные бои на фронте Красный Переселенец, Петерсталь. Вследствие поспешного отхода 25-й дивизии 1-я кавалерийская дивизия (29 августа, после пополнения, эта дивизия, согласно распоряжению Генерального штаба, была переименована во 2-ю кавалерийскую дивизию), получившая задачу выдвинуться на линию хутор Карсталь, Фрейденталь, не смогла здесь задержать противника и откатилась на рубеж Выгода, хутор Вакаржаны.

Командование Приморской армии потребовало от дивизий немедленного восстановления положения, но этого сделать им не удалось. Противник остановил наши контратакующие части, а местами потеснил их. Командующий армией убедился, что дальнейшие контратаки на этом рубеже вызовут только лишние потери, и отдал распоряжение о частичном отходе левофланговых частей. 95-й и 25-й стрелковым дивизиям было приказано отойти на рубеж: Палиово, Выгода, хутора Дуби-ново, Вакаржаны, высота 80,0, Петерсталь, Францфельд.

Противник не прекращал своих атак, развивая удар на участке Фрейденталь, Петерсталь и 24 августа после ожесточенного боя овладел поселком Петерсталь. Он непрерывно нащупывал стыки оборонявшихся советских частей и подразделений, а затем после сильной артиллерийской и минометной подготовки выбрасывал вперед автоматчиков, которые, пользуясь полями кукурузы, просачивались в стыки и расширяли их, вынуждая части Приморской армии загигать свои фланги, а на отдельных участках — отходить на новые рубежи.

30 августа Одесский порт снова подвергся ожесточенной бомбардировке с воздуха. Главный удар был направлен против крейсера «Червона Украина» и лидера «Ташкент», поддерживавших своим огнем сухопутные силы. Одной из бомб, разорвавшейся вблизи лидера, был пробит его борт, но потопить корабль немецкой авиации не удалось: лидер «Ташкент» своим ходом ушел в Севастопольский порт.

В результате упорных боев к 1 сентября фронт войск южного сектора проходил от хутора Вакаржаны по высотам 75,8; 67,5; 79,4, Красная Юхимовка.

Сосредоточив свежие 14, 21-ю и 35-ю пехотные дивизии, противник 1 сентября возобновил свои атаки в юго-восточном направлении на Ленинталь, хутора Болгарские и вклинился в оборону частей Приморской армии, заняв ко 2 сентября рубеж высоты 75,8; 68,3, Ленинталь. В последующие дни противник непрерывными атаками превосходящих сил пытался еще более вклиниться в оборону советских частей (в направлении хуторов Болгарских). Но контратаками с флангов дальнейшее продвижение противника было задержано. 12 сентября, после перегруппировки, немецко-румынские войска перешли в наступление на всем фронте, стремясь во что бы то ни стало прорвать оборону Приморской армии и выйти к Одессе. Наступление румынской пехоты поддерживалось значительным количеством артиллерии (на отдельных направлениях плотность ее достигала 80 орудий на километр фронта).

Учитывая тяжелое положение 25-й стрелковой дивизии в связи с большими потерями, командование Одесского оборонительного района решило отвести ее на линию Сухого лимана; согласно приказу Приморской армии (№ 0023 от 14 сентября), части ее левого фланга к утру 15 сентября должны были отойти на рубеж высот 68,3; 56,4; 55,4; 52,8; 36,4; 15,9, южная окраина Клейн-Либенталя, Бурлачья Балка, Рыбачьи Курени, остальным частям армии приказывалось обороняться на занимаемых позициях. Отвод 25-й дивизии значительно облегчил положение частей и увеличил устойчивость обороны, так как, во-первых, намного сократился фронт дивизии, во-вторых, передний край ее теперь проходил вдоль большой водной преграды — Сухого лимана.

Однако с отводом левого фланга армии румынские войска овладели побережьем Черного моря от Каролино-Бугаза до Сухого лимана, сузив тем самым кольцо блокады вокруг Одессы; создалась угроза прорыва обороны на всю ее глубину. Город, порт и корабли, выходившие из него в море, а также входившие в порт, попадали под угрозу воздействия артиллерийского огня противника с запада. Возможность маневрирования в районе Одессы для флота значительно уменьшилась. Корабли вынуждены были входить в порт и выходить из него в темноте, а днем прикрываться дымовыми завесами. Зато артиллерия кораблей теперь могла поддерживать огнем с моря каждый сектор обороны, что значительно облегчало ее централизованное использование и управление ею.

Обстановка, сложившаяся к середине сентября, была чрезвычайно тяжелой. Потери в частях Приморской армии достигли больших размеров (до 40 %, а в некоторых подразделениях до 70—80 % штатного состава). Остро встал вопрос с командными кадрами. Пришлось в Одессе создать курсы лейтенантов, на которых в течение 15—20 дней переподготавливались воентехники, техники-интенданты и другие штабные и административные работники. Через эти курсы прошло до 300 человек. Кроме того, из штабов и тыловых учреждений армий было направлено на командные должности около 700 человек.

Такая напряженная обстановка заставила Военный Совет Одесского оборонительного района просить Ставку Верховного Главнокомандования о высылке пополнений для частей Приморской армии и о направлении на усиление ее одной стрелковой дивизии.

В ответ на это И.В. Сталин сообщил, что он приказал перебросить из Новороссийска в Одессу 157-ю стрелковую дивизию и, помимо этого, направить пополнение для частей Приморской армии. Одновременно И.В. Сталин обратился к защитникам города со следующей телеграммой:

«Передайте просьбу Ставки Верховного Командования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6—7 дней, в течение которых они получают подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения».

С 30 августа по 12 сентября в Одессу было доставлено морем 25 маршевых батальонов численностью 25 351 человек.

18 сентября закончила высадку прибывшая из Новороссийска 157-я стрелковая дивизия, которая составила резерв командующего оборонительным районом.

Города-крепости

На заводах Одессы и в мастерских порта темпы производства вооружения и боеприпасов все нарастали. Трудящиеся города, не покидая станков, днем и ночью ковали оружие, готовили боеприпасы, одевали тракторы, в том числе и СТЗ, в броню, чтобы использовать их на фронте как танки. Идея о создании подобных машин возникла у главного инженера завода имени Январского восстания П.К. Романова. В осажденном городе негде было взять броневую сталь, но «январцы» оказались находчивыми. Они предложили для танков слоевую броню — между двумя стальными листами помещали дощатую прокладку.

Работы по постройке бронетракторов «НИ» («На испуг». — *Примеч. авт.*) в Одессе начались в середине августа 1941 года при активном участии военно-морской базы. Первые две машины, построенные на базе транспортных тракторов СТЗ-5, были готовы 20 августа. Их бронировку выполнил завод имени Октябрьской революции. Для ускорения постройки для этих бронетракторов использовали башни с разбитых танков Т-26 выпуска 1931 года. Вооружение машин состояло из двух пулеметов. Бывший секретарь Ленинского райкома партии Н.Г. Луценко, курировавший эти работы, вспоминал о первом построенном бронетракторе: «20 августа первый готовый танк тросом вытянули из цеха во двор. Здесь уже были рабочие, инженеры, директор завода, военные, моряки. Один из рабочих подошел к боевой машине и мелом написал: "СМЕРТЬФАШИЗМУ"». По воспоминаниям Н.Г. Луценко, «с 20 августа по 15 октября изготовили 55 танков, переоборудовав их из тракторов СТЗ-5». Другие источники приводят другую цифру построенных в Одессе бронетракторов — 69. По мнению автора, цифры эти являются завышенными, так как Одесский оборонительный район (ООР) не располагал достаточными материальными ресурсами и не мог позволить использовать почти 70 тракторов, необходимых в артиллерии, для бронирования. Наиболее ясным и достоверным представляется «Отчет об обороне Одессы», составленный в 1943 году по горячим следам. В нем сказано: «В середине августа на заводах им. Январского восстания и им. Октябрьской революции было организовано оборудование танков и бронеавтомобилей из тракторов и грузовиков. На них устанавливали 45-мм пушку и два пулемета системы Максима. Танки покрывались броней из судостроительной стали толщиной 14—20 мм, на броневиках броня доходила до 25 мм. Между броней и внутренней обшивкой прокладывались деревянные брусья. Броневики в бою оказались уязвимы с передней части, так как разбивались скаты колес. Пришлось с задней части сделать надежную защиту и водить броневики в бой задним ходом. Это дало положительный результат. В последующем колеса броневику оборудовались грузолентой, обеспечившей им большую живучесть. К 14 сентября была изготовлена 31 машина, что позволило сформировать танковый батальон. 14 сентября началось бронирование еще 15 тракторов...» Этот документ вносит некоторую ясность, в число показываемых бронетракторов входят еще и броневики, изготовленные из грузовиков. А сколько на самом деле было забронировано тракторов в Одессе — пока неизвестно. С полной уверенностью можно сказать лишь то, что все они различались и по вооружению, и по базовому шасси.

На заводах, фабриках, в учреждениях формировались вооруженные отряды народного ополчения, которые шли на передовую, на корабли, шли отстаивать свой дом, свою Одессу. Женщины и девушки строили баррикады и оборонительные рубежи, грузили корабли, эвакуировали раненых, помогали врачам в госпиталях, многие из них, взяв в руки оружие, сражались с врагом.

Введя в бой резервы, немецко-румынские войска с утра 15 сентября возобновили наступление по всему фронту, нанося силами не менее трех пехотных дивизий, поддержанных танками, главный удар в общем направлении на хутор Вакаржаны, Дальник. Бои сразу же приняли ожесточенный характер.

На отдельных участках ценою огромных потерь противнику удавалось вклиниться в расположение оборонявшихся советских частей, но контратаками он отбрасывался в исходное положение.

В то же время ежедневно с востока и запада румынская артиллерия производила методический обстрел города крупнокалиберными снарядами. Только за 6 и 7 сентября в Одессе было разрушено 59 зданий; были повреждены трамваи, водопровод, канализация, связь; в районе порта и на территории города возникали многочисленные очаги пожара.

От огня артиллерии пострадали эсминцы «Бодрый» и «Шаумян», тральщик «Райкомвод», пароходы «Абхазия», «Днепр» и «Грузия».

В течение всей ночи 18 сентября немецко-румынская авиация бомбила Одессу, сбросив большое количество зажигательных и фугасных бомб, также вызвавших многочисленные пожары и причинившие крупные разрушения.

Несмотря на это, сопротивление защитников Одессы возрастало. Корабли Черноморского флота и авиация, напрягая свои силы, громили артиллерию и пехоту противника, осаждавшего город. Эсминцы «Сообразительный», «Беспощадный», «Незаможник», «Красная Армения» и крейсер «Коминтерн» метким огнем заставили замолчать часть неприятельских батарей в районе Чебанка, Шицли, Новая Дофиновка. Непрерывно поддерживая огневую завесу перед восточным сектором, они не позволяли противнику продвигаться вперед.

В итоге сорокадневных боев за Одессу немецко-румынские войска не смогли выполнить поставленной задачи — овладеть городом; в то же время потери их в живой силе и технике были огромны. Фронт обороны города оставался по-прежнему крепким. Защитники его с влившимся в их ряды пополнением не только отражали многочисленные атаки противника, но и сами переходили в наступление. И этому были свои причины.

Румынская военно-тактическая мысль в ходе осады не изобиловала выдумками и была весьма прямолинейна. После длительной артподготовки королевские войска в плотных боевых порядках пытались атаковать позиции защитников города. Часто румыны шли в атаку с иконами и музыкой. Советские войска отбивали атаки артиллерийским огнем и штыковыми ударами. В качестве примера можно привести записи флотского писателя Леонида Соболева о боевых буднях 1-й батареи (20 сентября 1941 года):

«10.22. Звонит Ишков (корректировщик, лейтенант): "В ложбинке (координаты) солдат штук полтора". Куко-лев (командир батареи) ест

Города-крепости

котлету: "Мало". Снова звонок. "Двести набралось". — "Мало, обождать".
10.30 — Ишков: "Штук триста есть". — "Шевелятся? Нет? Ждать".

10.32 — Ишков: "Лезут". — "Вот это дело другое..." Идет стрельба.

10.36. Куколев телефонисту: "Спросить Ишкова, как там румыны себя ведут?" — "Беспощадно бегут." — "Куда? Может, на наших?" Обиженный голос Ишкова: "Куда же они могут еще бежать? Удирают. Ориентир такой-то, отсечем от ложбинки". Батарея стреляет беглым огнем, вахтенный у журнала философски: "Стреляли по живым целям, а теперь писать как? По мертвым?"

10.38. Ишков в восторге: «Сапоги в воздухе, а в сапогах ноги!.. Огоньку, огоньку!..»

Позже пленный румынский ефрейтор Георгий Быстри-циано показывал: в их роте было 170 человек, а после атаки осталось 11.

У Ильичевки в агрономических посадках оборону занимал 1-й Морской полк полковника Я.И. Осипова. За 50—60 метров до советских позиций валом лежали трупы убитых румынских солдат, которых сразу не давали убирать, а сохраняли «для морали» (матр. выраж. — *Примеч. авт.*). Пленные румынской части говорили: Шли с азартом, а когда увидели горы убитых — "мораль" упала». В окопах сидели матросы, обвешанные трофейным оружием, и чистили штыки, чтобы «у противника не получилось заражение крови». Ночью вместе с бродячими баранами на румынские позиции отправляли записки с ругательствами, которые старательно переводились из словаря. Позже комсомолец Поляков (вор до 1940 года) придумал более эффективное средство пропаганды — он запускал из окопа змеев с листовками, которые рассыпались над вражеской территорией.

И все-таки, несмотря на ряд тактических успехов, положение советских войск под Одессой было незавидным. Город был сильно разрушен. Многоэтажные дома превращены в груду развалин. Штаб армии размещался в подвалах, когда-то служивших складом известного коньячного завода. Но главное — в дивизиях и полках было совсем мало резервов, которые позволяли бы вести длительную оборону.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ (22 сентября 1941 года)

Выйдя в район Большого Аджалыкского лимана, противник получил возможность обстреливать прицельным артиллерийским огнем город, порт и транспорты. Требовалось немедленно подавить группировку неприятельской артиллерии в районе Чебанка, Старая Дофиновка, Новая Дофиновка и улучшить позиции частей Приморской армии на крайнем правом фланге.

Получив пополнение для армии в виде маршевых батальонов и 157-й стрелковой дивизии, а также доукомплектовав свои части бойцами и командирами за счет народного ополчения, тылов и штабов, командование Одесского оборонительного района решило перейти в контрнаступление. Перед войсками была поставлена задача: захватить район Чебанка, Старая и Новая Дофиновка с целью отбросить противника на правом фланге и ликвидировать угрозу артиллерийского обстрела города и порта.

Во исполнение этого была задумана ночная десантная операция. Замысел ее сводился к следующему: в районе Григорьевки скрытно (ночью) высаживался морской десант с задачей действовать в западном направлении по тылам противника, в целях взаимодействия с десантом на рассвете должны были перейти в наступление в северо-восточном направлении части 421-й стрелковой дивизии и вновь прибывшей 157-й стрелковой дивизии (восточный сектор). Таким образом, предусматривался комбинированный удар с фронта сухопутными частями и с тыла морского десанта, поддержанного кораблями, с целью уничтожить противника между Аджалыкским и Большим Аджалыкским лиманами. Район Григорьевки, намеченный для десанта, был выбран потому, что, по данным разведки, у противника здесь имелись лишь небольшие части прикрытия. Время начала высадки десанта назначалось на 24.00 21 сентября, конец — на 02.00 22-го. За полтора часа до начала десантной операции вся имевшаяся в распоряжении защитников города артиллерия переключалась на поддержку продвижения десанта. Одновременно с высадкой морского десанта выбрасывался парашютный десант в составе 23 человек в районе поселка Чебанка с задачей нарушения связи в тылу румынских войск. Наступление сухопутных сил предполагалось начать через два часа после высадки морского десанта. Вместе с десантом на берег высаживались артиллеристы-корректировщики с задачей обеспечивать помощь со стороны корабельной артиллерии.

Перед началом операции в ее план были внесены частичные изменения. Так, в целях достижения внезапности предварительный бомбовый удар авиации по войскам противника отменялся, он приурочивался к началу наступления. Предварительный артиллерийский обстрел пунктов высадки был отменен по тем же соображениям. Наконец, изменялось и время высадки десанта: начало ее было отнесено на два часа позже первоначально намеченного срока.

В окончательном виде решение на контрнаступление излагалось в приказе войскам Приморской армии № 0024 от 21 сентября 1941 года.

Согласно этому приказу, на рассвете 22 сентября в районе Григорьевки высаживался 3-й морской полк в составе 1500 человек с задачей овладеть районом высот 42,9, Каменоломня в 2 км севернее Новой Дофиновки, Спасательная станция и внезапными действиями с тыла способствовать захвату рубежа восточнее Большого Аджалыкского лимана. Командующим десантной операцией был назначен контрадмирал Л.А. Владимирский.

Операции предшествовала длительная тренировка 3-го морского полка в Казачьей бухте Севастополя. Были отработаны: ночная высадка десанта с кораблей, управление операцией, действия высадившихся войск, поддержка их артиллерией с кораблей и авиацией. Десант должен был погрузиться на корабли в Казачьей бухте и без захода в Одессу отправиться непосредственно к месту высадки.

Для перевозки и обеспечения его действий на берегу были выделены: крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Бойкий» и «Безупречный»; отряд корабельной поддержки — канонерские лодки «Красная Грузия», «Кубань» и 5 скоростных катеров; средства высадки — 19 катеров, 10 корабельных баркасов и буксир «Алупка». С воздуха корабли прикрывались истребителями и обеспечивались разведчиками

Города-крепости

дальнего действия. Выход из Севастополя был назначен на 13.00 21 сентября с таким расчетом, чтобы к 1.00 22 сентября подойти к району Григорьевки. Для ориентирования ночью в районе высадки был выставлен освещаемый буй с постоянным белым огнем, видимый на расстоянии трех миль. Корабли были оборудованы дополнительными трапами по два с каждого борта, место было обозначено канонерской лодкой «Красная Грузия», служившей ориентиром для катеров, перевозивших войска с кораблей; она же в случае необходимости должна была поддерживать высаживающийся десант огнем.

Готовившаяся операция держалась в строгой тайне. Задача войскам была объявлена лишь с отходом кораблей из Севастополя. Крейсера «Красный Крым» и «Красный Кавказ» после высадки десанта возвращались в Севастополь. Операции предшествовала тщательная воздушная и наземная разведка районов, прилегающих к месту высадки. На авиацию возлагалась задача днем 21 сентября и в ночь на 22 сентября бомбовыми ударами по аэродромам и скоплениям войск противника в восточном секторе нейтрализовать действия вражеской авиации и воспрепятствовать сосредоточению в этом районе немецко-румынских сил. Корабли Черноморского флота систематическим обстрелом вражеских батарей и расположения противника должны были обеспечить успешные действия десанта. Таким образом, десантная операция была тщательно продумана во всех деталях штабами Черноморского флота и Одесского оборонительного района.

Одновременно с началом высадки морского десанта войска Приморской армии с утра 22 сентября частью сил переходили в наступление с целью овладения рубежом совхоз им. Ворошилова, высота 55,1, высота 63,6, хутор Петровский, поселок Шевченко, отметка 20,0.

421-я стрелковая дивизия (без 1331-го стрелкового полка) с приданными ей 3-м дивизионом 134-го гаубичного артиллерийского полка, 37-й и 38-й батареями Одесской военно-морской базы, при поддержке артиллерийского огня с кораблей Черноморского флота, наступала в общем направлении на Крыжановку, высоты 49,7 и 55,1 с ближайшей задачей овладеть рубежом совхоз им. Ворошилова, молочная ферма ДОПРа, высота 65,9.

157-я стрелковая дивизия (без 384-го стрелкового полка) с приданными ей 1-м дивизионом 134-го гаубичного артиллерийского полка, 85-м артиллерийским полком и танковым отрядом действовала в общем направлении на Корсунцы, выс. 69,7, имея ближайшей задачей занять рубеж высоты 65,9; 65,5 и 51,4. Наступление частей армии должно было поддерживаться огнем дальнобойной артиллерии: двух батарей 265-го корпусного артиллерийского полка и одной батареи Одесской военно-морской базы.

21 сентября в 13.00 в Казачьей бухте десант закончил посадку на корабли, и через полчаса караван судов направился к Одессе. Крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым» приняли на борт: первый — 696 человек, второй — 709, эсминцы «Безупречный» — 105 человек и «Бойкий» — 107. Всего перевозилось 1617 человек (3-й морской полк).

Командующий эскадрой контр-адмирал Владимирский на эсминце «Фрунзе» вышел из Севастополя раньше, стремясь засветло встретиться с командованием Одесской базы, чтобы согласовать действия десанта. На

подходе к Одессе эсминец неожиданно был атакован большой группой самолетов противника. Одна из бомб причинила кораблю сильное повреждение, и он начал тонуть. Немецкие летчики, непрерывно пикируя на поврежденный корабль, из пулеметов и пушек обстреливали палубу. Контр-адмирал Владимирский был ранен и снят с борта. Командующий Черноморским флотом, получив донесение о гибели эсминца «Фрунзе» и не имея сведений о судьбе контр-адмирала Владимирского, приказал командующему Одесским оборонительным районом назначить на его место контр-адмирала С.Г. Горшкова и операцию проводить в намеченный срок.

21 сентября в 22.00 десант благополучно подошел к берегу в районе Григорьевки. 22 сентября в 1.33 по сигналу флагмана началась высадка. Уже через 5 минут от кораблей отошли баркасы с морской пехотой. Эшелон за эшелонам войска быстро перебрасывались на берег. Через 2 часа 52 минуты высадка десанта была закончена полностью. Десантная операция оказалась неожиданной для неприятеля, и он не смог оказать никакого противодействия ее осуществлению.

Все корабли, не предназначенные для огневого сопровождения десанта, на суше немедленно отошли в свои бухты.

С рассветом эсминцы «Бойкий», «Беспощадный» и «Безупречный» открыли сильный артиллерийский огонь, имея целью подавить артиллерию и уничтожить живую силу противника. Тем временем авиация Черноморского флота нанесла бомбовые удары по районам Свердлово, Старая Дофиновка. В 6.15 над районом действий десанта появились истребители 69-го истребительного авиаполка, которые атаковали аэродромы неприятеля в районе севернее поселка Визирка. В результате атаки около 20 немецких самолетов сгорели и несколько было повреждено.

В 7.00 авиация Черноморского флота нанесла повторный удар по скоплению войск противника в районах: Александровна, высота 58,0, совхоз Ильичевка, Гильдендорф. Одновременно с высадкой морского десанта был сброшен на высоту 57,3 парашютный десант в количестве 23 человек, который начал действовать двумя группами, имея задачей посеять панику в тылу врага: первая группа уничтожила несколько линий проволочной связи противника, вторая — один из его командных пунктов. Выполнив свою задачу, парашютисты присоединились к десантным частям.

Под прикрытием огня корабельной артиллерии и авиации высадившийся десантный полк сразу же перешел в наступление в двух направлениях: 3-й батальон — Григорьевка, высота 48,2, Старая Дофиновка; 1-й батальон — Григорьевка, Чебанка, Новая Дофиновка; 2-й батальон наступал во втором эшелоне за 3-м батальоном.

Сломив сопротивление немецко-румынских частей в районе Чебанки и уничтожив при этом до 200 солдат противника, десантный морской полк захватил четырехорудийную 105-мм батарею противника и 22 сентября в 18.00 выполнил свою задачу, выйдя в район Чебанки, Старой Дофиновки, Новой Дофиновки. Потери десантного полка были небольшие, хотя они могли быть еще меньше, если бы морская пехота не пренебрегала уставными требованиями (моряки в большинстве случаев шли в полный рост, не применялись к местности и не самоокапывались). Многие моряки

Города-крепости

отлавливали коней румынской кавалерии и преследовали отступающих врагов верхом.

На рассвете советская авиация (19 самолетов Ил-16 и 3 самолета Ил-2) произвела внезапный налет на ближайшие аэродромы неприятеля. Несколькими заходами она уничтожила до 40 самолетов противника и сожгла 8 палаток, где размещался летный состав.

Наступление сухопутных частей — 421-й и 157-й стрелковых дивизий — началось в 8.00 22 сентября. Вначале противник оказывал ожесточенное сопротивление на рубеже Фонтанка, высота 58,0, где у него имелись ДЗОТ, окопы, проволочные заграждения и где были приспособлены к обороне каменные дома. Однако стремительной атакой 421-й стрелковой дивизии сопротивление неприятеля было сломлено, и он в беспорядке поспешно отступил в северном и северо-западном направлениях, бросая на поле боя оружие, шинели, фуражки (солдаты разувались и бежали босиком).

К 10.00 части десанта вышли на линию западная окраина Фонтанки с отметкой 42,9 в 2,5 км северо-восточнее Новой Дофиновки, Александровна, молочная ферма ДОПРа, высоты 65,9, 65,5 и 51,4, то есть выполнили ближайшую задачу.

Десантный полк, очистив от противника район Чебанки, Старой и Новой Дофиновки, соединился с полевыми войсками в районе Александровки. Позже распоряжением командования он был отведен в Крыжановку, где поступил в армейский резерв.

Для ликвидации образовавшегося прорыва румынское командование спешно стало подтягивать силы с других участков фронта, и к исходу дня они уже начали сдерживать продвижение советских частей. Неприятельская авиация, оправившись после утреннего налета, с полудня бомбардировала корабли, поддерживавшие пехоту.

В результате успешно проведенной операции войск восточного сектора Одесского оборонительного района немецко-румынские части понесли серьезные потери — не менее 5000—6000 солдат и офицеров, из них убитыми около 2000. Десантными войсками были захвачены трофеи: орудий разных калибров — 33, танков — 6, станковых пулеметов — 110, а также много другого вооружения и военного имущества. Можно считать установленным, что в результате контрнаступления 13-я и 15-я румынские пехотные дивизии были разгромлены. Противник был отброшен на 5 км, что лишило его возможности производить артиллерийский обстрел города и порта; свободный вход наших судов в порт был обеспечен.

На этом десантная операция, проводившаяся одновременно с действиями полевых войск, закончилась. Задача, поставленная войскам восточного сектора, была выполнена; положение советских частей на правом фланге улучшилось. Самое же главное — успех этого контрнаступления поднял боевой дух защитников Одессы.

Противник стал закрепляться в восточном секторе, подбросив на этот участок свежие силы за счет сокращения резервов и ослабления атак на других направлениях. Его наступательный порыв оказался уже в значительной мере подорванным. Таким образом, эта операция, имевшая частный успех, вместе с тем оказала существенное влияние на дальнейший ход боевых действий под Одессой.

Опыт проведения контрнаступления полевых войск, предпринятого совместно с действиями морского десанта, показал, что успех подобной операции обеспечивался в первую очередь наличием четкого ее планирования (детально разработанный план взаимодействия) и хорошей предварительной разведкой.

Тесное взаимодействие флота, морского десанта, авиации и сухопутных частей приобрело особенно большое значение. Опыт показал, что скрытность подготовки, правильный выбор времени и быстрота действия являются основными условиями, позволившими почти без потерь произвести высадку десанта на территории, занятой противником. Удачные действия десанта стали возможными благодаря заранее проведенным тренировкам десантных войск по посадке на суда, высадке их на берег, захвату берега и по дальнейшим действиям при любых условиях, особенно в ночное время.

Вместе с тем проведенная операция выявила и ряд существенных недостатков этого контрнаступления.

Так, при организации десантной операции вопреки разработанному плану одно подразделение высадилось первоначально не в том месте, которое было намечено по плану, а первоначальный успех наступления не был стремительно развит в глубину обороны противника. Десантные части, вместо того чтобы закрепить за собой занятый район, были из него выведены, в результате чего противник получил возможность привести себя в порядок, остановить части высадившегося десанта и закрепиться. Вновь подвела связь — радиосвязь между морским десантом и сухопутными частями, наступавшими с фронта, отсутствовала (бездействовала рация морского десанта), а другие виды связи работали с перерывами.

ЭВАКУАЦИЯ

Войска Одесского оборонительного района, закрепившись на своих рубежах, успешно отражали атаки румынских войск и наносили им чувствительные контрудары. Например, 2 октября 25-я стрелковая и 2-я кавалерийская дивизии нанесли румынам очередной укол. Залп впервые примененного под Одессой дивизиона «катюш» заставил противника бросить первую траншею и беспорядочно отходить. Враг понес большие потери. Было захвачено 44 орудия, 40 пулеметов, несколько минометов и 162 пленных. Наши контратакующие части продвинулись на 1—1,5 км.

Как же была захвачена в таком большом количестве артиллерия, в том числе тяжелая? Об этом очень скупо рассказывает короткая запись в журнале боевых действий армии за 2 октября: «Армейский танковый батальон под командованием старшего лейтенанта Юдина и военкома старшего политрука Мозолевского в составе 35 танков (большинство из них бронированные тракторы СТЗ и ЧТЗ, оборудованные на заводах Одессы) ворвался на передний край противника и, расстреливая огнем и давя гусеницами, преследовал отступающего в панике противника. Батальон, оторвавшись от своих частей, дошел до Ленинталь, уничтожив до 1000 человек противника. Возвращаясь обратно, танковый батальон набрал 24 орудия, прицепив их к танкам, и взял, сколько можно было увезти, пулеметов и минометов».

Города-крепости

Несмотря на горы мусора от разрушенных домов, баррикады на улицах, жизнь в Одессе текла как обычно. Были открыты магазины, ходили трамваи, школьники спешили на уроки, афиши рекламировали очередные кинокартины. Командованием оборонительного района были отданы распоряжения о подготовке к обороне в зимних условиях, об устройстве утепленных землянок и о заготовке топлива для защитников города.

Однако к концу сентября обстановка на Крымском полуострове, на котором базировались войска, обеспечивающие Одессу, резко ухудшилась. Необходимо было срочно укрепить оборону Крыма, и 30 сентября Верховное Главнокомандование приняло решение об эвакуации Одессы и о переброске войск

Одесского оборонительного района в Крым на усиление войск 51-й отдельной армии, оборонявшей Крымский полуостров. 6 октября Военный совет оборонительного района ознакомил всех командиров и комиссаров дивизий, армейских частей и начальников родов войск с директивой Ставки об оставлении Одессы. Эвакуацией руководил новый командующий Приморской армии — генерал-майор И.Е. Петров (ранее командир 25 сд. — *Примеч.. авт.*), заменивший заболевшего Г.Н. Софронова. Подготовка к эвакуации и сама эвакуация прошли достаточно организованно. В связи с недостатком транспорта предполагалось эвакуировать дивизии поочередно. Сначала убыли 157-я стрелковая дивизия, армейские тылы, городские организации, ценное оборудование заводов. Противник, видимо, установив начало эвакуации, усилил на фронте нажим. Обстрел и бомбардировки порта стали систематическими.

Обстановка потребовала изменений в план эвакуации. Было решено осуществить под прикрытием арьергардов одновременный выход Приморской армии из боя, сосредоточить войска форсированным маршем в порт, погрузить на корабли и транспорты и вывезти под прикрытием авиации с крымских и кавказских аэродромов в Севастополь. Этот смелый, рассчитанный на внезапность вариант требовал больших организационных мероприятий, позволял полностью сохранить и вывезти личный состав армии. В то же время армия должна была многое оставить, так как огромное количество имущества одновременно подвести к порту и погрузить не представлялось возможным. Одновременно с фронта уходили 95, 25 и 421-я стрелковые дивизии, войска армейского подчинения, части военно-морской базы. На марш и погрузку каждого из соединений отводилось не более 6—7 часов темного времени суток.

На совещании командиров, комиссаров частей были даны указания — обмануть противника, вывести всю живую силу и материальную часть так, чтобы не было ни одного отставшего бойца, ни одной потерянной винтовки.

Для обмана противника необходимо было все время продолжать поддерживать установившийся режим огня, освещение противника ракетами, обычные действия ночной бомбардировочной авиации. Чтобы при движении ночью с фронта в порт не заблудиться, командиры соединений, частей, батальонов, штабов накануне выхода из боя лично проехали по всем маршрутам. Через каждые 200 м по всему маршруту до порта были выставлены маяки с фонарями и поставлены фанерные щиты, окрашенные в белый цвет. Наконец в день отхода соединений по их маршрутам все дороги были посыпаны мелом, что позволило ночью

хорошо ориентироваться. В прикрывающие батальоны каждой дивизии направили представителей штабов. Были сделаны приготовления к тому, чтобы уничтожить автотранспорт, повозки, запасы и имущество, которое нельзя было погрузить.

12 октября Военный совет армии отдал приказ об эвакуации войск в ночь с 15 на 16 октября 1941 года. Начало отхода главных сил было назначено на 19 часов, аррьергардов — на 21 час. Главные силы должны были закончить погрузку на транспорты в 2 часа ночи, а части прикрытия — в 4 часа.

По воспоминаниям командира 95-й Молдавской стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф. Воробьева, 15 октября он еще раз поехал в порт посмотреть район погрузки дивизии. По указанию командарма для 95 сд предназначались транспорты «Армения», «Калинин» и тральщики. Для погрузки частей прикрытия выделили мелкие суда.

В порту и особенно на прилегающих к нему улицах творилось что-то невероятное. Тысячи машин, повозок в хаотическом беспорядке заполнили все улицы. Многие шоферы, повозочные после разгрузки бросали тут же, на пристани, свои машины, повозки, создавая заторы. Даже одному человеку было трудно пройти — а ведь ночью должна была грузиться вся Приморская армия с массой боевой техники.

В этом потоке машин, людей, повозок Воробьеву случайно встретился командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майор Т.К. Коломиец. Он также пытался принимать меры по ликвидации пробок от скопившихся обозов и автомашин. Создавалась угроза, что дивизии ночью просто не сумеют пройти к своим транспортам. Воробьев и Коломиец позвонили командарму и просили его принять меры по наведению порядка.

Авиация противника, обнаружив такое скопление людей и техники, начала бомбить порт. Снижаясь до 100 м, самолеты бросали бомбы, а из пушек и пулеметов обстреливали людей.

В порту находился командный пункт контр-адмирала И.Д. Кулешова, в руках которого была сосредоточена организация погрузки войск и их отправка в Севастополь. Вечером противник начал обстреливать город зажигательными снарядами, а жители тушили их. Жуткой была Одесса в эти часы. В нескольких местах горел порт. Это был хороший ориентир для авиации противника. Всюду беспорядочное движение. На улицах огромное количество брошенных машин. Оставленные лошади бродили по прилегающим к порту улицам и в порту.

Около 22 часов начали прибывать полки и батальоны различных соединений. Практически вся артиллерия, пулеметы, танки, бронемшины были выведены из боя, и началась их погрузка. Но не все было так просто. Оказалось, что на морских транспортах отсутствовали подъемные механизмы, которые могли бы поднимать тяжелые орудия. Попытки разобрать орудия ни к чему не привели. С разрешения командарма артиллерийские орудия и тяжелая техника были уничтожены. Одной из последних уходила 95-я стрелковая дивизия. В 3.30 теплоход «Армения», имея на борту 5000 человек 95 сд, отшвартовался и ушел в море. За ним пошел «Калинин». Комдив с группой офицеров остался ждать последние подразделения, которые прикрывали отход дивизии. Около 4.15 показались бегущие красноармейцы 1-го батальона 161-го полка под командой капитана Катрича. Он был ранен в ногу, но шел позади

Города-крепости

батальона, опираясь на палку. Радость была неописуемая. Так как все корабли уже ушли, батальон был размещен на тральщике. Затем погрузилось прикрытие 241-го полка, подошла минометная рота 161-го полка, одиночные красноармейцы. Около 5 часов утра командование 95 сд погрузилось на катер № 119 и отправилось догонять свою дивизию. Город горел и был весь окутан дымом. Последний транспорт с войсками Одесского оборонительного района отошел от причала в 5.30 16 октября, и к вечеру 17 октября корабли почти без потерь прибыли в Севастополь.

Оборона Одессы на два с лишним месяца сковала 4-ю румынскую армию и наряду с Киевом и Ленинградом явилась символом мужества и стойкости советских войск в первые месяцы войны.

Можно считать, что с окончанием обороны Одессы и эвакуацией войск Одесского оборонительного района в Крым завершился начальный этап боевых действий на южном крыле советско-германского фронта.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении (июнь-ноябрь 1941 года). М.: Военная академия ГШ, 1965, с. 186.

² Там же, с. 187.

³ *ТНотаз Б.* ЛепЪг. РапгеПгирреп 1933—1942. ВcЪШег МШпагу Шзкогу, 1996, р. 190—193.

⁴ ЦАМО, ф. 228, оп. 701, д. 4, л. 19—20. *Ленский А.Г.* Сухопутные силы РККА (в предвоенные годы) /справочник. Санкт-Петербург, 2000, с. 79—86.

⁶ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. М.: Библиотека, Мосгорархив, 1995, кн. 1, с. 125 (ЦАМО, ф. 228, оп. 2535, д. 30, л. 55).

⁷ ЦАМО, ф. 38, оп. 30425 сс, д. 11, л. 16.

⁸ *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. Кн. 1. М.: Воениздат, 1971, с. 48.

⁹ *Минге10.* Рапгег-Так*лк. Бедагеетнепс!, 1959, з. 71, 72.

¹⁰ ЦАМО, ф. 228, оп. 2539, д. 36, лл. 205—206.

¹¹ *81ee1з Н. СеБГ^аееег Ёе1* Итап, з. 91.

¹² ЦАМО, ф. 228, оп. 701, д. 47, лл. 55, 56, 74, 75.

¹³ ЦАМО, ф. 228, оп. 701, д. 58, л. 139.

¹⁴ Баз ОеиЪзпе Ке1сп ипс! с!ег 2у/е'1Б \VeШег1e&, Вc1. 4, 8. 485.

¹⁵ ЦАМО, ф. 38, оп. 30425 сс, д. 11, л. 11.

¹⁶ ЦАМО, ф. 228, оп. 788, д. 8, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 5.

¹⁸ Оборона Одессы. Краткий оперативно-тактический очерк. М.: Военное издательство НКО, 1943, с. 8.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО):

а) Отчет помощника командующего Южного фронта по АБТВ о боевых действиях механизированных войск с 21 июля

по 1 августа 1941 года (ЦАМО, ф. 38, оп. 30425 сс. д. 11, лл. 14-22);

б) Сведения АБТУ Южного фронта о потерях танков и броневедомостей Южного фронта с 22 июня по 1 августа 1941 года (ЦАМО, ф. 38, оп. 30425 сс.д. 11, л. 11);

в) Донесение Отдела АБТВ 9 А о боевых действиях танковых частей армии с 3 сентября по 10 сентября 1941 года (ЦАМО, ф. 228, оп. 788, д. 8, лл. 2—7);

2. Великая Отечественная война 1941 —1945. Военно-исторические очерки. М.: Библиотека, Мосгорархив, 1995, кн. 1. 454 с.

3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945. М.: Воениздат, 1961, т. 2. 683 с.

4. Россия и СССР в войнах XX века (потери вооруженных сил). М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.

5. Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны. М.: ВАФ, 1976. 210 с.

6. Оборона Одессы. Краткий оперативно-тактический очерк. М.: Военное издательство НКО, 1943. 88 с.

7. Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945. М.: Воениздат, 1960. 800 с.

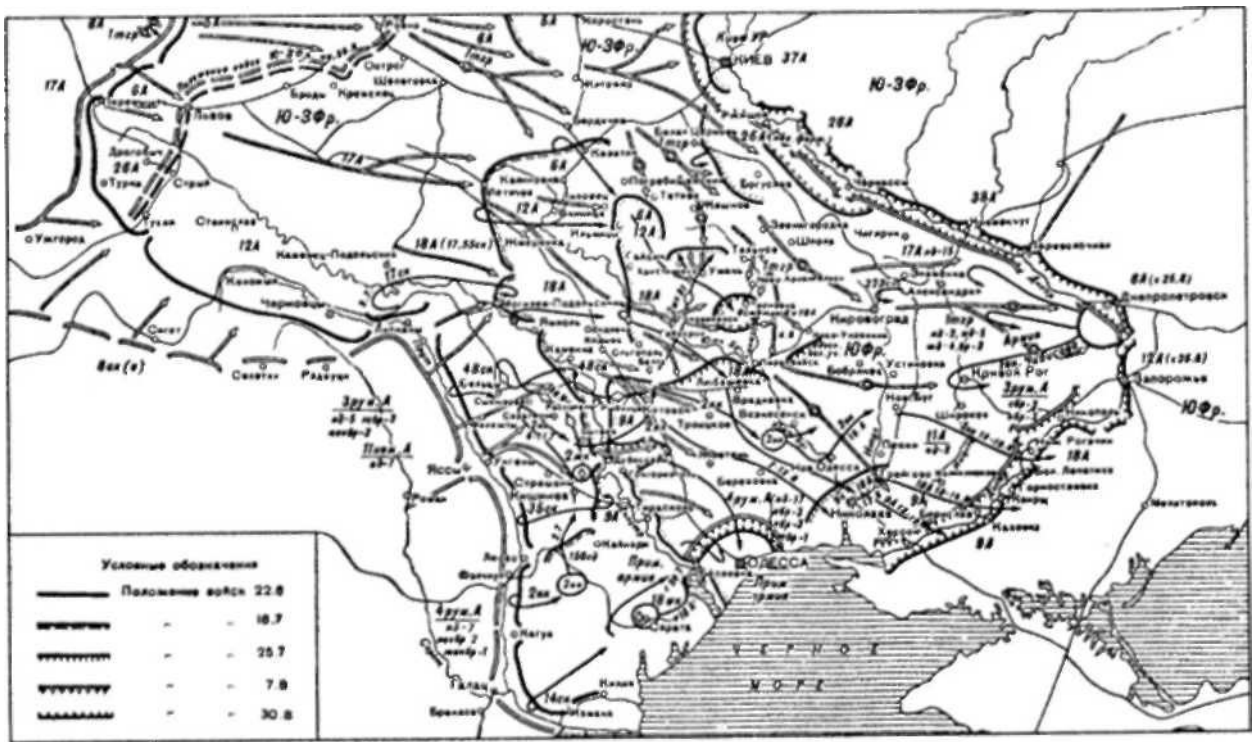
8. Восемнадцатая в сражениях за родину/боевой путь 18-й армии. М.: Воениздат, 1982. 528 с.

9. В сражениях за победу/боевой путь 38-й армии. М.: Наука, 1974. 568 с.

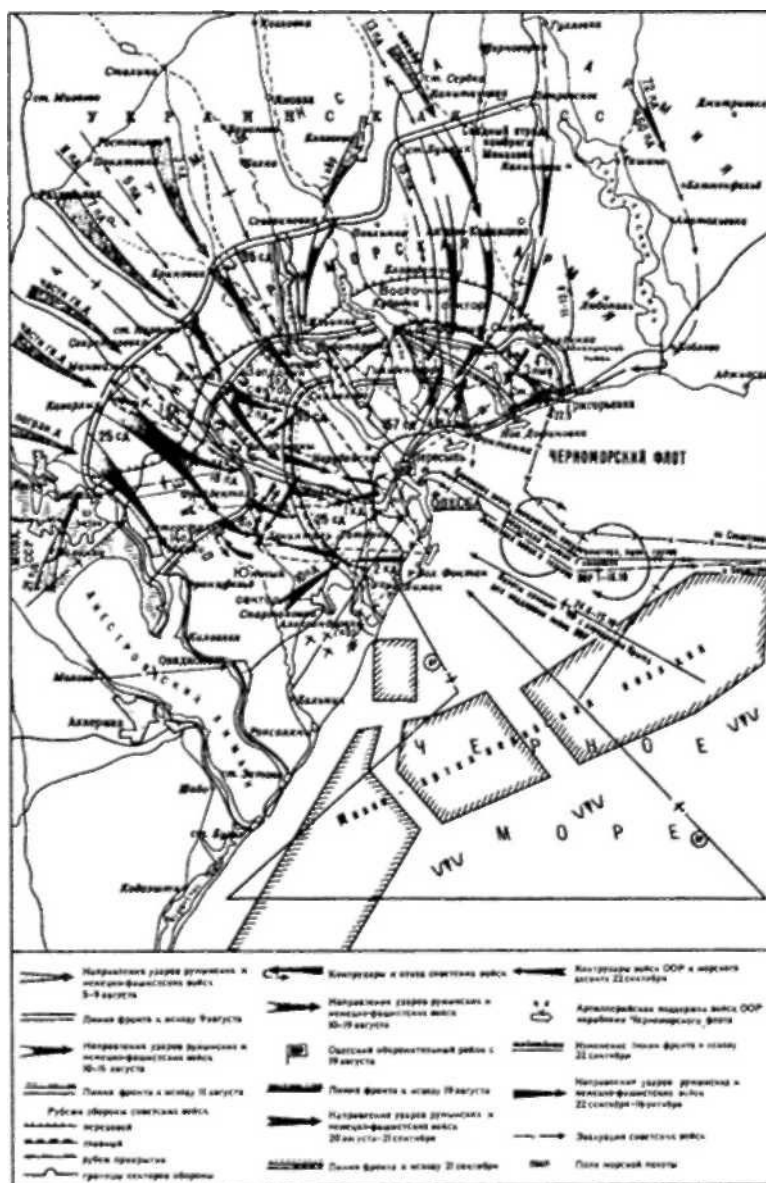
10. *Грецов М.Д.* На Юго-Западном направлении (июнь-ноябрь 1941 года). М.: Военная академия ГШ, 1965. 480 с.

11. *Ленский А.Г.* Сухопутные силы РККА (в предвоенные годы) /справочник. Санкт-Петербург, 2000. 194 с.

12. *ТНотаз Б.* Леп1г. РапгегБгирреп 1933—1942. ЗсЫНег МШ*агу ШзЪогу, 1996, 287 р.

Боевые действия войск Южного фронта с июня по август 1941 года

Боевые действия советских, румынских и германских войск во время обороны Одессы (положение войск с 5 августа по 16 октября 1941 года)

ОПЕРАЦИЯ «ИСКРА»

Прорыв блокады Ленинграда 12—30 января 1943 года

Стратегическая наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда проводилась силами ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов при содействии части сил Балтийского флота и авиации дальнего действия Красной армии. За 19 суток операции войска фронтов прорвали вражескую блокаду Ленинграда, создав коридор шириной 8—11 км, позволивший восстановить сухопутные коммуникации города со страной. Замысел врага задушить голодом защитников и жителей Ленинграда был сорван. Инициатива введения боевых действий на этом направлении перешла к Красной армии.

НАКАНУНЕ

К концу осени 1942 года обстановка на фронтах Великой Отечественной войны стала более благоприятной для Красной армии. В результате самоотверженного труда всех народов Советского Союза фронт получал все больше различной боевой техники, создавались мощные резервы. Противник, несмотря на огромные территориальные завоевания, постепенно утрачивал превосходство в вооружении и численности войск.

Еще в начале сентября 1942 года немцы планировали взять Ленинград. В подписанной Гитлером директиве № 45 указы

валось: «Группе армий "Север" к началу сентября (1942 г.) подготовить захват Ленинграда. Для этого передать группе армий дивизии 11-й армии (осуществившей взятие Севастополя. — *Примеч. авт.*) наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования»¹.

Однако в этот же период командование Волховского фронта² решило провести свою очередную наступательную операцию, сорвав таким образом немецкую. Даже в тяжелые дни обороны Ленинграда советское командование продолжало предпринимать попытки по деблокаде отрезанного от остальной страны города на Неве.

Сражение развернулось за Синявинские высоты, которые господствовали над участком местности, представлявшей коридор, разделявший Ленинградский и Волховский фронты. Поэтому и операция Ленинградского фронта называлась Синявинской. Сковывающую операцию на этом участке проводил Волховский фронт.

Форсирование Невы по решению Ставки началось 9 сентября 1942 года. Внезапности при организации переправы не получилось, и первая попытка захвата плацдарма не удалась. Войска понесли тяжелые потери. Были тому и объективные причины: немецкие дивизии из Крыма, прибывшие для участия в «последнем и решительном» штурме Ленинграда, значительно усилили германскую группировку. Времени Ленинградскому фронту для полного скрытого сосредоточения войск не хватало. А обстановка требовала отвлечь силы Манштейна³, которому Гитлер еще 4 сентября приказал вновь взять командование над своими войсками. Надо было спешить и операцию начинать. Но и успешно продолжать ее в создавшейся обстановке тоже было нельзя, тем более что на Волховском фронте шли кровопролитные позиционные бои. Вот как впоследствии Манштейн описывал сложившуюся обстановку: «И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера... Дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с этим была израсходована значительная часть всех боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград...» На Ленинградском фронте с разрешения ставки операция была приостановлена, чтобы подтянуть резервы. За короткое время до 26 сентября Ленинградский фронт стянул в полосу форсирования уже не 300, а 600 орудий и тяжелых минометов, 160 орудий встали на позиции прямой наводки, а пехота при поддержке специальных и линейных танковых частей приготовилась форсировать Неву. Вот как это было.

В начале сентября 1942 года Невская Оперативная группа войск (НОГ) получила из штаба Ленинградского фронта следующую задачу: «Силами 86, 46, 70 сд и 11 осбр и средствами усиления форсировать р. Нева на участке Пески — Выборская Дубровка, прорвать оборону противника, овладеть плацдармами на левом берегу, установить связь с частями 8-й армии и во взаимодействии с ними окружить и уничтожить синявинскую группировку противника, снять блокаду Ленинграда».

Стрелковым соединениям в качестве усиления были приданы 46 и 86 отб, а также Отдельный легкий танковый батальон — олтб.

Города-крепости

Первые две части были укомплектованы различными танками — КВ, Т-34, Т-26, БТ, а вот Отдельный батальон легких танков (олтб) формировался для проведения специальных операций и был укомплектован плавающими танками советского производства.

Это подразделение было сформировано 14 августа 1942 года из старых машин Т-37А и Т-38, отремонтированных на Ленинградских заводах и переданных из расформированных разведывательных батальонов армий Ленинградского фронта. Всего в олтб имелось 29 танков Т-37А и Т-38, однако они были «очень сильно изношены и к плаванию на воде непригодны». Кроме того, со дня формирования и вплоть до 7 сентября батальон находился на исходных позициях в составе 55-й армии, выполняя задачу усиления стрелковых дивизий огнем с места. Поэтому времени на сколачивание подразделений и штаба олтб совсем не было, личный состав был слабо обучен вождению танков на суше и совсем не имел представления о действиях на воде. А некоторые командиры танков вообще не умели стрелять из танкового пулемета.

Поэтому перед началом операции с личным составом олтб были проведены специальные занятия: плавание экипажа на одиночном танке — 2 раза, в составе взвода — 2 раза и в составе роты — 1 раз. Кроме того, все экипажи прошли подготовку по стрельбе из пулемета ДТ и вождению танков. Одновременно с этим командирами проводилась рекогносцировка местности для выбора оптимальных маршрутов переправы.

Батальон легких танков был придан 70-й стрелковой дивизии КА. Река Нева в предполагаемом месте переправы достигала ширины 400 метров с крутыми берегами и скоростью течения 1 м/с. Все места на левом берегу, пригодные для выхода танков из воды, немцами были тщательно пристреляны. Поэтому переправу планировалось проводить только ночью.

Операция по форсированию Невы началась ночью 26 сентября 1942 года. В первом эшелоне шла рота олтб — 10 машин. В 04.30 танки спустились к воде, при этом один из них сломался, а у двух других при маневрировании слетели гусеницы (позднее их эвакуировали в тыл). Оставшиеся семь машин вошли в Неву и устремились к левому берегу. Немцы, заметив переправу, осветили реку ракетами и открыли сильный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь по танкам. Один Т-38, пройдя всего около 70 метров, наскочил на какой-то подводный предмет и затонул. Еще три машины, подбитые огнем противника, также пошли ко дну. В результате на левый берег вышло всего три танка. Но из-за того, что пехота 70-й стрелковой дивизии задержалась с переправой, все три машины были быстро подбиты. Их экипажи попытались вплавь переправиться на правый берег, но в воде были расстреляны противником и утонули.

В течение последующих четырех ночей советской пехоте с боями все-таки удалось переправиться на левый берег Невы и занять там небольшой плацдарм. Вместе с пехотой удалось переправить и 29 танков, из них 16 Т-37А и Т-38 (9 Т-26 и 1 БТ-2 из 46 и 86 отб были перевезены через реку на пароме). На плацдарме танки сразу же располагались на позициях для их использования в качестве неподвижных огневых точек и окапывались. Но из-за открытой местности, сильного артиллерийского огня и бомбежек с воздуха к 5 октября 1942 года 25 танков было подбито. Экипажи

уничтоженных танков действовали как обычные пехотинцы, проявив при этом мужество и героизм. Так, вечером 5 октября группе немцев удалось просочиться в тыл частям, оборонявшимся на плацдарме. Группа танкистов, взяв два ящика гранат, забросала ими немцев, после чего бой перешел в рукопашную схватку. При этом механик-водитель олтб Байда «заколол ножом немецкого офицера, а тов. Рожков (тоже механик-водитель олтб. — *Примеч. авт.*) несколько немцев убил из нагана».

Ввиду неудачных действий частей НОГ 6 октября 1942 года был получен приказ — переправить на левый берег уцелевшие танки и танкистов. Но из пяти уцелевших к этому моменту танков удалось вывести только один Т-26. После этих боев батальон легких танков был расформирован. Его потери составили 23 машины из 29, а оставшиеся шесть вышли из строя по техническим причинам⁴.

После проведения этой неудачной «акции» (впрочем, избавившей город от нового штурма) командование Ленинградского фронта, да и Ставка ВГК четко осознали, что противник под Ленинградом хорошо укрепился, и без проведения стратегической наступательной операции, объединившей в своих целях действия Ленинградского и Волховского фронтов, а также Краснознаменного Балтийского флота, прорвать блокаду города не удастся. Пользуясь ситуацией на советско-германском фронте, необходимо было готовиться к серьезным боям.

Стало ясно, что стратегическая инициатива стала переходить к Красной армии. Об этом свидетельствовало начавшееся 19 ноября контрнаступление советских войск под Сталинградом, а также декабрьское наступление войск Юго-Западного и Воронежского фронтов на Среднем Дону. Развернулись активные действия советских войск на северо-западном и центральном направлениях.

Положение под Ленинградом оставалось, однако, по-прежнему очень напряженным. Оно осложнялось еще и тем, что Ладожское озеро, через которое предстояло вновь прокладывать ледовые трассы для снабжения блокированного города, долго не замерзало. Первые автомашины прошли через него только в конце декабря. Но и после этого частые подвижки льда, приводившие к образованию множества трещин, торосов и ледяных валов, крайне затрудняли работу дороги.

Проблема сухопутных коммуникаций Ленинграда со страной продолжала оставаться важнейшей, и решить ее необходимо было как можно скорее.

8 декабря Ставка издала директиву об операции по прорыву блокады Ленинграда. Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами двух наших фронтов — Ленинградского с запада и Волховского с востока — разгромить группировку германских войск в шлисельбургско-синявинском «выступе», прорвать вражескую блокаду и восстановить связь Ленинграда с центральными районами страны по суше. К концу января войска обоих фронтов должны были выдвинуться на линию река Мойка, поселок Михайловский, Тортолово и, закрепившись на этих рубежах, обеспечивать коммуникации Ленинградского фронта.

Действия наших фронтов поручалось координировать представителям Ставки — маршалу К.Е. Ворошилову и генерату армии Г.К. Жукову. Операция стала условно называться «Искра». Непосредственная

Города-крепости

разработка деталей этой операции легла на командующих Ленинградским и Волховским фронтами.

Советским военачальникам (они даже специально встречались в Ленинграде для обсуждения деталей операции) предстояло решить сложнейшую задачу, так как германское командование придавало исключительное значение удержанию узкого клина южнее Ладожского озера, образованного еще в сентябре 1941 года и замыкавшего блокаду вокруг Ленинграда. Захваченная противником 16-17-километровая полоса, разделявшая войска Ленинградского и Волховского фронтов, была превращена в укрепленный район. Мощные узлы сопротивления и опорные пункты, созданные на всю глубину коридора, соединялись траншеями и ходами сообщения. Оборона была насыщена многочисленными пулеметными, а также артиллерийскими деревоземляными огневыми сооружениями (ДЗОС), разными инженерными заграждениями, лесными и снежными завалами.

Особенно сильной была оборона противника против войск Ленинградского фронта. Здесь она проходила по обрывистому обледенелому берегу Невы, возвышавшемуся над противоположным берегом, где оборонялись войска 67-й армии. Враг построил вдоль берега три линии сплошных траншей полного профиля. Подступы к Неве прикрывались многоярусным огнем пулеметов, врезанных в крутость берега. На 1 км фронта приходилось 35-40 огневых точек и 27 орудий и минометов.

На восточном фазе коридора противник не имел сплошных траншей. Плотность его войск была там несколько ниже. Плотность артиллерии и минометов достигала 18 орудий и минометов на 1 км фронта.

Войскам нашего Ленинградского фронта (командующий — генерал-лейтенант, а с 15.01.43 г. генерал-полковник Л. А. Говоров; члены Военного совета — секретарь ЦК ВКП(б), с 12.02.43 г. генерал-лейтенант А.А. Жданов; Н.В. Соловьев, с 22.2.43 г. генерал-майор; начальник штаба — генерал-лейтенант Д.Н. Гусев) предстояло под огнем противника форсировать Неву, прорвать долговременную оборону, наступать по пересеченной болотистой местности и преодолевать сильно укрепленные узлы сопротивления, оборудованные главным образом в населенных пунктах. Войска Волховского фронта (командующий — генерал армии К. А. Мерецков, член Военного совета генерал-лейтенант Л.З. Мехлис, начальник штаба — генерал-лейтенант М.Н. Шарохин) должны были также осуществлять операции в трудных условиях лесисто-болотистой местности.

В советской литературе неоднократно упоминается о том, что немецкие войска сосредоточили на шлиссельбургско-синявинском «выступе» довольно сильную и плотную по численности группировку войск. Это не совсем так. Так называемый «выступ» обороняли войска 18-й армии вермахта⁵. Немцы называли его «фляшенхальс» — «бутылочное горло». Оборону по реке Неве против Ленинградского фронта держал 24-й армейский корпус генерала фон Лейзера, состоящий из 170-й пехотной (иногда ее называли гренадерской) и 5-й горнопехотной дивизии. На участке прорыва 67-й армии также находились части 170 пд вермахта. Гарнизон Шлиссельбурга состоял из солдат и офицеров 227-й пехотной дивизии вермахта, это же соединение рядом с 1-й и 223-й пехотными (26-й

армейский корпус) дивизиями оборонялось против войск Волховского фронта. Причем на участке наступления 2-й ударной армии оборонялись именно части 227 пд. С началом операции немецкое командование могло подбросить на участок прорыва только 1, 223 и 96-ю пехотные дивизии (последняя находилась в резерве в н/п Мга) да Полицейскую дивизию СС, которая вела позиционные бои против 55А Ленинградского фронта. Все бронетанковые силы 18А состояли из 502-го отдельного тяжелого танкового батальона и насчитывали 23 танка: 9 Рг. Кргда. III (50), 7 Рг. Кргш. III Айв! . N (75), 6 Рг. Крг\у. VI «Тигр» и 1 командирскую машину. В соседней 16 А был 203 тп с 9 танками: 7 Рг. Кргг. III Аиз1. N. 2 Рг. Кргг. IV АййЕ. Н1.

Надежды врага были только на артиллерию и сильную в инженерном плане оборону. Его дивизии занимали здесь полосы обороны по 8-12 километров по фронту, в то время как на других участках они достигали 25-30 километров. У немецкого командования имелась, кроме того, возможность быстро укрепить шлиссельбургско-синявинскую группировку за счет переброски войск с других направлений.

На левом берегу Невы у противника имелись два особенно мощных узла сопротивления, один из которых состоял из сооружений 8-й ГЭС, каменных домов 1-го и 2-го городков, а другой включал многочисленные постройки Шлиссельбурга и его окраин. На каждом километре фронта насчитывалось по 10-12 огневых точек, а вдоль всего левого берега Невы протянулись траншеи полного профиля.

Второй оборонительный рубеж противника проходил через Рабочий поселок № 1, Рабочий поселок № 5, станцию Подгорная, Синявино, Рабочий поселок № 6. Здесь имелись две линии траншей, очень мощный синявинский узел сопротивления, отсечные позиции, а также опорные пункты, приспособленные к круговой обороне. Этот рубеж являлся и позицией дивизионных резервов немецких войск, противостоящих Ленинградскому и Волховскому фронтам. С Синявинских высот хорошо просматривались южное побережье Ладожского озера, Шлиссельбург, 8-я ГЭС и Рабочий поселок № 5. Фланговым огнем простреливалась вся местность, особенно на участке железнодорожной линии между Синявино и 8-й ГЭС.

Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Л.А. Говоров решил основные усилия сосредоточить в полосе 67-й армии, сформированной в октябре 1942 года. Командовал армией опытный и очень подготовленный в военно-теоретическом отношении генерал П. Духанов. Главный удар решено было нанести по наиболее слабому участку обороны противника — между 8-й ГЭС и Шлиссельбургом — и развивать наступление на Синявино и Рабочий поселок № 5.

К началу наступления 67-я армия имела в своем составе 7 стрелковых дивизий (45 гв., 13, 46, 86, 123, 136, 268 сд), 6 стрелковых (11, 55, 102, 123, 138 сбр и 142 мсбр), 2 лыжных (34, 35 лбр) и 3 танковые (61 лтбр, 152, 220 тбр) бригады, 2 танковых батальона (86, 118 отб), бригаду гвардейских минометов, 12 артиллерийских и 8 минометных полков, 23 батареи морской артиллерии.

Города-крепости

Оперативное построение армии для наступления намечалось в два эшелона: в первом — 4 дивизии (45-я гвардейская, 268, 136 и 86-я), а во втором — 2 дивизии (13-я и 123-я) и 3 стрелковые бригады (102, 142 и 123-я).

11, 55 и 138-я стрелковые и 34-я лыжная бригады составляли армейский общевойсковой резерв. 46-я стрелковая дивизия занимала оборону на правом берегу Невы.

В наступлении на противника первый эшелон советских войск поддерживали 114 танков и 31 бронемашина (данные на 11 января 1943 года).

45-ю гвардейскую стрелковую дивизию поддерживал 118-й отдельный танковый батальон (17 БТ-7, 8Т-26 и 2 бронееавтомобилей БА-10).

268-ю стрелковую дивизию поддерживал 86-й отдельный танковый батальон (28 БТ-7 и бронееавтомобиль БА-10).

61-я легкотанковая бригада, состоявшая из 548-го и 549-го танковых батальонов (31 и 30 легких танков Т-60 соответственно), а также отдельного бронеебатальона (28 средних бронееавтомобилей БА-10) по подразделениям была придана стрелковым дивизиям. 548-й танковый батальон поддерживал 86-ю стрелковую дивизию, а 549-й — 136-ю стрелковую дивизию. Бронеебатальон бригады оставался в резерве, а затем был также придан 86-й стрелковой дивизии, которая должна была участвовать в уличных боях в Шлиссельбурге.

На направлении главного удара разворачивалась 136-я стрелковая дивизия генерал-майора Н.П. Симоняка, сформированная из частей, в 1941 году героически оборонявших полуостров Ханко. Увидев танки Т-60, генерал Симоняк сказал: «Их из рогатки горошинкой перешибешь!» В утешение его «горя» 136 сд дополнительно получила мотострелковый батальон 61 лтбр.

152-я (33 Т-34, 16 БТ-5-7 и 3 БА-10) и 220-я (36 Т-34, 4 Т-50, 15 Т-26, 4 САУ Т-26 и 3 БА-10) танковые бригады находились в армейском резерве в готовности форсировать Неву и развивать успех первого эшелона наступления. Согласно плану, танкисты этих соединений должны были поддерживать пехоту 123-й стрелковой дивизии и 102-й отдельной стрелковой бригады соответственно.

Как уже говорилось, перед фронтом 67-й армии по левому берегу реки Невы в совокупности оборонялось до двух пехотных дивизий противника — элитная 170-я пехотная дивизия вермахта и подразделения 227-й дивизии вермахта.

Передний край оборонительных позиций противника проходил непосредственно по левому берегу реки Невы. На переднем крае противник имел сплошную сеть траншей и окопов, соединенных со второй линией траншей, расположенных в 150—200 м от первой. Система пулеметных гнезд и ДЗОТов, расположенных в 50—70 м от переднего края, была построена с расчетом ведения фланкирующего огня вдоль реки Невы.

В городе Шлиссельбурге, по данным разведотдела 67А, находился гарнизон из 227-й пехотной дивизии вермахта численностью 500—600

человек. Побережье Ладожского озера оборонял разведотряд из этого же соединения.

Легкотанковые бригады создавались для боевых действий на болотистой труднопроходимой для тяжелых танков местности и оснащались легкими танками Т-60/Т-70, а также броневедомолами БА-10. На основании постановления Военного совета Ленфронта № 001052 от 7 июля 1942 года была сформирована 61-я легкотанковая бригада, в состав которой вошли 65 Т-60 и 46 броневедомолами БА-10 с экипажами. Небезынтересна история их доставки в осажденный город. Танки и броневедомолами решили перевозить на баржах с углем. Это было неплохо с точки зрения маскировки. Баржи доставляли в Ленинград топливо, примелькались противнику, и не каждый раз за ними велась активная охота. К тому же уголь как балласт обеспечивал речным судам необходимую остойчивость.

Грузили боевые машины с пирса выше Волховской гидроэлектростанции. На уголь укладывали бревенчатые настилы, на них размещались танки и броневедомолами, и баржи отчаливали от берега. Вражеской авиации так и не удалось обнаружить перемещение нашего войскового соединения. Однако большая часть броневедомолами (особенно БА-10) прибыли на доукомплектование бригады с ремонтных предприятий Ленинграда.

Организационно бригада состояла из управления (штат 010345), двух танковых батальонов (штат № 010398), отдельного броневедомолами (проект дополнения к штату), мотострелково-пулеметного батальона (штат № 010347), роты управления (штат № 010350), медико-санитарного взвода (штат № 010352), особого отдела НКВД (по особому штату) и полевой почтовой станции (штат № 014-69в).

Личным составом и вооружением 61 лтбр была укомплектована почти полностью, за исключением автопарка (насыщенность автомобилями 60 %). 27 июля 1942 года бригада приступила к плановой боевой подготовке, дислоцируясь в районе н/п Озерки-1 (в резерве фронта), а затем в районе н/п Колпино-Павлово (август—декабрь 1942 года).

ПО

Вероятно (по воспоминаниям ветеранов), осенью 1942 года в бригаду поступило несколько легких танков Т-70.

Командование и штаб бригады были укомплектованы в основном офицерами-ленинградцами, а также командирами, проходившими службу на Ленинградском фронте. Первый командир только что сформированной бригады — Александр Васильевич Шевлягин — вскоре тяжело заболел и выбыл из строя. В сентябре в бригаду был назначен новый командир — подполковник Владислав Владиславович Хрустицкий, человек и до этого назначения воевавший под Ленинградом и хорошо знавший особенности «местного» ТВД.

В тактическом плане предполагалось, что легкие, маневренные и скоростные танки Т-60, а также броневедомолами БА-10 будут действовать в боевых порядках пехоты после прорыва глубокоэшелонированной обороны противника, активно подавляя очаги сопротивления врага, расположенные на вязкой, болотистой почве северо-западного ТВД.

Города-крепости

Справедливости ради надо признать, что танкисты не особенно любили сравнительно легкобронированные (толщина брони от 6 до 35 мм) и слабовооруженные (20-мм пушка ШВАК и 7,62-мм пулемет ДТ) боевые машины с пожароопасными бензиновыми двигателями, называя их БМ-2 — «братская могила на двоих». Главным достоинством этого достаточно легкого танка (6,4 т) была дешевизна в производстве, подвижность и хорошая проходимость. Последняя позиция, «усиленная» твердым, промерзшим в холодное зимнее время грунтом северо-запада России, сделала этот танк важной составляющей ударной группы в будущей операции.

Средние броневые автомобили БА-10 и легкие танки Т-70, также находившиеся в составе 61-й легкотанковой бригады, были вооружены 45-мм пушками, однако их маневренность и проходимость оставляли желать лучшего (особенно броневых автомобилей).

В отличие от управления бригады, а также командиров подразделений, экипажи танков Т-60 прибыли с Большой земли. Это были молодые и необстрелянные, да и едва обученные солдаты, кое-как умевшие водить свои машины.

Настороженно слушали они артиллерийскую канонаду, доносившуюся с Невской Дубровки, с опаской поглядывали на небо, в котором шныряли германские самолеты. Стало ясно, что бросать бригаду в бой без основательной тренировки личного состава нельзя.

На первом командирском сборе комбриг Хрустицкий (до этого воевавший на КВ) так оценил возможности легких танков Т-60: «Мал золотник, да дорог. Броня, верно, не ахти какая, да и огневая сила меньше, чем у среднего танка. Зато он пройдет там, куда среднему и тяжелому танку лучше не соваться». Впоследствии выяснилось, что комбриг оказался хорошим педагогом: перед началом учения он давал возможность командирам танков подбирать себе механиков-водителей по желанию. Экипажи (состоявшие в Т-60 из двух человек) имели психологическую совместимость, что очень положительно сказывалось на успешном выполнении боевой задачи. Во время маршей комбриг учил экипажи самостоятельности и инициативе, а иногда, эмоционально ругаясь, (любимым словом Хрустицкого была фраза «ядрена качалка». — *Примеч.. авт.*), сам занимал место механика-водителя и показывал подчиненным, как надо преодолевать крутой учебный холм под названием «Казбек». Под стать командиру были и подчиненные. Старший техник-лейтенант Кушников из роты технического обеспечения бригады (до войны инженер крупного ленинградского завода) за несколько дней спроектировал оригинальной конструкции кран, который мог монтироваться на ремонтную летучку или башню танка Т-60 и служил для демонтажа (или установки) двигателя этой легкой гусеничной машины. Через некоторое время его изобретение позаимствовали и другие части Ленинградского фронта. Также в 61-й лтбр была разработана подвижная (на прицепе) зарядная станция для зарядки одновременно 100 танковых аккумуляторов⁶.

К концу осени 61-я легкотанковая бригада была вполне боеспособным соединением.

Волховский фронт по решению его командующего генерала армии К.А. Мерецкова основные усилия сосредоточивал на своем правом крыле. Многостральная 2-я ударная армия (12 стрелковых дивизий, 2 лыжные бригады, 4 танковые бригады, отдельный танковый полк прорыва и 4 отдельных танковых батальона) под командованием генерал-лейтенанта В.З. Романовского должна была прорвать оборону противника на участке Липка, Гайтолово и, нанося главный удар на Синявино, овладеть рубежом Рабочий поселок № 1, Рабочий поселок № 5, Синявино. С севера должна была совершить обход по льду Ладожского озера 12-я отдельная лыжная бригада и атаковать противника западнее населенного пункта Липка. В дальнейшем войскам армии предстояло развивать наступление в западном направлении до соединения с войсками Ленинградского фронта. Обеспечение левого фланга 2-й ударной армии возлагалось на 8-ю армию, которая тоже привлекалась для участия в операции.

Непосредственная подготовка войск правого крыла Волховского фронта к наступлению Ставкой была поручена генерал-лейтенанту И.И. Федюнинскому.

Интересно, что при планировании деталей операции по прорыву вражеской обороны 2-й ударной армией соблюдалась полнейшая секретность. Когда Владимир Захарович Романовский прибыл к комфронта Мерецкову, тот отвел ему землянку и предложил разработать наступательную операцию.

— Сиди здесь и думай, — сказал Кирилл Афанасьевич. — Если тебе потребуется добавочно какой-нибудь справочный материал о местности, по которой будет наступать армия, об обороне противника, о своих войсках, звони мне. Приду, дам нужные справки. По артиллерии звони генералу Дегтяреву (генерал-майор Г.Е. Дегтярев — начальник артиллерии Волховского фронта). Больше ни к кому не обращайся.

Все трое суток генерал В.З. Романовский разрабатывал операцию. Закончив ее вчерне, главным образом на карте, он по телефону сообщил командующему фронтом:

— Готов к докладу.

Мерецков пришел в землянку, выслушал, рассмотрел карту с нанесенным на нее решением, затем задал несколько вопросов и в заключение спросил:

— Все улеглось в голове? -Да.

— Вот и хорошо! — и с этими словами Кирилл Афанасьевич взял карту и тут же в землянке сжег ее, дабы никто не проведал, какая операция готовится.

— Теперь поезжай в свою армию, — сказал командующий, глядя на пепел от сожженных листов, — и готовь войска к бою⁷.

В составе 2-й ударной армии находились 11, 18, 71, 128, 147, 191, 239, 256, 314, 327, 372, 376-я стрелковые дивизии, а также 12-я и 13-я лыжные бригады.

При фронте прорыва вражеской обороны в 13 километров главный удар 2-я ударная армия наносила на 5—6-километровом участке, куда были стянуты довольно значительные бронетанковые силы — 4 танковые бригады, один тяжелый танковый полк прорыва и 4 отдельных танковых батальона, из которых два было огнеметных.

Города-крепости

В полосе наступления 2-й ударной армии на 10 января 1943 года находились: 122 тбр (20 Т-34, 12 Т-60 и 6 Т-70), 98 тбр (20 Т-34, 14 Т-60 и 6 Т-70), 185 тбр (19 Т-34, 14 Т-60 и 6 Т-70), 16 тбр (24 Т-34, 10 Т-60 и 11 Т-70), 32 отгпн (20 КВ), 507 отб (19 ТО-34 и 1 Т-70), 500 отб (15 Т-60), 503 отб (20 ТО-34 и 2 Т-70), 501 отб (5 КВ).

Участок наступления 2-й ударной армии Волховского фронта оборонялся силами 227-й пехотной дивизии вермахта, а именно 374-м пехотным полком 227-й пехотной дивизии. Всего, по данным советской разведки, на этом участке противник имел около 9500 человек, 110 станковых пулеметов, 300 ручных пулеметов, 120 минометов, 65 противотанковых орудий, 16 75-мм пушек, 46 105-мм орудий и 8 150-мм орудий. Кроме того, на участке Мга — разъезд Апраксин курсировала железнодорожная батарея (2 орудия) 240-мм пушек, а в оперативном резерве находился 502-й отдельный батальон тяжелых танков вермахта⁸.

С ДОТами и ДЗОТами немцев командование 2-й ударной армии наряду с традиционными артиллерией и авиацией собиралось бороться с помощью огнеметных танков: в 503-м и 507-м отдельных танковых батальонах в совокупности насчитывалось 39 огнеметных танков ТО-34. Эту машину разработали еще в 1941 году на базе среднего танка Т-34—76, а его серийное производство началось только в 1942 году. На месте лобового пулемета Т-34 конструкторы установили поршневой автоматический огнемет АТО-41 производства завода № 222, насадок огнемета полностью укрывался подвижной бронемаской. Стрельба велась одиночными или очередью по 3—4 выстрела с темпом 3 выстрела в 10 секунд. Дальность составляла 60—65 метров, вязкой огнесмесью — 90—100 метров. 100 литров огнесмеси хватало на 10 выстрелов. Емкость бензобака для зажигания была 2 литра. Установка огнемета допускала углы наведения в горизонтальной плоскости $\pm 12,5^\circ$, вертикальной — от -2° до $+10^\circ$. Огонь из огнемета вел механик-водитель, поэтому горизонтальное наведение осуществлялось, как правило, разворотом танка. Основное вооружение танка сохранялось, боекомплект пушки оставался тем же, что и у линейных танков, сокращался только боекомплект пулемета. Внешне огнеметный танк ТО-34 практически не отличался от линейного Т-34-76. Только радиостанцию перенесли в башню (на место коробок для боекомплекта к пулемету), поэтому антенный вывод находился на тыльной стороне башни. Всего в 1942 году было выпущено 309 ТО-34, что, в общем-то, было не очень много. Из них значительная часть попала именно на Волховский фронт.

Подготовка к операции, особенно для войск Ленинградского фронта, действовавшего на блокированной, отрезанной от Большой земли территории, представляла серьезные трудности. Надо было накапливать силы и средства и перегруппировывать части на весьма ограниченном участке, чтобы противник не раскрыл замысел нашего командования. Требовалась строжайшая маскировка и особая бдительность. Командование и политорганы уделяли этому большое внимание.

Наступающим предстояло форсировать покрытую льдом и снегом Неву шириной 600—700 метров, преодолеть ее обрывистый левый берег, а затем уже атаковать первую траншею врага.

Ответственные задачи стояли и перед артиллерией. Во взаимодействии с авиацией она должна была проложить своим огнем путь пехоте и танкам, обеспечить форсирование ими Невы и прорыв всей обороны противника. Артиллерия 67-й армии была усилена бригадой гвардейских минометов, артиллерийскими и минометными частями трех других армий фронта.

К началу наступления на 13-километровом участке прорыва 67-й армии, несмотря на труднейшие условия блокады, только за счет внутрифронтной перегруппировки войск командованию фронта удалось сосредоточить 22 артиллерийских и минометных полка, в том числе 28-ю артиллерийскую дивизию, 3 дивизиона артиллерии большой мощности береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота, 12 тяжелых дивизионов М-30 и 3 полка реактивной артиллерии М-13. Кроме того, в состав реактивной артиллерии армии входили 2 дивизиона мощных 280-мм реактивных снарядов, созданных на ленинградских заводах.

Всего на участке прорыва с учетом артиллерии флота (88 орудий) было 1909 орудий и минометов. Это позволило создать среднюю плотность артиллерии (на фронте 13 км) 133 орудия и миномета (без 45-мм) на 1 км фронта и добиться более чем 5-кратного превосходства в артиллерии над противником (не считая реактивной артиллерии).

На Волховском фронте к участию в операции привлекались 2885 орудий и минометов, из них 2206 в полосе 2-й ударной армии. В том числе на участке прорыва 2-й ударной армии была сосредоточена 2-я артиллерийская дивизия РВГК, две тяжелые минометные бригады М-30 и четыре минометных полка М-13. Плотность артиллерии на участке прорыва в 11,5 км достигала 180 орудий и минометов на 1 км фронта (не считая 45-мм орудий и реактивных установок). Наши войска имели здесь 6-кратное превосходство в артиллерии над противником.

Сосредоточенные к участкам прорыва мощные ударные группировки прикрывались с воздуха крупными силами зенитной артиллерии, скрытно расположенной в лесах. 67-я армия Ленинградского фронта имела в своем составе 7-ю зенитную артиллерийскую дивизию, шесть отдельных дивизионов и две батареи среднекалиберной зенитной артиллерии. Из этих зенитных средств были созданы три зенитные артиллерийские группы, прикрывавшие главную группировку пехоты и артиллерии. При этом дивизионы среднего калибра развернулись ближе к флангам, учитывая порядок захода самолетов противника для бомбометания вдоль фронта.

2-я ударная армия Волховского фронта была усилена 43-й и 45-й зенитными артиллерийскими дивизиями и двумя отдельными дивизионами среднего калибра, из которых создавались две зенитные артиллерийские группы по одной дивизии и дивизиону каждая. Одна группа прикрывала главную группировку войск, а другая — часть боевых порядков артиллерии, тыловые армейские учреждения и коммуникации.

Войска Ленинградского фронта, находясь в долговременной обороне, практически еще ни разу не применяли артиллерийского наступления. Теперь оно стало необходимо.

В армии были созданы артиллерийские группы дальнего действия, особого назначения и специальная (группа). Подавить и уничтожить

Города-крепости

огневые точки врага и его живую силу на переднем крае и в глубине — в 200—300 метрах от берега Невы — должны были орудия прямой наводки. Стрельба по вражескому переднему краю с закрытых огневых позиций неизбежно привела бы к разрушению льда у берега и, значит, могла сорвать атаку, прежде чем она начнется. В дивизиях первого эшелона армии поставили на прямую наводку: в 45-й гвардейской — 48 орудий, в 268-й — 78, в 136-й и 86-й — по 70 орудий.

Кроме наземных соединений к операции привлекались силы Краснознаменного Балтийского флота (командующий — вице-адмирал В.Ф. Трибуц, члены Военного совета — контр-адмирал Н.К. Смирнов, генерал-майор береговой службы А.Д. Вербицкий, начальник штаба вице-адмирал Ю.Ф. Ралль) и Ладожской военной флотилии.

В первую очередь использовалась артиллерия КБФ. Всего было выделено 88 орудий калибром от 100 до 406 мм. 406-мм орудие стреляло с территории научного морского полигона. Каждый его снаряд весил свыше тонны. Орудия калибром 356-мм и 180-мм также разрушали любые прочные железобетонные сооружения. Самым распространенным калибром были 130-мм орудия эсминцев и береговых батарей. Расположенная на острове Ореховом в истоке Невы артиллерийская батарея № 409 старшего лейтенанта П. Кочененкова была использована для наблюдения и корректирования огня. Общее руководство морской артиллерии в операции «Искра» осуществлял вице-адмирал И.И. Грен.

В составе сухопутных войск действовали морские стрелковые бригады (73-я и 142-я), а также многие морские пехотинцы в составе 136-й дивизии генерал-майора Б.П.Симоняка (бывшие ханковцы), 55-й и 138-й стрелковых бригад.

Ладожская военная флотилия под командованием капитана 1-го ранга В.С.Черокова в период подготовки к операции выполняла важную задачу по обеспечению перевозок через озеро в осажденный Ленинград. Для этого был создан специальный отряд кораблей для плавания в ледовых условиях. Задача продления перевозок была близка и понятна всем краснофлотцам и командирам и поэтому вызвала всеобщий энтузиазм. Перевозки продолжались до 8 января 1943 года, а перевезенные войска приняли активное участие в прорыве блокады Ленинграда⁹.

Для авиационного обеспечения операции привлекалось до 900 самолетов 13-й и 14-й воздушных армий Ленинградского, Волховского фронтов и ВВС Краснознаменного Балтийского флота. В это время у противника имелось 132 самолета, но в ходе операции их число увеличилось до 250.

Для достижения наибольшей четкости и эффективности в совместных действиях на ограниченном участке командующие воздушными армиями генералы С.Д. Рыбальченко (13 ВА) и И.П. Журавлев (14 ВА) согласовали план использования авиации для выполнения единой задачи — максимальной поддержки ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов в период наступления. Они разработали так называемый «челночный» способ действий. Заключался он в том, что самолеты 14-й воздушной армии, нанеся удар по целям, не возвращались к себе, а садились на аэродромы Ленинградского фронта, где заправлялись,

принимали бомбовый груз и вылетали для повторного удара. После этого они уходили на свои базы. Точно так же действовала авиация 13-й воздушной армии.

Отработаны были также вопросы взаимодействия между 13-й воздушной армией и ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Штаб воздушной армии составлял план боевого использования авиации, в котором указывались цели, время нанесения ударов по ним и наряд самолетов.

Готовясь к проведению операции, авиация проделала большую работу по воздушному фотографированию вражеских позиций. Командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров требовал от всех командиров точного знания обороны противника, местности, целей, которые надо уничтожить на участке наступления.

Первым на разведку в район намечавшегося прорыва вылетел экипаж во главе со старшим лейтенантом А.К. Ткаченко. Самолеты-разведчики 5-й отдельной разведывательной авиационной эскадрильи фотографировали местность, оборону противника, его артиллерийские и минометные позиции.

Серьезное внимание уделялось инженерному обеспечению операции. Инженерные войска подготовили исходные районы для наступления, разминировали поля, сделали проходы в заграждениях. Были проложены дороги протяженностью до 50 километров, идущие к Неве, разработаны способы усиления ледяного покрова для переправ и изготовлены для них специальные щиты.

Все инженерные части, привлекаемые к участию в операции, командующий 67-й армией решил использовать эшелонированно. Первый инженерный эшелон должен был сопровождать и обеспечить продвижение боевых порядков дивизий первой линии. В наступление каждому стрелковому батальону придавался саперный взвод, бойцы которого входили в штурмовые группы и группы разграждения. Дивизионные инженеры имели в резерве шесть взводов, три из которых предназначались для закрепления захваченных рубежей. Устройство дорог за боевыми порядками наступающих дивизий возлагалось на второй инженерный эшелон.

Четыре батальона составляли третий эшелон. Им надлежало построить на Неве четыре переправы, по которым могли бы пройти танки Т-34. Четвертый эшелон состоял из одного батальона, имевшего 80 собачьих упряжек, предназначенных для перевозки грузов. Каждая упряжка могла доставлять по 80—100 килограммов за одну поездку.

Как уже говорилось, имевшиеся в 67-й армии Ленфронта три танковые (61,152, 220 тбр) бригады и два отдельных (86, 118 отб) танковых батальона (всего 222 танка) командующий армией решил использовать для непосредственной поддержки пехоты. Обусловливалось это малой глубиной операции и лесисто-болотистой местностью.

Штабы и части ударной группировки 67-й армии настойчиво готовились к операции, получившей кодовое наименование «Искра». В боевых порядках частей, занимавших оборону на правом берегу Невы, установили круглосуточное офицерское наблюдение, которое велось с

Города-крепости

четырёх-шести наблюдательных пунктов. Артиллеристы вели наблюдение за противником со специально построенных вышек. Благодаря использованию различных средств разведки были почти полностью установлены огневая система, характер обороны и группировка противника.

Топографической службой поданным всех видов разведки были отпечатаны для командиров и штабов разведывательные карты обороны противника.

На учебных полях, а также в специально оборудованных городках, где были воспроизведены основные элементы вражеских позиций, войска занимались не только днём, но нередко и ночью. Бойцы и командиры учились прежде всего быстро преодолевать покрытую льдом водную преграду и выбираться на крутой берег. Во время тренировок в ход шли доски с гвоздями, штурмовые лестницы, щиты и брусья, веревки и багры. Все это использовалось для преодоления разрушенных «противником» участков льда на реке, а также обледенелых обрывов. На Неве в районе колонии Овцево и на озерах в армейских тылах возникли своего рода учебные центры, где выполнялись все элементы форсирования водной преграды.

Во второй половине декабря 1942 года войска армии отрабатывали темы: «Наступательный бой стрелкового взвода в лесисто-болотистой местности», «Наступательный бой стрелковой роты с преодолением водного препятствия зимой». Затем последовали батальонные учения. Завершилась тактическая подготовка войск в каждой дивизии учениями: «Наступление стрелкового полка на подготовленную оборону противника с преодолением широкой водной преграды в зимних условиях».

В конце ноября под руководством начальника инженерных войск фронта генерал-майора Б.В. Бычевского на Ток-совском полигоне была оборудована полоса обороны, схожая с той, которую войскам предстояло прорывать. Здесь проходили полковые учения с боевой стрельбой. Такие учения, максимально приближенные к боевой действительности, явились хорошей школой для наших войск.

С 15 по 18 декабря командующий фронтом провел военную игру «Прорыв общевойсковой армией подготовленной обороны противника с форсированием реки в зимних условиях». В основу военной игры была положена реальная оперативно-тактическая обстановка в полосе 67-й армии.

Большую и сложную работу проделали связисты фронта под руководством генерала И.Н. Ковалева. Все силы и средства были мобилизованы, чтобы обеспечить надежную связь и бесперебойное управление войсками. Для большей устойчивости проводной связи намечалось за каждой дивизией тянуть две линии по разным направлениям. Кроме того, фронтовые и армейские подразделения прокладывали еще четыре линии связи и тяжелый подводный кабель по дну Невы.

Работники тыла армии и фронта создали запасы продовольствия, горюче-смазочных материалов и боеприпасов, необходимых для операции.

В полную боевую готовность были приведены медико-санитарные батальоны дивизий, госпитали первой линии и госпитальная база армии.

Накануне наступления исключительно важные и ответственные задачи стояли перед политработниками. 22 декабря была издана директива Военного совета Ленинградского фронта о политической работе в соединениях и частях. Решительное улучшение положения Ленинграда, войск фронта и флота, указывалось в директиве, могло быть достигнуто только в результате прорыва блокады и установления сообщения со страной по суше. Вся пропагандистско-идеологическая работа в войсках должна быть подчинена решению этой важнейшей задачи. В соответствии с требованиями Военного совета развернулась целеустремленная работа в войсках по подготовке к наступательным боям. Главным в ней было воспитание у воинов непреклонной решимости разгромить ненавистного врага, прорвать наконец блокаду Ленинграда.

Отрезанный от Большой земли город отдавал фронту последнее. Когда 61-й танковой бригаде потребовалось пошить зимнее обмундирование — теплые гимнастерки, ватники, рукавицы, меховые жилетки и прочее, Куйбышевский район города Ленинграда, шефствовавший над соединением, привлек к выполнению задачи все профильные и непрофильные предприятия. Запасы овчины нашлись в артели «Ленмех-пром», ткани — в торговых складах и на базах «Гостиного двора». Шить обмундирование взялись работницы артели «Лентрикотаж».

Но выполнить заказ военных оказалось нелегко. Дело было не только в том, что у работниц артели не хватало физических сил. Трикотажницам, которые взялись выполнить заказ, не на чем было работать: вязальные машины не годились для шитья, а швейных машин в артели нашлось всего две. Все-таки женщины нашли выход. На следующий день один из экипажей бригады, прибывший по делам в Ленинград, увидел, как по заснеженным тротуарам, толкая впереди себя детские саночки, или впрягшись в корыто, или просто по снегу волочили женщины из своих домов в артель старые ручные «зингеровские» машины.

Чтобы сшить теплое обмундирование для бойцов, истощенные трикотажницы работали в день по две смены.

Впоследствии, когда обмундирование было распределено по подразделениям, многие танкисты находили в карманах записочки на обрывках газетной, оберточной бумаги или на оборотной стороне использованных нарядов, этикеток. В каждой записке было послание из нескольких слов: «Дорогой боец Красной армии! Бей фашистских гадов! Бей, пока живой! Спаси нас». Или: «Милый мой незнакомый танкист! Мне не известно твое имя, но я знаю, что ты не дрогнешь в бою с проклятыми немцами-оккупантами. Крепись, мужайся, мы всем сердцем с тобой». Или: «Если у тебя нет матери, я твоя мать. Если нет жены — я тебе жена. Я тебе и сестра, если ее нет. Я твоя любимая девушка, если у тебя ее еще не было. Помни обо мне, когда пойдешь в бой, помни о всех матерях, о всех женщинах, которые смотрят на тебя с надеждой и сделают все, чтобы помочь тебе. Победа будет за нами...»

Записки, как правило, были подписаны только именами: «Маша», «Лена», «Люба».

Города-крепости

Ремонт легких танков осуществлялся на Заводе подъемно-транспортного оборудования имени СМ. Кирова. Все его лучшие станки еще до начала блокады были вывезены на Восток, а в цехах, по словам рабочих, оставались лишь «старые балалайки».

Израженный завод сражался до последнего, как сражался обессиленный от потери крови солдат. Когда начались перебои с подачей электроэнергии, рабочие сняли с брошенной баржи движок. Пока устанавливали его на фундамент, один из рабочих умер от истощения. Затем за работу взялись электрики, установили и двигатель, и динамо-машину. Получили свой ток. Воскресли из мертвых два цеха...

Сварщиков высокого класса в тот период на заводе не было. Единственный «бог» по этой части — знаменитый Иван Иванович Власов — был болен. От истощения он не мог ходить, а без сварки рабочие предприятия не могли починить несколько танков.

Власова привезли на завод на саночках, подняли на крыло танка, и в замороженном, сумрачном цехе снова вспыхнул шипящий голубой огонь. Власов был очень слаб, и через несколько дней пришлось ему для самого себя внедрять рационализаторское предложение. Он усаживался в кресло, прикрепленное к стропам мостового крана, кресло на стропе поднимали на необходимую высоту, и Иван Иванович заваривал пробоины в стальной башне.

Ученые-химики из Текстильного института, умирая от истощения, в своих лабораториях разрабатывали заменители антифриза и синтетическое топливо для машин и танков. После долгих и мучительных экспериментов проблема синтетического бензина была частично решена. Его стали изготавливать на основе пихтового масла. Это сырье имелось в избытке на ленинградских парфюмерных фабриках, изготавливавших до войны духи.

Ранее этим же ученым-текстильщикам удалось усовершенствовать устройство бутылки с горючей смесью.

Бутылки с горючим в Красной армии пробовали применять еще в Финскую войну. Но они были неудобны по многим причинам. Горючая смесь в них воспламенялась от особых длинных спичек. Перед броском надо было такую спичку зажечь. Однако при сырой погоде сделать это было нелегко, коробочные терки отказывали. Гасли спички и при сильном ветре. Кроме того, ночью противник мог увидеть, откуда в него бросали огненные «подарки».

Группа ученых-химиков под руководством доцента текстильного института Е.С. Роскина начала работу над усовершенствованием устройства бутылки с горючей смесью. Провели сотни опытов, пока не создали наконец особый запал в виде стеклянной ампулы, заполненной специальным щелочным составом. Первыми испытали бутылки сами ученые. Получилось на редкость удачно. Никаких спичек не требовалось, никакой ветер не был страшен: горючая смесь, как только бутылка разбивалась, воспламенялась сама.

Однако зимой оказалось, что жидкость в бутылке замерзает. Ученые снова принялись за исследования и опыты и продолжали их до тех пор, пока не одолели и это препятствие с помощью незамерзающих солей...

В текстильном институте была организована стеклодувная мастерская, где девушки-студентки, голодные и истощенные, изготавливали сотни, тысячи и десятки тысяч ампул-запалов.

Ампулы отвозили на ликеро-водочный завод, где бутылки заполняли жидкостью, предназначенной отнюдь не для питья.

Город и фронт жили одной жизнью. Рабочие нередко выезжали на фронт, чтобы встретиться со своими защитниками.

Волнующей была встреча воинов 268-й дивизии с рабочей делегацией, в которую входили участники обороны Петрограда в 1919 году А.П. Иванов и М.М. Столяров. Ленинградцы привезли в дивизию Красное знамя, врученное рабочим Петрограда VII Всероссийским съездом Советов за героическую защиту города от войск белого генерала Юденича. Воины дивизии поклялись на митинге уничтожить германских захватчиков и освободить Ленинград от блокады. Фронтовики получали много писем от заводских коллективов города.

«За муки, за жертвы, за кровь ленинградцев пора с фашистом рассчитаться!», «Штыком — в упор, гранатой — в ключья круши фашистов днем и ночью!» Шиты с такими призывами были установлены на фронтовых дорогах и в местах расположения войск.

Перелом на фронтах способствовал патриотическому подъему и росту политической популярности Всесоюзной Коммунистической партии большевиков — ВКП(б) и ее молодежного крыла — ВЛКСМ (комсомола), вокруг которых в условиях нашествия немецких варваров сплотились все народы Советского Союза. В одной только 136-й стрелковой дивизии перед началом операции поступило свыше 1200 заявлений о приеме в партию и комсомол. А 34-я лыжная бригада, состоявшая в основном из молодежи, к началу боев стала почти целиком комсомольской. Всего в период подготовки и проведения операции в 67-й и 2-й ударной армиях в члены и кандидаты партий было принято около 28 тысяч солдат и офицеров.

Накануне наступления в частях 67-й армии был зачитан приказ Военного совета фронта, ставивший перед ними задачу «перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта... тем самым разбить осаду города Ленинграда». Военный совет фронта выражал твердую уверенность, что войска армии с честью и умением выполнят свой долг перед Родиной. «Помните, — говорилось в приказе, — нам вверены жизнь и свобода Ленинграда. Пусть победа над врагом овеет неуязвимой славой наши боевые знамена».

ПРОРЫВ

Ночь перед началом сражения по прорыву блокады Ленинграда запомнилась многим его участникам на всю жизнь.

На главном участке наступления в безмолвном ночном лесу было тесно от людей и техники. Здесь уже изготовилась к бою 136-я стрелковая дивизия Симоняка, а за ней еще дивизия, еще и еще... Чуть ли не у каждой сосны можно было наткнуться на артиллерийское орудие. Еще бы,

Города-крепости

их было около двух тысяч: на каждый километр фронта — около 150 стволь. Такая плотность в тот период была еще только под Сталинградом.

Несмотря на тишину, напряжение людей было необычайное. В 61 -й легкотанковой бригаде, которой одной из первых нужно было двинуться на позиции врага, помпотех соединения вместе со своими подчиненными еще и еще раз проверял зарядку аккумуляторов. Специальные керогазы собственной конструкции в холодную зимнюю ночь обогревали моторы танков, чтобы те можно было запустить в любой момент.

Мотострелковый батальон бригады вместе с батареей 76,2-мм пушек КТ-27 занимал исходные позиции.

Артиллеристам бригады приходилось особенно туго. Лошадей в блокадном Ленинграде не было вообще — всех съели. Поэтому люди сами впряглись в специально заготовленные лямки, а орудия поставили на специально изготовленные лыжи. Для перевозки снарядов на пересеченной местности были изготовлены небольшие сани. Артбатарея МСПБ 61 лтбр под командованием старшего лейтенанта П. Романова должна была двигаться в боевых порядках мотострелков и вести по врагу огонь прямой наводкой.

Танкисты бригады тоже активно готовились к наступлению. Будущий герой прорыва блокады лейтенант Осатюк и старший сержант Нечипуренко деловито распахивали в свои Т-60 балалайку и гитару. Популярные в бригаде музыканты (особенно они любили исполнять песню Клавдии Шульженко «Синий платочек») готовились показать нацистам иную музыку.

В 9 часов 30 минут 12 января 1943 года более 4,5 тысяч орудий и минометов двух фронтов и Краснознаменного Балтийского флота обрушили свой удар по позициям противника. После мощного артиллерийского удара наступил период разрушения огневых сооружений, а также наблюдательных пунктов, блиндажей и землянок, траншей и ходов сообщения, длившийся 50 минут. В полосе 268-й и 136-й стрелковых дивизий орудия прямой наводки подавили огневые средства противника на переднем крае обороны, обеспечивая форсирование Невы с малыми потерями.

Наиболее интересно была организована артиллерийская подготовка на Ленинградском фронте. Ее продолжительность составляла 2 часа 20 минут. 286 орудий, замаскированных на берегу Невы, открыли внезапный огонь прямой наводкой по переднему краю обороны противника на всем участке прорыва 67-й армии. Чтобы не разбить лед на Неве, оборонительные сооружения и огневые точки противника на глубину до 200 м от переднего края, проходившего по самой кромке берега, разрушались и уничтожались только огнем прямой наводкой. Остальная артиллерия приступила к подавлению и разрушению опорных пунктов и огневых средств во всей тактической глубине обороны врага. Одновременно наши контрбатареи и контрминометные группы нанесли первый огневой удар по артиллерийским и минометным батареям и тем самым обеспечили действия орудий прямой наводки, не позволив противнику уничтожить их артиллерийским и минометным огнем. Огонь орудий

прямой наводки продолжался 20 минут, в результате чего огневые средства противника на переднем крае были подавлены.

Вслед за этим был произведен залп 14 дивизионами реактивной артиллерии М-30 и М-28 по узлам сопротивления и огневой удар групп АДД по артиллерийским и минометным батареям противника. Остальная артиллерия до конца артподготовки продолжала разрушать особо прочные оборонительные сооружения и подавлять прицельным огнем огневые средства и живую силу противника в узлах сопротивления и опорных пунктах во всей тактической глубине. Группа артиллерии «особого назначения» наносила удары по штабам, коммуникациям, опорным пунктам в глубине.

В последние 20 минут артподготовки по переднему краю обороны противника вновь открыли огонь орудия прямой наводки, а также все минометы, станковые и ручные пулеметы. Их действия обеспечивались огненным ударом контрбатарейных и контрминометных групп по артиллерии и минометам врага. На этот раз огневой налет по артиллерии и минометам противника наносился на 10 минут раньше начала действий орудий прямой наводки.

За 10 минут до конца артподготовки артиллерия групп АПП поставила сплошную огневую завесу неподвижного заградительного огня по первому рубежу огневого вала на глубине 200—250 м от переднего края. Узкая полоса берега оказалась полностью изолированной от остальной обороны врага. Неподвижный заградительный огонь дополнялся созданием на левом фланге (против Шлиссельбурга) дымовой завесы наблюдательных пунктов немецких войск.

Многие подразделения и артбатареи противника, особенно те, которые находились на переднем крае и вблизи него, были почти полностью уничтожены. 2 часа 20 минут бушевал огненный смерч. «Я до сих пор не могу забыть впечатления от губительного огня русских пушек. Как вспомню этот адский грохот, разрывы снарядов, так снова и снова меня бросает в дрожь», — заявил взятый в плен солдат 401-го полка 170-й пехотной дивизии. Ему вторили другие пленные: «Такого кошмарного огня нигде не довелось видеть».

На Волховском фронте во 2-й ударной армии артподготовка продолжалась 1 час 45 минут (10-минутный огневой артоналет, 60-минутный период подавления и разрушения, 15-минутный огневой налет по переднему краю, 5-минутный

Первый командующий Южным фронтом генерал армии И.В. Тюленев (на фото ОН в звании командира корпуса). Снимок середины 30-Х годов (АВЛ)

Колонна броневых автомобилей 1-й и 2-го мехкорпуса движется в Унгены для удара по румынским частям. Южный фронт, июль 1941 года (АВЛ)

Германские войска в районе Николаева. Генерал лейтенант Вальтер Лихел разговаривает с солдатом. Группа армий «Юг», август—сентябрь 1941 года

Брошенная советская военная техника, которую осматривают германские солдаты. На переднем плане тягач Т-26 с бронированным верхом и 122 мм гаубица ХІ 30. Группа армий "Юг", лето 1941 года

Левых рукавах их мундиров служит для отличия румын от красноармейцев, Румынские саперы ведут работы на подступах к Одессе. Желтая повязка на

*В часы досуга можно поиграть
и на гитаре! 1940—1941 годы (АВЛ)*

*Разбитая **авиацией** колонна танков **T 26 и.1**
состава сил 150 й стрелковой дивизии РККА. На
переднем плане — танк T 26 образца 1939 года.
Южный фронт, сентябрь 1939 года (АВЛ)*

*Генерал майор
В.Ф. Воробьев (командир
95 сд) разговаривает с
пулеметчиками
М.Л. Дышловым
и Е.И. Виденным.
Отдельная Приморская
армия, август—сентябрь
1941 года (АВЛ)*

Серия фотографий, посвященных созданию бронированных тракторов на одесских заводах. В историографии они получили индекс «НИ» («На испуг»). Первые два образца танка трактора были изготовлены на базе транспортных тракторов СТ.3-5 к 20 августа 1941 года. Они и изображены на фотографиях. Всего до 15 октября в Одессе было изготовлено 69 бронетракторов и бронеавтомобилей на различной тракторной и автомобильной базе (АВЛ)

Матросы разведчики из подразделения капитана Т.Т. Третьяка: В. Крийнюков /слева) и М. Богорад. Один из них вооружен даже шашкой! Приморская Отдельная армия. сентябрь 1941 года (АВЛ)

*Командование Одесского оборонительного района. Слева направо: М.Г. Кузнецов. Ф.Н. Воронин. И.И. Азаров. Г.Л. Сифронов. Г.В. Жуков, '1.11. Бочаров. А.Г. Колыбанов.
Осень 1941 года (АВЛ)*

*Румынская танкетка И 1 чехословацкого производства, захваченная частями Красной армии на подступах к Одессе. Регистрационный номер *011502». На борту и передней части корпуса хорошо видны трехцветные национальные кокарды. Отдельная Приморская армия, сентябрь 1941 года (РГАКФЛ)*

Трофейное румынское орудие (вероятно, чехословацкого производства), захваченное советскими войсками и демонстрировавшееся населению 'Одесса.сентябрь 1941 гш)а (АВЛ)

Город в дни обороны. На верхнем снимке: листовки на стенах домов; на нижнем: граждане города строят баррикады. Одесса, сентябрь 1941 года (АВЛ)

Чисты Отдельной Приморской армии и Военно-морского флота готовятся к посадке на суда. Эти силы и.1 Одессы направляются для обороны Крыма. Сентябрь—октябрь 1941 года (ГТАКФД)

Командование 45 и гвардейской стрелковой дивизии. Герой Советского Союза полковник АЛ. Краснов (справа), полковой комиссар МЛ. Хлызовначальник штаба БЛ. Городецкий ведут наблюдение за боевыми действиями противника. Ленинградский фронт, ноябрь 1942 года

(РГАКФД)

Артиллерийский расчет выкатывает на позицию 45 мм пушку образца 1941 года. Подобные артсистемы выпускали в осажденном Ленинграде, устанавливая танковое 45 мм орудие образца 1932 года на артиллерийский лафет. Ленинградский фронт, декабрь 1942 года (АВЛ)

Береговая артиллерия Краснознаменного Балтийского флота готовится к открытию огня по противнику. Январь 1943 года (АВЛ)

Группа автоматчиков на танке Т 34 76 ХИИ с тактическим номером «242» готова выдвинуться на рубеж атаки. Ленинградский фронт. 152 я танковая бригада, январь 1943 года (АВЛ)

Группа красноармейцев пулеметчиков в Рабочем поселке Л 2, уже освобожденном от немцев. Ленинградский фронт, январь 1943 года (АВЛ)*

*Герой прорыва блокады
Ленинграда, лейтенант из
61-й легкотанковой бригады
Д.И. Осатюк. Ленинградский
фронт, 67-я армия, январь 1943
года (АВЛ)*

Блокада прорвана! Встреча в Рабочем поселке V / воинов 1-го батальона 123 и стрелковой бригады Ленинградского фронта с бойцами 372 и стрелковой дивизии Волховского фронта. 18 января 1943 года (АВЛ)

Тяжелый танк «Тигр», захваченный советскими войсками. Испытательный полигон в Кубинке. 1943 год (АВЛ)

Ремонт танки Т 60. Волховский фронт, май 1943 года (РГАКФД)

Группа танкистов и. 130 и гни рдей с кой танковой бригады полирует на фоне танка Т 34-76, который был собран ни УВЗ в январе 1943 года. Ленинградский фронт, лето 1943 года (А И Л)

Лидер венгерских фашистов Ференц Салиши ни одной из центральных площадей Будапешта. Венгрия, октябрь 1944 года (ВидеягсБи)

*Командующий 8-м П'кра ииск им фронт ом Маршал Советского Сою.и Р.Я. Малиновский. На .ином снимке, сделанном в 1944 году, он имеет **Звание** генерала армии /АВЛ)*

Гвардейцы артиллеристы под командой младшего сержанта ИМ. Спирина и.1 района сквера Варрош ведут огонь по точкам сопротивления противники. Вудипешт. войска 2 го Украинского фронта, январь 1945 года /АВЛ)

*Советские танкисты осматривают трофейный танк Pz.Kpf(v)\У-Пантера». Пригород Будапешта, февраль 1945 года (АВЛ)
Будапешт в первые дни после*

Гвардии майор Н.П.Дворченко допрашивает пленных венгерских солдат. Будапешт, февраль 1945 года (ЛИЛ)

освобождения его советскими войсками. На переднем плане: 75 мм пушка Pak 40 немецкого происхождения. Венгрия, февраль 194 года (АВЛ)

Дивизион САУСУ 76М пересекает австро-венгерскую границу. 3 и Украинский фронт, март 1943 года (РГАКФЛ)

ложный перенос огня в глубину и 15-минутный последний огневой налет по переднему краю) и не сопровождалась тактическими изысками.

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, авиация наносила штурмовые удары по вражеским артиллерийским и минометным батареям в районах Мустолово, Синявино, Шлиссельбург.

Затем по сигналу командиров частей двинулись штурмовые группы и группы разграждения. В 11 часов 50 минут — последний залп гвардейских минометов, и на невиский лед вышли стрелковые цепи дивизий первого эшелона Ленфронта.

Первыми выбежали на лед штурмовые группы 136-й дивизии. За ними по заранее намеченным и подготовленным проходам один за другим стали спускаться танки Т-60 1-го батальона 61-й легкотанковой бригады майора А. Паршева. Ловко лавируя между дымящимися полыньями, они обогнали неровную цепочку первых штурмующих групп. Вот уже головной танк почти уткнулся в обледенелую кручу берега и забуксовал. С бортов машины соскочили саперы с взрывчаткой и выкарабкались на крутизну. Через несколько мгновений все заволкло пороховым дымом, а когда он рассеялся, стало видно, как под обломками льда обнажился песок. 1-й батальон переправился через Неву практически без потерь.

Подразделения 268-й и 136-й дивизий преодолели ледяное поле р. Невы за 6-7 минут, а батальону капитана Ф. Собакина потребовалось для этого всего 4 минуты. Используя металлические кошки и крючья, лестницы и доски, воины передовых подразделений стремительно поднялись на обрывистый берег и ворвались в первую траншею противника. Тем временем огневой смерч продолжал бушевать в глубине вражеской обороны. За ним двигалась вперед пехота, 380,596 и 871-й истребительно-противотанковые артполки и легкие танки.

Уже через полчаса начала операции танки Т-60 и пехота 270 ш 136 сд вели бои у деревни Марьино.

Командный пункт Симоняка жил сложной, напряженной жизнью. Появились первые пленные. В штабе их допраши-

вали, и генерал живо интересовался показаниями. Все они были из 401-го полка 170-й пехотной дивизии. Немцы, подавленные и жалкие, в грязной изодранной одежде, только и говорили о страшных переживаниях сегодняшнего утра.

— Перед наступлением русских, — рассказывал один из германских офицеров, — разведка доложила об оживлении, которое было замечено в лесах на правом берегу. Командир дивизии генерал Зандер докладывал об этом Линдеману, но тот высокомерно его перебил: «О какой опасности вы говорите? Забыли, сколько попыток русских мы уже отразили?»

В это время командиру 61 лтбр, КП которого был совмещен с КП 136 сд, пришел приказ из штаба армии. Духанов приказал ввести в бой 2-й

Города-крепости

танковый батальон соединения. Комбат Степан Арзамасов повел танки в Марьино, восточнее которого дрался 1-й батальон бригады. Наступление развивалось.

Наибольшего успеха в первый день и добилась именно 136-я стрелковая дивизия, которой командовал опытный, волевой, закаленный в боях генерал-майор Н.П. Симоняк — участник Гражданской войны, герой обороны полуострова Ханко. В ее состав входил прославившийся своими революционными и боевыми традициями 270-й стрелковый полк, созданный рабочими-путиловцами в 1918 году. Еще в дни подготовки к прорыву блокады рабочие Кировского завода вручили полку красное знамя. Бойцы и командиры поклялись пронести его с честью по полям боев.

Быстро форсировав Неву, части дивизии взломали передний край обороны противника и к исходу 12 января продвинулись на 3-4 километра, выйдя на рубеж Беляевское болото, Пильная Мельница. Основные силы 401-го пехотного полка вермахта и его штаб были разбиты.

Бойцы 136-й стрелковой дивизии показали себя умелыми воинами. Инициативно, дерзко действовал в бою старшина роты 342-го стрелкового полка И.А. Лапшов. Он в числе первых достиг левого берега Невы и автоматным огнем уничтожил несколько нацистов. В ходе боя Лапшов оказался около большого блиндажа. Прикладом вышиб окно и метнул в него гранату. Из блиндажа выскочили несколько раненых немцев с поднятыми руками. Приказав подоспевшим бойцам конвоировать пленных, старшина с четырьмя другими солдатами устремился вперед.

Удачно действовала в первый день наступления 268-я стрелковая дивизия. После захвата левого берега Невы ее правифланговый 947-й стрелковый полк, встретив сильный огонь со стороны 2-го городка, замедлил продвижение. Но два других полка — 952-й и 942-й — успешно атаковали противника, обошли городокский узел сопротивления и продолжали бой в глубине вражеских позиций. К исходу дня дивизия продвинулась до 3 километров и создала угрозу окружения городокского узла обороны и 8-й ГЭС.

Не так благоприятно складывалась обстановка на флангах. 45-я гвардейская стрелковая дивизия, выступая с плацдарма в районе Московской Дубровки, попала под очень сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь противника и смогла продвинуться всего на 500—600 метров. 86-я стрелковая дивизия, действовавшая на левом фланге армии, форсировала Неву на участке между Марьино и Шлиссельбургом. Не подавленные огневые точки в полуподвалах зданий и на пристанях вынудили подразделения 169-го и 330-го стрелковых полков залечь на льду Невы. Именно в этот критический момент разгорелся скандал между командиром бронепатальона 61 тбр Легезой, который был придан 86 сд, и пехотными командирами из этого соединения. Комбриг Хрустицкий прибыл на место происшествия и лично разбирался с командиром батальона броневиков. Вот что он рассказывал об этом.

«Легеза оказался прав! Отыскал его на КП стрелкового полка. Спорят с начальником штаба полка, да так, что пух и перья летят. Пехотный капитан трибуналом грозит, трусом Легезу называет. Я заставил их

замолчать и требую от Леонтия: "Докладывай!" А он мне: "Разрешите, я Вам на месте покажу, без слов станет ясно". Повел он меня к наблюдательному пункту:

"Взгляните".

Оказывается на Преображенской горе огневые точки противника не подавлены. С того берега враг ведет пулеметный

5

131

и минометный огонь, а на Неве — лед раскрошен, полыньи, отовсюду клубится пар.

"Правильно ты поступил, капитан, здесь ни людям, ни машинам не пройти. Пойдем в штаб»).

После этого в трусости уже стали обвинять Хрустицкого. Но комбриг и полковник — это не капитан. Несмотря на протесты штабных офицеров, Хрустицкий связался с Военным советом армии и изложил свое мнение: надо воспользоваться успехом у Марьина и на том участке перебросить через Неву и стрелков и броневики. Как ни странно, его предложение было принято и стало частью нового плана по наступлению на Шлиссельбург. По приказу командарма 169 и 330 сп отошли на исходные позиции, а 184-й полк, находившийся во втором эшелоне дивизии, и батальон 169-го полка быстро переправились через Неву на участке 136-й дивизии. Развернувшись из-за ее левого фланга, они повели наступление на Рабочий поселок № 3. На следующий день через эту же переправу должен быть введен в бой и бронеполк 61 л тбр.

Неблагоприятная погода совершенно исключала массированное применение авиации. Не могли действовать даже отдельные бомбардировщики. Наступающие части поддерживались мелкими группами штурмовиков и истребителей. За первый день наступления летчики 13-й воздушной армии произвели 159 самолето-вылетов и подавили 14 артиллерийских и минометных батарей¹⁰.

Во 2-й ударной армии Волховского фронта наибольших успехов в первый день добились части 327-й стрелковой дивизии полковника Н. А. Полякова. В первые же часы боя они ворвались в рощу Круглая (в официальных немецких документах именовалась «Первыйбастион». — *Примеч. авт.*), где находился очень мощный узел сопротивления противника. К исходу дня Поляков доносил: «Части дивизии овладели рощей Круглая, вышли на юго-западную опушку и развивают наступление в западном направлении. В некоторых местах противник сохранял в нашем тылу отдельные огневые точки, ДОТы и ДЗОТы, которые ведут непрерывный огонь по наступающим войскам. Специально выделенные отряды в составе тяжелых танков КВ, артиллерии прямой наводки, саперов и автоматчиков ведут блокирование и уничтожение этих огневых точек». За взятие этого важнейшего узла вражеской обороны, прикрывавшего подступы к Синявино, командарм 2-й ударной генерал-лейтенант В.З. Романовский объявил всему личному составу 327-й стрелковой дивизии благодарность. А через несколько дней это соединение было преобразовано в 64-ю гвардейскую дивизию. Правее наступала 256-я стрелковая дивизия полковника Ф.К. Фетисова. Путь наступающим войскам преграждали три дерево-земляных вала, облитых

Города-крепости

водой и сильно обледеневших. Здесь части дивизии подвергались сильным огневым ударам. Командир дивизии вынужден был развернуть фланги к Рабочему поселку 8 и к роще Круглая. Орудия прямой наводки уничтожали огневые точки противника. Своими действиями 256-я дивизия помогла также соседу — 327-й дивизии — в бою за рощу Круглая.

На Рабочий поселок № 8 наступали 372-я стрелковая дивизия полковника П.И. Радыгина. В рядах наступавших воинов был известный на фронте минометный расчет шестерых братьев сибиряков Шумовых — Александра, Василия, Семена, Луки, Ивана и Авксентия. Шумовы, в совершенстве владея 120-мм минометом, уничтожили много живой силы и боевой техники противника. Было подсчитано, что на каждого из братьев Шумовых приходилось не менее сотни убитых оккупантов. Весь их расчет был награжден орденами.

Рабочий поселок № 8 занимал на этом участке центральное место в обороне врага. Чтобы избежать ненужных потерь и ускорить продвижение войск, комфронта Мерецков решил изолировать этот крупный очаг сопротивления. Он приказал дивизии полковника П.И. Радыгина обойти поселок. Отрезана от соседей была и немецкая часть, оборонявшая поселок Липки близ Ладожского озера. Таким образом, разрушилась система вражеских оборонительных узлов и их огневая связь.

К исходу первого дня наступления войска 2-й ударной армии продвинулись на 3 километра. Противник спешно перебрасывал к участку прорыва и в район Синявино ближайшие оперативные резервы — части 96-й и 61-й пехотных дивизий. Следовало ожидать сильных контратак.

Командующий 67-й армией в течение ночи произвел частичную перегруппировку сил второго эшелона, приблизив их к войскам первого эшелона. Отдельные подразделения и ночью продолжали боевые действия, вели разведку. Инженерные части быстро строили на Неве ледово-деревянную переправу для средних и тяжелых танков, через реку то и дело проносились сани с боеприпасами и продуктами, с затемненными фарами шли санитарные летучки, на левый берег спешили войска, втягиваясь в прорыв.

Первый день операции показал, что основной формой управленческого воздействия, наиболее убедительной, доходчивой и действенной, оказалась именно сила личного примера авторитетных военнослужащих. Особенно важную роль сыграл личный пример на первом этапе наступления, когда требовалось форсировать по льду широкую Неву и решительной атакой прорвать сильную оборону противника на ее левом берегу. В критические моменты командиры, как правило, проявляли инициативу, первыми бросались вперед, увлекали за собой бойцов, воодушевляли их на героические дела.

С утра 13 января бои приняли особенно упорный и ожесточенный характер. Противник оказывал сильное огневое сопротивление и предпринимал яростные контратаки со стороны Дубровки и Шлиссельбурга. По приказу командующего 18-й армией вермахта Линдемана на участки прорыва советских войск из резерва были переброшены 61-я и 96-я пехотные дивизии немцев. Всем остальным дивизиям 18А Линдеман приказал выделить по пехотному батальону и артиллерийской батарее для того, чтобы перебросить их к участку прорыва наших войск. Также на ТВД операции подтягивали 5-ю

горнопехотную дивизию вермахта. Поэтому нашим войскам приходилось еще тяжелее, чем в первый день наступления. Едва правофланговый полк 45-й гвардейской дивизии возобновил наступление, как был контратакован. Бойцы отбили контратаку. Но за ней последовала новая — уже с двух направлений, силой нескольких пехотных батальонов врага. Это затормозило наступление всего соединения.

Части 268-й стрелковой дивизии поначалу продвинулись на 1,5-2 километра, но затем подверглись сильнейшей контратаке, поддержанной артиллерией, танками и самоходными орудиями. Противник направил свой удар во фланг дивизии и в стык ее 947-го и 952-го полков, намереваясь пробиться к Неве и (ударом с фланга) отрезать наступавшую передовую группировку.

Поэтому особенно мощный удар пришелся именно по флангу 268-й стрелковой дивизии. Командиру соединения полковнику Ворцеву с горсткой штабных офицеров и бойцов комендантского взвода пришлось вступить с ними в бой и отбить атаку.

Но 268-я дивизия под натиском противника вынуждена была отойти. Обстановка на направлении главного удара армии усложнилась. Напряженность боя все возрастала. На огневые позиции истребительно-противотанкового дивизиона КА двигалось два десятка вражеских танков с автоматчиками на броне. Артиллеристы встретили их огнем с близких дистанций. Несколько танков было сразу же подожжено и подбито. Остальные изменили направление, намереваясь атаковать дивизион с фланга. Двинулась в атаку и германская пехота, стремившаяся окружить артиллеристов. Командир батареи младший лейтенант Ольгин развернул свои орудия и бил по цепям пехоты, а остальные батареи вели борьбу с танками. Артиллеристы уничтожили не меньше сотни нацистов, подбили несколько танков. Но и в дивизионе осталось лишь одно орудие, и стрелял из него один человек. Это был командир дивизиона капитан Н. Родионов. Он действовал за весь оружейный расчет, посылая снаряд за снарядом, пока не упал, сраженный вражеской пулей. Подоспевшие к месту боя стрелковые подразделения отбросили врага.

Примеры мужества и отваги наших бойцов и командиров не давали противнику организовать сопротивление. Во время вражеской контратаки на 952-й полк бесстрашно дрался с немцами заместитель командира батальона по политической части капитан А. Сальников. Во главе подразделения он ворвался в неприятельскую траншею и бросился на врага врукопашную, работая штыком и прикладом. В этот момент германский автоматчик в упор дал очередь в Сальникова. Собрав последние силы, капитан ринулся на врага и, уже умирая, костенеющими пальцами задушил его.

Германские войска отчаянно контратаковали. В атаке на н/п Городок 96 пд вермахта поддерживали 4 «Тигра» и 8Р2. КрГ[^].Ш из 502-го батальона тяжелых танков. В результате боя было подбито 12 советских танков, но наши войска не отошли с отвоеванных позиций.

136-я стрелковая дивизия, несмотря на то что ее фланги оказались «обнаженными», продолжала наступать и к исходу второго дня продвинулась еще на 2 километра. Самые передовые батальоны ханковцев вместе с танкистами оторвались от Невы на 7 км. Чтобы

Города-крепости

прикрыть ее левый фланг, командующий армией ввел в бой вечером 13 января 123-ю стрелковую бригаду.

На карте в штабе 136 сд положение этого соединения и поддерживающих пехоту танкистов 61-й легкотанковой бригады отражалось жирно прочерченной выгнутой крутой дугой.

Успеху 136 сд и 61 лтбр содействовала заранее отработанная тактика взаимодействия. Разведчики 136-й стрелковой дивизии обнаруживали замаскированные огневые точки врага, танки бригады немедленно расстреливали их. В свою очередь, как только пехотинцы внезапно попадали под обстрел, Т-60 тут же шли им на выручку. Снова сказалось преимущество «малюток», способных быстро и легко лавировать в лесной чаще, одолевая овраги в условиях топкой болотистой местности российского северо-запада.

Своеобразный «естественный отбор» командных кадров Красной армии прошел успешно. К 1943 году наши соединения уже возглавляли командиры, может, и не столь профессионально образованные, как немецкие, но максимально адаптировавшиеся к германской военной тактике и к национальным особенностям русского солдата.

Тот же Хрустицкий, командир 61 лтбр, выговаривал своему «комбату 2» Степану Арзамасову, который атаковал с ходу и в «лоб». Атака не удалась, а батальон понес большие потери. Комбриг разговаривал с ним резко.

— Забыл, чему учили? Запрещаю идти в лоб. Маневр! Только маневр!

Но маневр в условиях болотистой местности было осуществить нелегко, тем более что немцы контролировали основные дороги (связывающие Шлиссельбург с Рабочими поселками, с Синявином) с помощью «Тигров» из 502-го батальона, а также противотанковой артиллерии. Конечно, Т-60 с «Тиграми» бороться не могли. А так как сплошной обороны после прорыва войск у противника не было, наше командование решило совершить фланговый обход одной из вражеских группировок и зайти ей в тыл. Для этого саперы из 136 сд и 61 лтбр начали строить гать через самые топкие места прорыва, который намечалось осуществить 14 января.

Части 2-й ударной армии во второй день наступления также отбивали яростные контратаки противника. Ожесточенные бои шли в районах деревни Липка, Рабочих поселков № 4, 7 и 8.

Авиация в течение всего дня прикрывала войска от ударов вражеских самолетов. Отдельные группы штурмовиков наносили удары по резервам противника, его артиллерийским батареям и узлам сопротивления.

Звено штурмовиков-гвардейцев во главе со старшим лейтенантом Г.М. Мыльниковым обнаружило двигавшуюся по дороге колонну автомашин с войсками. Штурмовики несколькими атаками разгромили ее. Было уничтожено много солдат и офицеров и более десятка автомашин. В один из следующих вылетов штурмовики этого звена заметили замаскированный эшелон врага. Летчику И. И. Аксенову удалось сразу же поразить паровоз, а остальные штурмовики подожгли вагоны.

Инженерные части под руководством генерал-майора Б.В. Бычевского и полковника И.С. Лисовского обеспечили переход по льду Невы танков 152-й танковой бригады. Особенно отличились в трудной

работе по усилению льда понтонеры 42-го батальона под командованием капитана Е.П. Гуляницкого. Эта часть была вскоре преобразована в 1-й гвардейский понтонно-мостовой батальон.

К исходу второго дня операции войска 67-й армии Ленинградского фронта почти вплотную подошли к рубежу намеченной встречи с войсками Волховского фронта. Последние за 13 января продвижения практически не имели.

С утра 14 января командующий 67-й армией генерал-майор М.П. Духанов ввел в бой часть сил второго эшелона: 123-ю стрелковую дивизию совместно со 152-й танковой бригадой, 102-ю отдельную стрелковую бригаду и один полк 13-й стрелковой дивизии.

Стараясь во что бы то ни стало удержать шлиссельбургско-синявинский выступ, вражеское командование еще накануне усилило здесь группировку своих войск 96-й и 61-й пехотными дивизиями и перебросило в район Синявино 5-ю горнопехотную дивизию. Эти соединения оказывали яростное сопротивление продвижению 67-й и 2-й ударной армий и часто переходили в контратаки.

После того как наши войска взяли ряд германских пунктов обороны вместе с рощами и высотами, носивших поэтические названия «Лилия», «Фиалка», «Маю», «Колокольчик», и овладели несколькими ключевыми дорогами, положение шлиссельбургской группы противника резко ухудшилось. Разведка доносила об отходе части германских войск к Рабочим поселкам и Синявину. Тем не менее наши войска продолжали встречать на этом участке ожесточенное сопротивление.

В эти дни совершил свой подвиг связист Дмитрий Молодцов, сражавшийся в одном из батальонов 136 сд, атаковавшем высоту «Подснежник». Во время боя, чтобы открыть путь всему батальону, он кинулся на ДЗОТ, который никак не удавалось подавить, и грудью закрыл амбразуру. Захлебнувшись в его крови, пулемет замолк, а высоту удалось взять. В феврале 1943 года рядовому 270 пп 136 сд Д.С. Молодцову было присвоено звание Героя Советского Союза

Однако на третий день боев так и не удалось окончательно сломить сопротивление противника. За сутки войска 67-й и 2-й ударной армий незначительно продвинулись вперед. Все же расстояние между наступающими группировками обеих армий сократилось до 4 километров.

В четвертый и пятый дни наступления (15 и 16 января) войска Ленинградского и Волховского фронтов вели бои за отдельные опорные пункты, постепенно продвигаясь навстречу друг другу.

На территорию «плацдарма» 67-й армии перебрасывали не только танкистов и стрелков для развития нашего наступления, но и артиллерийские части для увеличения огневой силы группировки. К 15 января «за Невой» занимали боевые порядки уже 18 артиллерийских и минометных полков, несколько отдельных дивизионов и большая часть реактивной артиллерии.

Отражая контратаки пехоты и танков врага, артиллеристы показывали многочисленные примеры героизма и самоотверженности. Одним из таких примеров является подвиг дивизиона ПТО из 596 иптап. Дивизион артполка под командованием капитана Родионова был выдвинут в район 8-й ГЭС, откуда противник бросил крупные силы пехоты и несколько танков из 502 отб во фланг нашим войскам. Заняв

Города-крепости

огневые позиции, дивизион сразу же вступил в бой. На его боевые порядки двигались 16 танков, ведя огонь из орудий. Однако дивизион молчал. Только подпустив вражеские танки на расстояние 400 м, командир дивизиона приказал открыть огонь. Потеряв несколько машин, противник повернул влево, пытаясь обойти позиции дивизиона, а справа бросил на позиции дивизиона пехоту.

Автоматчиков отогнали картечным огнем фланговой батареи, но танки продолжали продвигаться вперед. Капитан Родионов сам стал у орудия, заменив убитого наводчика, и метким выстрелом зажег головной танк. Германские танки отошли, но вскоре атаковали снова. Тяжелый бой длился несколько часов и закончился победой артиллеристов, которые отразили наступление врага и не допустили его выхода в тыл нашей ударной группировке.

Противник возлагал большие надежды на опорные пункты в Рабочих поселках № 1 и 5. Здесь 16 января шли наиболее упорные бои. Части 136-й стрелковой дивизии дважды врвались в Рабочий поселок № 5, но закрепиться в нем не могли. Ночью части 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта три раза предпринимали атаки на этот поселок с востока, но тоже безуспешно.

До войны в номерных поселках в районе Синявина жили рабочие, которые разрабатывали огромные торфяные болота. И во время проведения операции «Искра» на этом участке фронта высились огромные штабеля торфа, образуя кое-где сплошную стену. От разрывов снарядов торф загорелся, и все вокруг затянуло густой пеленой едкого дыма.

Немцы превратили Рабочий поселок № 5 в настоящую цитадель. Траншеи, ДЗОТы, противотанковые рвы, эскарпы и проволочные заграждения опоясывали этот населенный пункт. Германские саперы защитили поселок двойным забором из толстых бревен с начинкой из земли, камня и кирпича. Делалось это неспроста: через Рабочий поселок № 5 проходила дорога Шлиссельбург—Синявино, единственная артерия, «питавшая» их войска. Путь к волховчанам, двигавшимся навстречу войскам Ленинградского фронта, тоже проходил через этот населенный пункт.

Рабочий поселок № 5 обороняли 151, 159-й и 161-й пехотные полки вермахта, которые поддерживали несколько танков, в том числе и тяжелые танки «Тигр».

Соединения Ленинградского и Волховского фронтов в районе Рабочего поселка № 5 на вечер 15 января разделяла узкая полоска шириной 1 км, но германские войска сопротивлялись с отчаянием обреченных и неоднократно переходили в контратаки, тем более что наши силы — 136 сд при поддержке танков 61 лтбр (два стрелковых полка и два батальона танков) пытались обойти поселок с флангов и окружить немцев.

Во время осуществления этой операции 16 января 1943 года и произошел знаменитый бой легкого танка Т-60 с тактическим номером «164» против двух тяжелых «Тигров».

Экипаж машины состоял из командира роты Т-60 лейтенанта Дмитрия Осатюка и механика-водителя старшины Ивана Макаренкова. Еще во время учебы танкисты поняли важнейшее свойство «малютки» — ее великолепную подвижность. Лейтенант требовал, чтобы в бою машина

«танцевала», и механик, ценой упорнейшего труда, в совершенстве достиг этого.

В тот день на поляну, где шел бой, выползли из леса два тяжелых немецких танка. Передний намеревался, очевидно, ударить во фланг пехотной цепи, поблизости которой находилась «малютка».

Первое, что мелькнуло в уме Осатюка: «Спасти пехоту». Но как? Идти на таран? Это было бы заведомым самоубийством. Завязать огневую дуэль? Снаряды 20-мм скорострельной пушки отскакивали от брони германского танка, как горох от стенки. Оставалось одно: отвлечь внимание на себя.

— Ваня, танцуй! — крикнул Осатюк.

Сначала машина рванулась вперед и быстро приблизилась к немецкому танку. Тот остановился, оценивая добычу. Разбить маленький танк крупнокалиберной пушкой, казалось, не составляло никакого труда. Немцы ринулись в атаку. «Малютка» ловко уклонилась. Началась погоня. Танки противника шли один за другим. Повинуясь команде Осатюка, Макаренков кидал машину из стороны в сторону, выписывая замысловатые вентеля, но не уходил от немцев за пределы видимости. Осатюк вел огонь из пушки с единственной целью: ослепить вражеский экипаж, не дать ему вести прицельный ответный огонь.

— Держи вдоль леса, к круглой опушке! — приказал лейтенант.

Никогда еще Макаренков не орудовал рычагами управления так быстро. Казалось, танк, совершая неожиданные повороты, вот-вот перевернется.

Чем ближе к круглой полянке, тем больше росло напряжение. Но вот танк выскочил на поляну. Осатюк коснулся плеча механика. Макаренков сразу понял команду — такие сигналы подавались еще во время учений. Он мгновенно выключил левый фрикцион. Машина, послушная своему хозяину, взревела и, поднимая снежное облако, развернулась. Казалось, не было более удобной мишени для противника, чем танк, повернувшийся к нему бортом. Но Осатюк внезапно повернул башню и мгновенно открыл слепящий огонь в упор по смотровым щелям тяжелого германского танка.

Мощным рывком Макаренков увел «малютку» вперед. Немецкий танк со скрежетом повернул вслед за нашей машиной. Борт тяжелого танка теперь был обращен к роще.

В это время из-за деревьев вырвалась острая сверкающая полоска. Грянул орудийный выстрел. Потом второй... Через мгновение сильный взрыв внутри вражеского танка сотряс воздух.

— Ваня! Заманили дуру! Готово! — со вздохом облегчения вырвалось у Осатюка.

Обтирая рукавом пот, сбегавший крупными каплями со лба, Макаренков ответил так, будто участниками события были не он и не Осатюк:

— Не подвела наша «малютка»...

Не прошло и трех минут, как у круглой поляны появился второй тяжелый танк. В считанные секунды скрытая за деревьями батарея 61 лтбр расправилась и с этой вражеской машиной.

Скорее всего, это были «Тигры» из 502-го тяжелого батальона танков вермахта за номерами «250005» и «250006». По немецким данным, в первой машине снаряд пушки попал в моторное отделение и танк сгорел,

Города-крепости

а во второй машине арт-снаряд попал в башню; кроме того, у этой машины сломалась трансмиссия, и немцы подорвали ее сами 17 января.

Осатюку повезло еще тем, что свидетелем его боя с «Тиграми» было командование бригады, которое находилось вблизи злополучного поселка.

Как раз в то время, когда наши артиллеристы поразили второй тяжелый танк, комбриг с замполитом подскочили на «малютке» к огневой позиции батареи. У орудия, которое только что выручило Осатюка, стояли возбужденные артиллеристы, громко обсуждая подробности боя.

— Обработали на славу, — заметил Хрустицкий, показывая рукой в сторону нацистского танка.

Артиллеристы, почерневшие от копоти, в изодранной, перемазанной торфяной грязью одежде, не скрывали радости.

Этот бой с «Тиграми» стал основной составляющей в присвоении экипажу легкого танка Т-60 (для всего экипажа это, скорее всего, единственный случай) с номером «164» званий Героев Советского Союза.

16 января 123-я стрелковая дивизия совместно с 152-й танковой бригадой вели бои в северо-западной части синявинских торфоразработок. Отважно сражался 106-й танковый батальон капитана М. Онуфрийчука. Танковая рота старшего лейтенанта Ф. Степанова из этого батальона истребила около 300 немцев, подбила 3 танка, уничтожила 7 ДЗОТов и 12 орудий. Почти такой же счет был и у других рот.

Упорные бои развернулись за город Шлиссельбург, который освобождали 86 сд Героя Советского Союза В.А. Труба-чева, 34 лбр и бронеполк 61 лтбр. Рано утром 16 января 330-й полк подполковника Г.И. Середина из 86-й стрелковой дивизии начал штурм города. В каменных зданиях за прочными стенами немцы чувствовали себя уверенно и сопротивлялись с особым ожесточением. Большую помощь штурмовым группам подразделений оказывали орудия прямой наводки и бронеполки БА-10. Они били по амбразурам, разрушали стены домов, уничтожали вражеские пулеметы. Дом за домом, квартал за кварталом переходили в руки наших бойцов.

34-я отдельная лыжная бригада подполковника Я.Ф. По-техина, сформированная осенью 1942 года в основном из восемнадцатилетних ленинградских юношей, наступала в это время вдоль узкоколейной железной дороги, где у немцев имелось очень много ДЗОТов. Она получила задачу: выйти к Старо-Ладожскому каналу и отрезать пути отхода шлиссельбургскому гарнизону в юго-восточном направлении. Подразделения лыжников встречали сильное огневое сопротивление противника, но преодолевали его, хотя в их распоряжении были ограниченные огневые средства — 45-мм пушки и 82-мм минометы. Для молодых воинов это был первый бой. И хотя проходил он в очень трудных условиях, молодежь с честью выдержала этот экзамен на боевое мастерство, мужество и отвагу.

Уничтожая вражеский ДЗОТ, совершил свой бессмертный подвиг экипаж бронемашин БА-10 под руководством лейтенанта Лаптева. Взвод бронеполков под его командованием прорвался к окраинам Шлиссельбурга и шел вдоль железнодорожной насыпи. Подступы к ней защищал германский пулеметный ДЗОТ, который вел огонь по пехоте. Стрелки 86-й дивизии залегли. Лаптев пытался огнем подавить ДЗОТ, но

немцы, чувствуя себя уверенно за надежным укрытием, продолжали обстреливать пехоту, не давая ей подняться с земли.

Обстановка осложнялась тем, что кроме пулемета по нашей машине стреляла со стороны насыпи вражеская противотанковая пушка. Взвод Лаптева пытался уничтожить ПТО, но не смог.

Тогда лейтенант принял решение — любой ценой, даже ценой собственной жизни, заставить ДЗОТ замолчать, спасти пехоту, открыть ей путь к дальнейшему наступлению. Лаптев повел свою машину прямо на ДЗОТ.

Немцы сосредоточили огонь на броневике. Но это не остановило экипаж. Через несколько мгновений корпус БА-10 закрыл хлещущую огнем амбразуру. Пехотинцы стремительно поднялись с земли и ринулись в новую атаку. В это время вражеский снаряд ударил в машину Лаптева. Броневик вспыхнул дымным пламенем. Весь экипаж БА-10 — Лаптев, Суряднов, Поляков — погиб в боевой машине.

Несмотря на жестокий огонь врага, пехотинцы прорвались к железнодорожной насыпи, с тыла обошли огневую позицию немцев, забросали ее гранатами и полностью уничтожили расчет противотанковой пушки.

Теперь был открыт путь для остальных бронемашин. И они уже с ходу повели огонь по врагу, поддерживая атаку пехотинцев.

Наступил шестой день операции — 17 января. На главном направлении вновь разгорелись яростные бои. Их вели 136-я, 123-я стрелковые дивизии, 123-я стрелковая бригада, а также 61-я легкотанковая бригада. На левом фланге 330-й полк и 34-я лыжная бригада продолжали выполнять задачу по овладению Шлиссельбургом. Немецкое командование лихорадочно перебрасывало новые резервы в районы Мги, Келколово, Мустолово, Синявино.

2-я ударная армия в течение 15—17 января, ведя упорные бои, медленно продвигалась навстречу ленинградцам и расширяла прорыв. Части 128-й стрелковой дивизии наступали во взаимодействии с 12-й лыжной бригадой, которая совершила смелый рейд по льду Ладожского озера в тыл немецкого гарнизона в деревне Липка, и овладели этим населенным пунктом.

В исключительно трудных условиях действовали подразделения 12-й отдельной лыжной бригады подполковника Н.А. Себова, наступая по льду Ладоги от маяка Бугровский. Ввиду сильного артиллерийского и пулеметного огня противника продвигаться вперед можно было только ползком, отвоевывая метр за метром. Так продолжалось четверо суток. На льду и морозе, не зная ни сна, ни отдыха, сражались воины-лыжники с врагом, укрепившимся на берегу Ладожского озера.

В один из решающих моментов боя на побережье младший лейтенант А.Н. Рядовкин с группой бойцов первым ворвался во вражеский ДЗОТ. Туда же ворвалось еще несколько германских солдат. В этой схватке Рядовкин, расстреляв все патроны, уничтожил гранатой врагов и погиб при этом сам.

К 17 января войска Волховского фронта захватили Рабочие поселки № 4 и 8, станции Подгорная и Синявино и вплотную подошли к Рабочему поселку № 1. Коридор, разделявший войска Ленинградского и Волховского фронтов, стал совсем узким.

Города-крепости

Командующий 67-й армией приказал командиру 136-й дивизии, усиленной четырьмя артиллерийскими и минометными полками, 61-й легкотанковой бригадой (2 батальона Т-60, МСПБ) и одним батальоном 138-й бригады, перейти в решительное наступление и соединиться с частями 2-й ударной армии в Рабочем поселке № 5. 123-я стрелковая бригада должна была встретиться с волховчанами в Рабочем поселке № 1. 102-й стрелковой бригаде совместно с 220-й танковой бригадой предстояло завершить окружение противника в городском узле сопротивления.

Командир 26-го армейского корпуса противника решил вывести свои блокированные части из Шлиссельбурга, бросив в контратаку до двух пехотных полков, поддержанных танками. Прорыв, однако, не удался. Враг потерял убитыми и ранеными около 500 солдат и примерно столько же пленными.

Однако во время борьбы с немецкими окруженцами танк Т-60 с номером «164» был подбит. Это произошло на рассвете 18 января. В «малютку» попал снаряд и на танке сорвало гусеницу. В ногу был ранен механик-водитель Т-60 Макаренков, которого Осатюк вытащил через нижний люк, перевязал и под обстрелом противника дотащил до санитаров. Звание Героя Советского Союза Иван Михайлович Макаренков получил уже в госпитале".

123-я стрелковая бригада после решительной атаки захватила Рабочий поселок № 1 и соединилась с подразделениями 372-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии. Это произошло в 9 часов 30 минут 18 января. Увидев за снежной пеленой фигуры в белых халатах, волховчане, сдерживая волнение, проверили передовую группу Ленфронта условным знаком — подняли правой рукой автомат выше плеча.

- Пароль?
- Победа! Отзыв?
- Смерть фашизму!

И бросились друг другу в объятия. В воздух полетели шапки, возгласы ликования слились с гулом еще продолжавшегося боя. Следует добавить: первыми встретились с волховчанами воины батальона под командованием заместителя командира батальона по политической части майора Г.О. Мелконяна.

Развивая наступление, части 136-й дивизии, упорно продвигаясь вперед, стали обходить Рабочий поселок № 5 с юга и севера. И здесь 18 января в 11 часов 45 минут произошла встреча с волховчанами! Воины 136-й стрелковой дивизии из батальона капитана Ф. Собакина обнялись с бойцами 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта.

Подразделения 34-й лыжной бригады, отбив несколько яростных контратак противника с юго-восточной окраины Шлиссельбурга, к 10 часам вышли прямо к Старо-Ладожскому каналу. Развернувшись фронтом на запад, они накрепко заперли все выходы вражеским войскам, оставшимся в Шлиссельбурге. В этот день отличились воины батальонов майора А. Бабина и капитана Н. Лунина, первыми вышедшие к каналу. Во второй половине дня в районе деревни Липка лыжники-разведчики во главе с лейтенантом А. Михневичем встретились с бойцами 128-й стрелковой дивизии и 12-й лыжной бригады.

Батальоны 330-го стрелкового полка с помощью лыжников и 19 оставшихся бронеавтомобилей БА-10 61-й легкотанковой бригады

очищали от врага Шлиссельбург. Через короткие промежутки в небо взлетала белая ракета — еще один квартал города был очищен от нацистов. К 10 часам утра броневики уничтожили расчеты трех противотанковых пушек, 35 ручных и станковых пулеметов, истребили 120 германских солдат. Как ни сопротивлялись нацисты, засевшие в здании фабрики и в церкви, вскоре на колокольне взвилось алое полотнище, которое вместо нацистского флага водрузил лейтенант Уксусов из бронепатальона 61 лтбр. К 16 часам Шлиссельбург был освобожден, а к концу дня все южное побережье Ладожского озера было очищено от германских во иск. Прорыв блокады совершился!

Вспоминая об этом историческом дне. Маршал Советского Союза К.А. Мерецков писал: «Победа всегда воодушевляет войска. Но такого восторга, такого ликования не приходилось наблюдать ни до прорыва блокады, ни в последующие годы... И было чему радоваться. То, о чем думали советские люди, к чему на протяжении 16 военных месяцев стремились войны Ленинградского и Волховского фронтов, свершилось...»

Около полуночи 18 января радио передало о том, что блокада Ленинграда прорвана. На улицах и проспектах города было всеобщее ликование. Люди плакали от счастья. В ночных сменах на заводах и фабриках стихийно возникали митинги. С чувством огромной радости рабочие говорили о волнующем событии, которого так долго ждали.

Рано утром 19 января город-герой был украшен флагами. Все его жители вышли на улицы, как это было в большие всенародные праздники. На многочисленных митингах ленинградцы выражали глубокую благодарность войскам Ленинградского и Волховского фронтов, прорвавшим блокаду.

Когда весть о прорыве блокады разнеслась по всем уголкам нашей Родины, в стране поднялась новая волна всенародной помощи городу на Неве. «По открытой дороге в Ленинград нужно направить сплошной поток продовольствия, одежды, всего необходимого для самоотверженных защитников города Ленина», — писали из Сибири колхозники артели имени М.И. Калинина Минусинского района. По их инициативе в Красноярском крае провели декаду помощи Ленинграду.

Трудящиеся ряда областей стали собирать средства на приобретение боевой техники для Ленинградского фронта. «Героическому Ленинграду» — называлось авиасоединение, на строительство которого собирали деньги в Вологодской области. Новосибирцы просили за их счет построить городу-герою эскадрилью самолетов «За Родину», омичи — танковую колонну.

Одержав победу в тяжелых семидневных боях, советские воины вписали новую страницу в героическую историю Великой Отечественной войны. В этих боях героизм был массовым. Лучшие из лучших были удостоены звания Героя Советского Союза. Вот их имена: старший лейтенант Григорий Андреевич Заика, капитан Николай Андрианович Зеленев, сержант Иван Антонович Лапшов, старшина Иван Михайлович Мака-ренков, красноармеец Дмитрий Семенович Молодцов, лейтенант Дмитрий Иванович Осатюк, младший сержант Тимофей Ефимович Пирогов, майор Петр Афанасьевич Покрышев, генерал-майор Николай Павлович Симоняк.

Города-крепости

Особо отличившиеся в боях по прорыву блокады 136-я и 327-я стрелковые дивизии были преобразованы в 63-ю и 64-ю гвардейские стрелковые дивизии, а 61-я отдельная легкотанковая бригада стала 30-й гвардейской.

Всего в операции участвовали 133 300 чел. Ленинградского (67А, 13ВА) и 169 500 чел. Волховского (2 уд. А, 8А, 14ВА) фронтов — итого 302 800 человек.

Общие боевые потери советских войск Ленинградского и Волховского фронтов составили 115082 человека, из них безвозвратные — 33940 человек. Большие потери и стали одной из важнейших причин дальнейшего прекращения операции.

Однако много людей и техники потеряла и германская армия.

Например, войска 67-й армии обескровили в боях многие вражеские соединения. Противник потерял около 19 тыс. убитыми и ранеными, 1275 пленными, а также 272 орудия, 1200 пулеметов, более 300 минометов и много другого оружия.

В период подготовки операции и за семь боевых дней летчики 13-й, 14-й воздушных армий и КБФ, несмотря на сложные метеорологические условия, всемерно поддерживали наземные войска, нанесли значительный урон врагу.

Действенную помощь наступающим войскам оказала тяжелая артиллерия Краснознаменного Балтийского флота. Имея в своем составе орудия крупных калибров, она не только разрушала оборонительные сооружения противника, но и надежно подавляла его батареи. За время наступления морская артиллерия израсходовала 15,5 тыс. снарядов. Отлично действовали моряки 301-го отдельного артиллерийского дивизиона майора С.Ф. Кудряшева, 402-го дивизиона майора Б.М. Градина, 405-го дивизиона майора Д.И. Видяева, а также батареи эскадренных миноносцев «Свирепый» и «Сторожевой», канонерских лодок «Ока» и «Зея».

Достаточно интересны результаты применения советских бронетанковых частей Ленинградского фронта, вынужденных быстро преодолевать глубокоэшелонированную оборону противника, частично проходящую по берегу реки Невы. И не всегда наши войска действовали удачно. Вот как описаны эти события в статье «Боевое использование танков по опыту боев на Ленинградском фронте», подготовленной для Генерального штаба Красной армии отделом АБТВ Ленфронта.

В первом эшелоне действовали 118-й и 86-й отдельные танковые батальоны, также 61-я легкотанковая бригада.

118-й отдельный танковый батальон (был укомплектован легкими танками Т-26 и БТ) при форсировании р. Невы вместе с подразделениями 45-й гвардейской стрелковой дивизии попал под сильный артиллерийский огонь противника, лед на реке был разбит. В результате от головной роты батальона перешло реку 8 танков Т-26, которые поддерживали действия штурмовых групп нашей пехоты огнем с места. 3 танка затонули. Дальнейшая переправа в этом районе была вообще прекращена — требовалось подавить артиллерию противника и форсировать реку танками в другом месте, где лед не был раскрошен. В течение дня это сделать так и не удалось. В ночь на 13 января отдельными группами танков батальон переправился на противоположный берег на другом

участке. В течение дня 118 отб поддерживал части 45 гсд, предпринимая ряд атак в направлении Анненского и Песчаного карьера. Уже к концу 13.01 вся матчасть батальона была потеряна в боях, а сам 118 отб отвели в тыл на переформирование.

86-й отдельный танковый батальон, оснащенный танками БТ-5 и БТ-7, также принимал участие в преодолении Невы. Головная рота батальона (8 танков), форсировав реку, на берегу подорвалась на минном поле. После разминирования берега остальные две роты батальона быстро переправились через Неву и, действуя с подразделениями 942 сп, совместно преследовали отходящего противника.

Продвигаясь по торфянику, 8 танков батальона застряли в болоте. Остальные танки 86 отб с боем прорывались вперед и, отбивая контратаки противника, не заметили фланговой атаки германской танковой группировки из 14 боевых машин (немцы подошли на расстояние 150—200 м и внезапно атаковали основные силы батальона). В завязавшемся танковом бою 86 отб потерял всю свою матчасть (14 машин). Немцы потеряли 4 танка: из них три средних и один Pz. Krp1"у. VI «Тигр».

Наиболее эффективно использовались танки и бронеавтомобили 61-й легкотанковой бригады (548, 549 тб, а также бронебатальон), которые побатальонно были приданы стрелковым соединениям.

549-й танковый батальон (танки Т-60), поддерживая основные силы 136 сд, не встречая сильного огневого противодействия со стороны противника, вместе с пехотой в полном составе форсировал (перешел по льду. — *Примеч. авт.*) р. Неву и, овладев ее левым берегом, продолжал успешно действовать с пехотными подразделениями 136 сд.

549-й танковый батальон (танки Т-60) начал форсирование р. Невы вместе с подразделениями 86 сд, но, достигнув головными танками противоположного берега, был встречен сильным огнем противника. Пехота залегла и далее продвинуться не смогла. Форсирование танками реки на этом участке стало невозможным, поэтому батальон был переподчинен 136 сд и переправлен через Неву на другом участке. В дальнейшем действия 136 сд поддерживали оба танковых батальона бригады. Именно они 18 января способствовали овладению 136 сд Рабочим поселком № 5, за которым последовало долгожданное соединение с войсками Волховского фронта.

Бронебатальон 61-й бригады (средние бронеавтомобили БА-10) вместе с частями 86 сд вел бои за город Шлиссельбург, овладел этим населенным пунктом, безвозвратно потеряв только 2 машины.

К исходу 12 января левый берег реки Невы на ширину фронта в 5 км был очищен от противника на глубину 1,5-3 км, что дало возможность строить переправы для прохода сред-нихитязельных танков. К исходу 13.01 было установлено два настила - переправы: один из них против северной окраины Марьино и один из них в 500 м южнее Марьино.

В ночь с 13 на 14 января 220-я и 152-я танковые бригады благополучно переправились через Неву и сосредоточились южнее Марьино.

С утра 14.01 152 тбр, будучи приданной 123 сд, 48-м танковым батальоном действовала с 272 сп в составе штурмовых групп. Во время атаки батальон был встречен сильным противотанковым огнем, однако боевую задачу выполнил, потеряв при этом довольно много танков Т-34

Города-крепости

(сгорело 5, а подбито было 7 машин). Но позиции противника наши танкисты разрушили полностью: уничтожено 20 орудий разного калибра, 11 пулеметных точек, 2 станковых пулемета и 3 миномета.

15 января 1941 года 152-я танковая бригада, действуя с частями 123 сд, получила задачу овладеть двумя рощами, которые находились восточнее 2-го городка, и блокировать этот населенный пункт. В результате двухдневных боев 152 тбр поставленную ей задачу выполнила, но ввиду неуспеха 45 гсд и 220 тбр блокировать 2-й городок не удалось.

Дальнейшее продвижение 152 тбр и частей 123 сд было остановлено сильным артогнем и контратаками подошедших и введенных в бой частей 61 -й и 96-й и Полицейской дивизий СС противника.

В течение 20—24 января 152 тбр оставшимися танками выполняла задачи совместно с частями 123 сд. В проводимых боях бригада понесла большие потери и была выведена для пополнения.

Всего же за время проведения операции «Искра» потери танковых соединений и частей Ленинградского фронта составили 221 единицу. Из них 60 сгорели, 3 утонули в Неве, 34 застряли в болотах, 56 разбиты артогнем, 8 подорвались на минах, а 60 были подбиты и восстановлены.

При прорыве блокады Ленинграда наши войска получили первый опыт борьбы с новыми тяжелыми германскими танками Pz. Kpfz. VI — типа «Тигр».

Бойцами Красной армии были захвачены две машины.

Первым «Тигром», попавшим в руки частей Красной армии, была машина командира роты с бортовым номером 100. Этот танк был захвачен в районе Рабочего поселка № 5 18 января 1943 года. Небезынтересно привести воспоминания двух участников тех событий, которые одними из первых познакомились с «Тигром».

Лейтенант В. Шариков, командир взвода инженерной разведки 18-й стрелковой дивизии: «К 12.00 18 января 1943 года Рабочий поселок № 5 был полностью очищен от противника. Здесь произошла радостная встреча воинов 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта и 136-й стрелковой дивизии 67-й армии Ленинградского фронта — блокада Ленинграда была прорвана!

Наши связисты устанавливали линии связи, саперы обследовали на минирование территорию и уцелевшие здания поселка. Полуразрушенные железобетонные корпуса опытного завода Всесоюзного института механизации торфоразработок все еще дымились.

Уцелевшие немецкие подразделения, откатившиеся на Синявинские высоты, видимо, еще не заняли оборонительные позиции, поэтому в Рабочем поселке № 5 было тихо и не слышались разрывы вражеских мин и снарядов.

Тишина ввела многих в заблуждение. На территории поселка обустроивались командные пункты полков 18-й стрелковой дивизии. Но в 14.00 часов противник произвел первый сильный артиллерийско-минометный обстрел Рабочего поселка № 5, который продолжался в течение часа. После огневого налета противника воины в поселке вернулись к своим боевым будням.

После 16.00, когда уже начинало смеркаться, по дороге от Пильной Мельницы к Рабочему поселку № 5 появился одиночный танк. Не доходя 200 метров до юго-западной окраины поселка, правой гусеницей на

повороте он сошел с накатанной дороги в кювет, занесенный снегом, и наклонился на правый борт. Поскольку по этой дороге на Рабочий поселок № 5 наступали ленинградцы и тянули с собой на лыжах стальные пулеметные колпаки, то наши бойцы приняли этот танк за наш — ленинградский и не обратили на него внимания. Из танка вышли какие-то люди, но как только к ним направились наши саперы и стрелки, эти люди бросились бежать через торфяной карьер в направлении Рабочего поселка № 6. Наши воины открыли по ним огонь из стрелкового оружия, но штабеля торфа в карьере и сгущающиеся сумерки позволили бегущим скрыться. Саперы и стрелки подошли к танку необычного вида с длинной пушкой с дульным тормозом. На башне белой краской нарисован мамонт с поднятым хоботом, поэтому бойцы и назвали танк "Слон". На обоих бортах танка были черные кресты. Танк стоял с открытыми люками совершенно целый, даже с неповрежденной краской. Я, как командир взвода инженерной разведки, послал своего бойца с донесением о танке дивизионному инженеру капитану Крушица К.К., а сам начал осторожно обследовать неизвестную машину. В машине находились какие-то папки с бумагами. Привлекла мое внимание красная папка под сафьян с написанными готическим шрифтом именем и фамилией, как мне тогда подумалось, командира танка, ее я взял себе. Прибывший дивизионный инженер осмотрел танк, собранные бумаги и дал приказание отнести все бумаги в разведотделение штаба дивизии капитану Овсенко. Позже разведчики установили по этим документам, что в танке кроме экипажа находился командир 227-й пехотной дивизии — генерал с адъютантом.

Из штаба армии последовал приказ установить охрану танка и не допускать в него никого до прибытия специалиста».

Старший лейтенант Г. Воробьев, помпотех командира роты 98-й танковой бригады: «В боях по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 года наша 98-я отдельная танковая бригада была придана 18-й стрелковой дивизии. Танки бригады обеспечивали продвижение дивизии по насыпи узкоколейной железной дороги, идущей в 1,5 км южнее Рабочего поселка № 8 к центру Рабочего поселка № 5.

В течение 16 и 17 января танкисты нашей бригады совместно с 18-й стрелковой дивизией упорно возобновляли атаки на подступах к Рабочему поселку № 5, но были вынуждены каждый раз отходить вследствие яростного сопротивления врага при мощной поддержке крупнокалиберной артиллерии с Снявлинских высот.

В ночь на 18 января танки бригады были переброшены в 424-й стрелковый полк 18-й стрелковой дивизии, который овладел небольшой рощей северо-западнее Рабочего поселка № 5, перерезав узкоколейную и автомобильную дороги, соединявшие Рабочие поселки № 1 и № 5.

Предпринятая утром 18 января атака Рабочего поселка № 5 полками 18-й стрелковой дивизии при поддержке 98-й танковой бригады с севера, востока и юго-востока увенчалась успехом, и мы, овладев поселком, на юго-западной окраине соединились с воинами 136-й стрелковой дивизии из 67-й армии Ленинградского фронта, наступавшими с запада. Тем самым блокада Ленинграда была прорвана и враг откатился на Снявлинские высоты. Наша 98-я бригада сосредоточилась около Рабочего поселка № 5. Командный пункт бригады разместился в центре поселка. В поселке же были развернуты ремонтные работы. Танкисты сюда

Города-крепости

стаскивали поврежденные машины. Подвозились горючее, боеприпасы, продовольствие, эвакуировались раненые.

Во второй части дня, уже в сумерках, на дороге, которая шла по южной окраине Рабочего поселка № 5, показался большой танк с необычно длинной пушкой. По какой-то причине водитель танка правой гусеницей съехал с накатанной дороги, и танк накренился и сел брюхом на кромку дороги. Из него вылезли какие-то люди, при приближении наших воинов они побежали в направлении Рабочего поселка № 6. Открылась беспорядочная стрельба, но бежавшие благодаря сумеркам и штабелям заготовленного в карьерах торфа скрылись.

Я тоже побежал к этому танку, залез в открытый люк водителя и обнаружил все в исправности, кроме перерезанной электропроводки у щита управления. Боеприпасы были целы и лежали в своих гнездах. Я вышел из машины и осмотрел танк снаружи. На его башне был нарисован белой краской слон с поднятым хоботом. С помощью рулетки замерил толщину брони и габариты танка, калибр и длину пушки. Хотел забраться в моторное отделение, но надмоторный люк был задраен, кажется, на 26 запоров, а у меня не было подходящих ключей. Я доложил своему начальству об этом танке и просил разрешения заняться его запуском, но мне приказали заниматься восстановлением своих танков.

Возле танка "Слон" появился высокий худощавый танкист, который и занялся его изучением. Мне было приказано оказывать ему содействие. По его просьбе двумя нашими танками Т-34 вытащили танк "Слон" на дорогу, поставили на ровное место. Затем с моей помощью после долгого изучения специалист открыл надмоторный люк. Мотор был 12-цилиндровый, бензиновый, в развале цилиндров была коробочка из какого-то дорогого дерева, в которой лежали две свечи зажигания.

По просьбе специалиста танк "Слон" покрыли брезентом до самой земли, поставили под танк железную печку и усиленной топкой прогрели танк. Когда танк хорошо прогрелся, то он легко завелся с помощью "самопуска" (сжатым воздухом). В ночь на 20 января танк "Слон" своим ходом проследовал по насыпи узкоколейной дороги на железнодорожную станцию Поляна, где был погружен на платформу и отправлен в тыл. Во время движения танка по нему вела сильный огонь немецкая артиллерия с Синявинских высот. На этом мое знакомство с танком "Слон" закончилось».

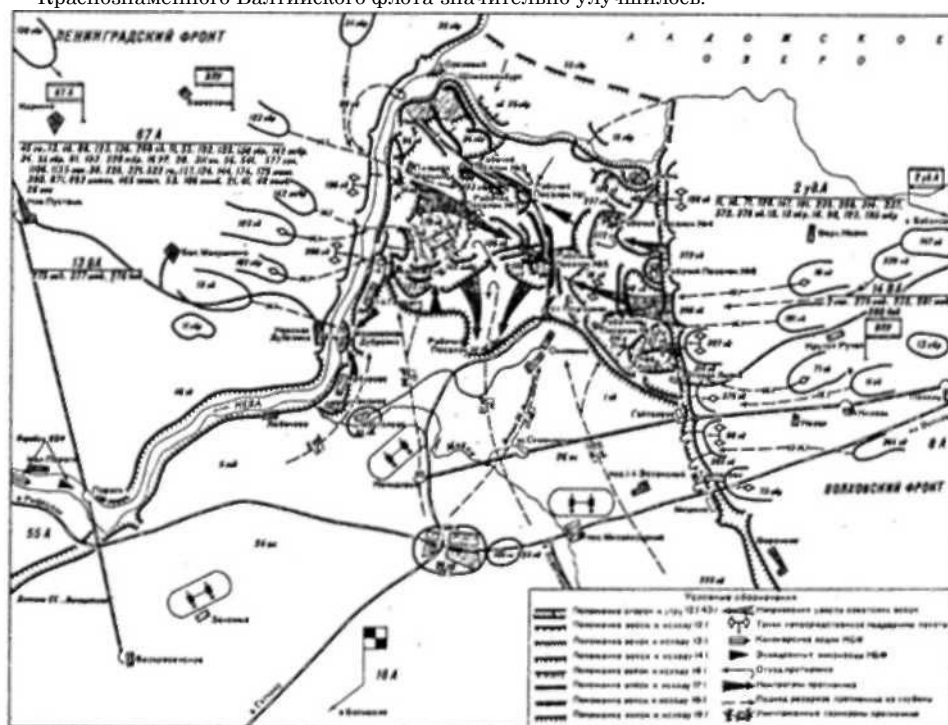
«Тигр» № 100 был доставлен на полигон в подмосковную Кубинку, где прошел испытания. После этого танк был выставлен в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького на выставке трофейной техники, которая открылась 22 июня 1943 года. В конце того же года этот «Тигр» снова был отправлен в Кубинку, где находился до 1947 года. Затем он был сдан в металлолом.

Практически одновременно с «Тигром» № 100 частями Красной армии в районе того же Рабочего поселка № 5 был захвачен «Тигр» № 121 (фабричный номер 250009). Танк имел ряд повреждений и был не на ходу, поэтому несколько дней стоял в поле. После этого его эвакуировали и доставили в Кубинку. В апреле 1943 года с этого «Тигра» сняли все приборы, двигатель, вооружение, а корпус с башней расстреляли из орудий различных калибров.

В июне 1943 года расстрелянный корпус этого танка был выставлен в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха им. М. Горького на выставке трофейной техники. Осенью того же года, после поступления на выставку новых образцов вооружения, корпус с башней «Тигра» № 121 были сданы в металлолом.

Испытания двух первых трофейных «Тигров» позволили изучить их конструкцию и наиболее уязвимые места. На основании этих испытаний в частях Красной армии было издано большое количество различных памяток и инструкций по борьбе с «Тиграми», которые позволили бойцам Красной армии успешно бороться с новыми немецкими тяжелыми танками в летне-осенних боях 1943 года.

Победа под Ленинградом имела большое военно-политическое значение. Стратегическое положение сил Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота значительно улучшилось.

Действия советских и германских войск при проведении операции по прорыву блокады Ленинграда в январе 19-13 года

Одновременно с этим прорыв блокады Ленинграда явился крупной победой, свидетельствующей о возросшем мастерстве командования и войск Ленинградского и Волховского фронтов. Это одна из первых наступательных операций на Северо-Западном театре военных действий в период Великой Отечественной войны, обогатившая советские войска ценным опытом прорыва сильно укрепленной обороны противника в лесисто-болотистой местности в зимних условиях. Одной из особенностей этой операции является то, что прорыв блокады осуществлялся одновременными ударами изнутри и извне блокированного города.

С января 1943 года наступил решительный перелом в битве за Ленинград.

ПОЗИЦИОННАЯ БОРЬБА

Осадное кольцо блокады было прорвано. Но ширина пробитого коридора составляла всего 8-11 километров; дальше, несмотря на все усилия наступающих, пробиться не удалось. Поэтому советское командование обоих фронтов прекрасно понимало, что немцы вскоре перегруппируют силы, получат подкрепления и попытаются контратаковать. Тем более, что взбешенный неудачами на фронтах Гитлер приказал генерал-фельдмаршалу Кюхлеру, командующему группой армий «Север», немедленно взять реванш и вновь замкнуть осадное кольцо. Кюхлер требовал того же от командиров дивизий, а те — от своих солдат. В руки авторов попал прямо-таки истерический приказ командира 227-й пехотной дивизии генерала Скотти, в котором он заклинал: «Восстановим утраченное! Через могилы — вперед!» Для удачного процесса восстановления в начале февраля 502-й тяжелый батальон вермахта получил новую партию тяжелых танков типа «Тигр».

Теперь германские укрепления осваивали советские войска. Наводился порядок в ДЗОТах и траншеях, где еще несколько дней назад сидели немцы. В «зону прорыва» на открытом «виллисе» приехал командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков, пожелавший лично осмотреть немецкие укрепления, которые должны стать основой советской линии обороны. К слову сказать, комфронта требовал, чтобы командиры всех рангов ездили на фронте в открытых машинах. Если Мерецков встречал на дороге джип со стенками, которые пристраивались для защиты от холода, то останавливал его и выговаривал командиру: «Почему вы прячетесь? Солдат должен вас видеть, а вы — его. И никаких перегородок!»

Старший лейтенант Бабаенко из специального штурмового отряда, бравшего одну из высот, показал командующему систему вражеских укреплений. Только на одном склоне наши саперы извлекли около 3 тысяч мин. За минами — ряды колючей проволоки, спирали Бруно, кашканы для лыжников. Плотность немецких войск была здесь вдвое больше, чем предусматривалось уставом германской армии.

Все, что можно было, немецкие саперы зарыли в землю. За 16 месяцев своего пребывания под Ленинградом они создали обширные подземные хозяйства. Окопы были вырыты не только для людей, но и для пушек, автомашин, лошадей.

Разрушенные укрепления подходили к тому месту, где раньше находился один из Рабочих поселков. Улицы этого н/п из-за того, что горел торф, были окутаны дымом. У почерневшей от гари дороги, изрытой тысячами ног и колес, — несколько исправных немецких автомашин. Близ развалин какого-то строения — большой зеленый фургон с надписью «Фельдпост». Вокруг были разбросаны втоптаннные в снег газеты и журналы, датированные январем, письма со штампами Штеттина, Берлина, Гамбурга.

На дверях дома, где помещался вражеский лазарет, сводка германского командования: « Русские атаки под Ленинградом отбиты ». У лазарета даже через несколько дней валялось много трупов. Немцы, очевидно, начали эвакуацию госпиталя, но когда советские войска стали окружать поселок, бросились бежать, оставив тяжелораненых на произвол судьбы. Так они и замерзли.

Теперь тут располагались советские войска, которым, как выяснится впоследствии, еще в течение года придется отражать здесь немецкие удары (основные сражения велись главным образом в районе Мги. — *Примеч. авт.*)

На отвоеванной ценой немалых жертв земле в короткий срок была проложена железная дорога.

Уже 18 января Государственный Комитет Оборны постановил прекратить сооружение свайно-ледовой железнодорожной линии через Ладожское озеро, начатое осенью прошлого года, а все силы и средства направить на прокладку железной дороги по линии Шлиссельбург — Поляна и строительство моста через Неву. Выполнение этой задачи поручалось Управлению военно-восстановительных работ (УВВР-2), железнодорожным войскам фронта, а также специальным формированиям от НКПС. Начальником строительства был назначен начальник УВВР-2 И.Г. Зубков.

На создание новой линии отводилось всего 20 дней. Но то, что в других условиях считалось бы невозможным, было сделано. Зимой, несмотря на артиллерийские обстрелы, строители проложили железнодорожную линию протяженностью в 33 километра за 18 дней. Уже в ночь на 6 февраля по ней прошли первые поезда с продовольствием, боевой техникой, боеприпасами.

7 февраля поезд, украшенный полотнищем со словами «Большой привет шлет Родина героическому Ленинграду», прибыл с Большой земли на Финляндский вокзал. Этот ж/д путь ленинградцы называли «Дорогой победы».

Линия Шлиссельбург—Поляна находилась неподалеку от переднего края и на всем протяжении была в пределах досягаемости вражеской артиллерии. Противник постоянно держал под огнем станцию Шлиссельбург, мост через Неву и перегон между 9-м и 20-м километрами. Железнодорожная колея проходила здесь по открытой местности, не более чем в 5 километрах от вражеских позиций. Чтобы уменьшить потери, поезда отправляли преимущественно в ночное время.

Движение поездов прикрывала артиллерия 11-й стрелковой дивизии и ряд артиллерийских групп. При подходе железнодорожных составов артиллеристы получали сигнал, по которому все огневые средства

приводились в готовность для подавления вражеских батарей, ведущих огонь по железнодорожной линии.

Однако нередко в результате артиллерийских обстрелов нарушалось железнодорожное сообщение, поэтому воинские части и железнодорожники прилагали огромные усилия, чтобы в кратчайшие сроки восстанавливать разрушенные пути.

Рядом с железной дорогой был проложен и новый автомобильный путь. Но всего этого было недостаточно. Поэтому в течение 1943 года продолжались перевозки и по Ладожскому озеру.

Враг еще пытался сорвать перевозки атаками самолетов, но коммуникации действовали бесперебойно. В 1943 году всеми видами транспорта в Ленинград было доставлено свыше 160 тыс. человек пополнения фронту и флоту, более 4400 тыс. тонн грузов, в том числе 630 тыс. тонн продовольствия.

Еще продолжались вражеские бомбежки и обстрелы, а десятки тысяч ленинградцев возвращались в свой любимый город. Например, только по Ладожскому озеру в город прибыло 162 тыс. человек гражданского населения. Жизнь в Ленинграде возрождалась, экономика крепла, боевая мощь увеличивалась.

Прорыв вражеской блокады и установление сухопутной связи со страной благотворно сказались на всей жизни города. Все больше заводов и фабрик вновь вступало в строй, развертывало производство вооружения и боеприпасов для фронта.

Вскоре после прорыва блокады города Государственный Комитет Обороны принял решение о восстановлении на заводе «Электросила» производства турбогенераторов и крупных электромашин. С помощью военных строителей завод возрождал разрушенные цехи. Нацисты не раз подвергали этот завод артиллерийскому обстрелу. Коллектив нес тяжелые потери, но не прекращал работы.

Уже летом 1943 года в Ленинграде действовали 212 заводов и фабрик союзного и республиканского подчинения.

6 Города-крепости

161

В городе выпускалось свыше 400 различных видов вооружения, боеприпасов и снаряжения для фронта. Часть продукции отправлялась в различные районы страны.

Но после прорыва блокады нацисты решили усилить обстрел города, так как для немцев это оставался единственный способ повлиять на обстановку в самом Ленинграде. Особенно сильно активизировалась беззаботническая артиллерийская группировка врага, находившаяся в районе 8—9 километров юго-восточнее Ораниенбаума. Учитывая это, Военный совет фронта создал на ораниенбаумском плацдарме очень сильную контрбатарейную группу, перебросив туда еще в июле—августе 1942 года по Финскому заливу два пушечных артполка (129-й корпусной, а также 126-й пушечный) и один дивизион из 101-й железнодорожной артиллерийской бригады.

Как только начинался обстрел города, ораниенбаумская контрбатарейная группа дальнобойной артиллерии открывала огонь с

тыла по беззаботнинским батареям противника и заставляла их замолчать.

Нередко наши контрбатареицы накрывали позиции вражеской артиллерии еще до того, как она успевала открыть огонь по городу. Это достигалось благодаря умелой работе разведывательной части, которой командовал подполковник Толмачев. Разведчики, непрерывно прослушивавшие радиосети артиллерийских частей противника, порой узнавали о готовящемся обстреле города заранее и немедленно сообщали об этом контрбатареицам.

Начиная с конца января 1943 года, германское верховное командование стало последовательно наращивать под Ленинградом группировку своей артиллерии. В ее состав входили даже специальные мощные орудия калибром до 520 мм, специально переброшенные из-под Севастополя и собственно из Германии (кроме обычной тяжелой артиллерии для обстрела Ленинграда применялись 280-мм сверхтяжелые гаубицы фирмы «Крупп», а также железнодорожные тяжелые трофейные орудия французского производства: две 340-мм пушки, восемь 400-мм пушек и единственная 520-мм гаубица). Также у немцев было достаточное количество 210-мм дальнобойных орудий и 177-мм французских трофейных пушек. Учтя горький опыт 1942 года, враг рассредоточил свою артиллерию так, что между орудиями был интервал в 300—500 метров. Теперь советским артиллеристам надо было уничтожать уже не батареи, а отдельные орудия, которые к тому же находились в железнодорожных укрытиях. Вместе с минометами вражеская артиллерийская группировка насчитывала около 3300 стволов. С января 1943 года артиллерийские обстрелы Ленинграда и Кронштадта увеличились. Для снижения эффективности огня наших батарей противник вел стрельбу чаще всего короткими огневыми налетами из нескольких десятков орудий разного калибра.

Беззаботнинская (находящаяся в районе поселка Беззаботного. — *Примеч. авт.*) артиллерийская группировка немцев, находясь на удалении 16—18 км, оказалась на пределе досягаемости наших орудий, так как отечественные 152-мм пушки-гаубицы имели дальность 17 км, а 122-мм пушки — 21 км. Дальность огня морских систем была большей (130-мм пушка имела дальность 26 км, а 180-мм — свыше 36 км), но их было мало. Таким образом, в деле защиты города от артобстрелов наступил кризис, тем более что сами ленинградцы уже отвыкли от артобстрелов и тяжело воспринимали их возобновление.

В ответ на обстрел города наша артиллерия открывала по стрелявшим вражеским батареям массированный огонь и выводила их из строя. Более чем в 9 тыс. случаев были подавлены батареи, обстреливавшие Ленинград и Кронштадт. Кроме того, для борьбы с вражеской тяжелой артиллерией выделялись бомбардировочная и штурмовая авиация. Но и этих мер было недостаточно.

Тогда Военный совет фронта решил создать для руководства всей контрбатареиной борьбой специальное артиллерийское соединение со своим штабом и средствами управления. Ставка ВГК удовлетворила просьбу фронта. 3-й Ленинградский артиллерийский контрбатареиный корпус был сформирован в сентябре 1943 года. В его состав вошли 5 арт-

Города-крепости

полков (12-й и 14-й гвардейские, 73, 126, 129-й арtpолки), пушечная бригада, отдельный дивизион особой мощности,

б*

163

3 разведдивизиона артиллерийской инструментальной разведки, 2 корректировочные авиаэскадрильи, а также воздухоплавательный дивизион аэростатов артиллерийского наблюдения. Командиром контрбатареинного корпуса был назначен генерал-майор артиллерии Н.Н. Жданов — бывший начальник штаба артиллерии Ленфронта. Ему оперативно подчинили и 101-ю морскую железнодорожную артиллерийскую бригаду КБФ.

Всего в корпусе вместе с бригадой имелось 195 орудий калибром от 122 до 355 мм, составлявших шесть артиллерийских групп. Каждая из них была нацелена на определенную артиллерийскую группировку противника. Корпус вел активную борьбу с вражескими батареями, часто отвлекая огонь на себя, спасая город от разрушения.

Авиация фронта, как и прежде, наносила удары по вражеской дальнобойной артиллерии. Летчики выискивали также наиболее удаленные батареи и железнодорожные транспортеры с дальнобойными орудиями и выводили их из строя. Только за десять дней апреля авиаторы 13-й воздушной армии произвели 273 самолето-вылета с целью уничтожения и подавления артиллерии противника.

12 и 13 апреля ВВС Краснознаменного Балтийского флота провели операцию по уничтожению батарей беззаботнинской артиллерийской группировки. Первой в район цели пришла шестерка истребителей и завязала бой с группой немецких самолетов ФВ-190. Затем пять самолетов ИЛ-2 подавили огонь зениток, прикрывавших батареи. После этого группы бомбардировщиков и штурмовиков нанесли удар по дальнобойным орудиям, одно из которых прямыми попаданиями бомб было выведено из строя. На следующий день летчики совершили на батареи новый массированный налет.

Кроме того, активно велась борьба с минометными подразделениями противника. Еще осенью прошлого года на Ленинградском фронте создали первые контрминометные группы с задачей находить и подавлять минометные батареи врага.

Вскоре опыт контрминометной борьбы дал положительные результаты. Значительный вклад в это внес начальник фронтовой школы сержантов артиллерийской инструментальной разведки майор П.Е. Лункин, испытавший на полигоне новый способ точного определения координат стреляющих минометов. Результаты оказались блестящими не только на полигоне, но и в боевых условиях. В декабре 1942 года о способе засечки вражеских минометных батарей звукометрическими станциями сообщили командованию Волховского фронта. Ленинградские звукометристы выезжали к волховчанам и обучали их, как определять местонахождение вражеских минометных батарей. Контрминометная борьба стала весьма эффективной.

Потерпев поражение на суше, германское командование всемерно озаботилось проблемой активизации Краснознаменного Балтийского флота. Еще раньше, 22 декабря 1942 года, главнокомандующий военно-

морскими силами Германии Редер заявил: «Если бы даже Ленинград был полностью разрушен артиллерийским огнем, опасность со стороны подводных лодок продолжала бы существовать, так как Кронштадт остается базой. Каждая подводная лодка, прорвавшая блокаду, представляет собой угрозу для всего Балтийского моря и ставит под угрозу наше судоходство, которого уже едва хватает».

В конце марта — начале апреля 1943 года около 150 немецких и финских вспомогательных судов и боевых Кораблей смогли оборудовать новую мощную противолодочную позицию из мин и сетей поперек Финского залива между Таллином и Хельсинки. С освобождением ото льда средней части Финского залива немецким и финским военноморским силам удалось подновить старую голландскую позицию. Система этих двух противолодочных позиций вместе с обслуживающими их кораблями, самолетами, береговыми батареями практически стала непреодолимой для наших подводных лодок.

На прорыв морской блокады были отправлены лучшие подводники. Однако успехов было мало. Знаменитая гвардейская подводная лодка Щ-303 под командованием капитана 3-го ранга И.В. Травкина прорвала первую позицию, но на второй попала в противолодочную сеть, из которой с большим трудом подводникам удалось освободиться. Лодку постоянно преследовали силы противолодочной обороны, на Щ-303 сбросили около 2 тыс. бомб, но через месяц лодка все же возвратилась в свою базу.

Не так повезло Щ-408 под командованием капитан-лейтенанта П.С.Кузьмина, которую немцы вынудили вступить в надводный артиллерийский поединок. Результатом дуэли (май 1943 года) стала гибель лодки со всем экипажем. Больше попыток преодолеть противолодочную оборону врага командование КБФ не предпринимало.

Правда, немцы тоже подрывались на минных заграждениях, ранее поставленных нашими лодками в юго-западной части Балтийского моря. С середины ноября до конца марта 1943 года на них подорвалось 14 вражеских судов, в том числе подводная лодка 11-416.

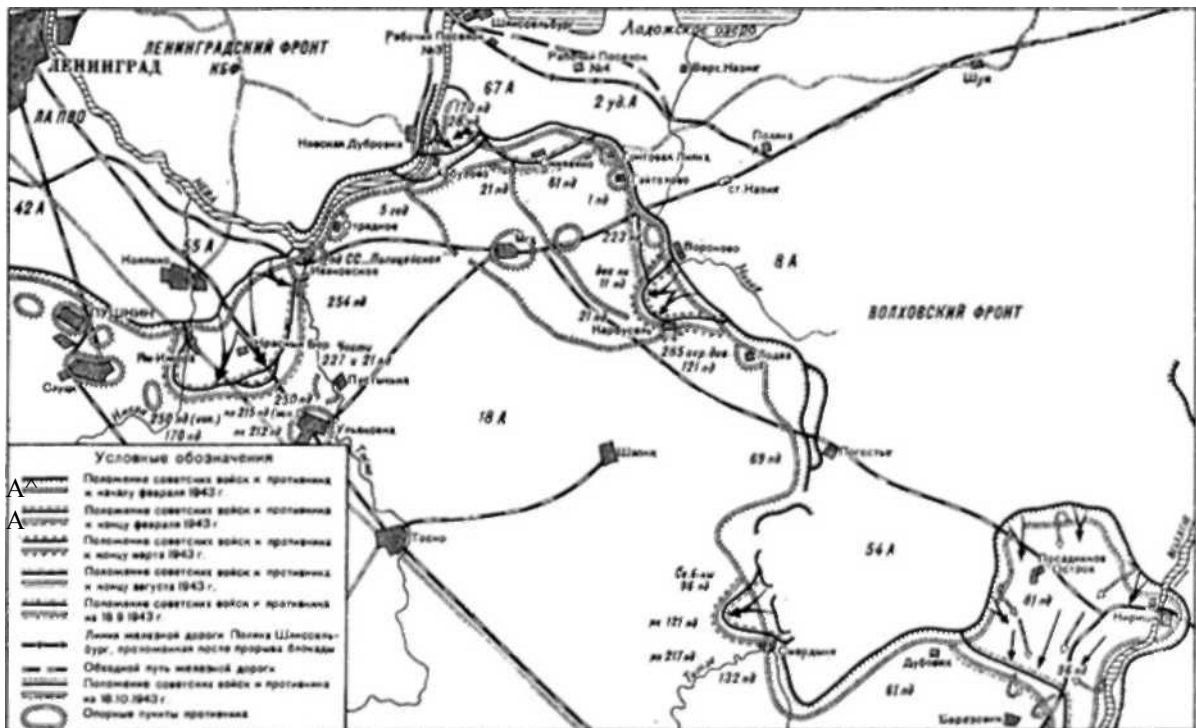
Стремясь нанести немцам максимальные потери даже в условиях морской блокады, командование нашего флота приказало минноторпедной дивизии авиации КБФ начать «свободную охоту» на суда противника. Это принесло результаты. За 229 вылетов 1943 года было потоплено 20 транспортов и выставлено у портов 445 мин. Свободное плавание германских судов в акватории Балтийского моря прекратилось.

Тем временем бои южнее Ладоги не прекращались и после прорыва блокады. Перед войсками 67-й армии Ленинградского фронта стояла задача прочно закрепиться на захваченной территории и расширить зону прорыва. Для этого здесь были размещены части 16-го укрепленного района, которые начали создавать на рубеже северная окраина 2-го городка, Рабочий поселок № 5 батальонные узлы обороны. А 20 января войска 67-й армии предприняли новое наступление. Главный удар наносился в направлении Мустолово.

142-я морская и 138-я стрелковые бригады, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, продвинулись вперед на 2 километра. Атаки 102-й стрелковой бригады, 272-го стрелкового полка из 123-й дивизии и 220-й танковой бригады, перед которыми стояла задача

Города-крепости

овладеть 1-м и 2-м городками, не достигли цели. Это объяснялось тем, что войска были ослаблены предшествовавшими почти круглосу-

Боевые действия советских и германских войск под Ленинградом в феврале—декабре 1943 года

точными боями. Перед ними же находились переброшенные с других участков фронта три пехотные дивизии вермахта и специальная Полицейская дивизия СС.

Последующие бои также не дали желаемых результатов. Противник быстро усилил свою артиллерийскую группировку пятью артполками, имевшими около 150 орудий. Германское командование принимало все меры к тому, чтобы не допустить расширения прорыва обороны. Оно активизировало разведку и явно готовилось к контрнаступлению, чтобы восстановить блокаду Ленинграда.

В сложившейся обстановке Военный совет Ленинградского фронта принял решение в феврале 1943 года нанести удар по врагу войсками 55-й армии из района Колпино на Красный Бор, Тосно.

Советскую пехоту в наступлении должна была поддерживать довольно многочисленная танковая группировка, состоящая из 1-й Краснознаменной танковой бригады (22 КВ, 19 Т-26, 4 САУ Т-26), 222-й отдельной танковой бригады (20 КВ, 20 Т-26, 3 САУ Т-26), 31-го отдельного гвардейского танкового полка прорыва (15 КВ и 9 Т-28), 46-го отдельного гвардейского танкового полка прорыва (все 20 КВ), 1-го отдельного Краснознаменного бронеполка (23 БА-10), 3-го отдельного бронеполка (21 БА-10), а также 71-го отдельного дивизиона бронепоездов (БП «Сталинец» и «Народный Мститель»).

10 февраля после двухчасовой артиллерийской подготовки 55-я армия перешла в наступление. Многие бойцы, участники прорыва блокады, умело взаимодействуя с танкистами и артиллеристами, уверенно продвигались вперед.

Отважно действовали воины 63-й гвардейской стрелковой дивизии. Первыми ворвались во вражеские траншеи батальоны капитанов И. Малашенкова и Ф. Собакина. Немцы не выдержали рукопашной схватки. К 12 часам поселок Красный Бор был очищен от противника. Преследуя отступающих, гвардейцы овладели еще несколькими опорными пунктами.

К исходу дня войска 55-й армии продвинулись на 4-5 километров и освободили населенные пункты Красный Бор, Старая Мыза, Чернышево, овладели окраиной деревни Степановка и станцией Поповка.

Для развития успеха 45-й гвардейской стрелковой дивизии, овладевшей деревней Мишкино, была введена подвижная группа, которую возглавил заместитель командарма 55-й армии генерал-майор И.М. Любовцев. Она имела задачу ударом вдоль линии Октябрьской железной дороги овладеть Ульяновкой. Однако создались исключительно трудные условия: неожиданно наступившая оттепель лишила танкистов возможности двигаться вне дорог. По этой же причине не могли встать на лыжи и подразделения 35-й отдельной лыжной бригады подполковника В.И. Волкова. Утраченная подвижность и маневренность, а также сильный артиллерийский и минометный огонь противника лишили подвижную группу возможности выполнить поставленную задачу.

В первые дни операции на левом фланге армии 43-я стрелковая дивизия полковника Я.П. Синкевича и 34-я лыжная бригада подполковника Я.Ф. Потехина отбросили противника к реке Тосно и

продвинулись на 3—4 километра. Однако дальнейшего развития наступление не получило. К 23 февраля 55-й армии удалось улучшить только свои позиции на отдельных участках.

Войска 67-й армии в феврале овладели мощным городок-ским узлом обороны немцев и 8-й ГЭС.

19 марта войска 55-й армии возобновили Красноборскую операцию. В упорных боях 208-я стрелковая дивизия и 55-я стрелковая бригада, наступавшие юго-восточнее Красного Бора на Ульяновку, прорвали оборону противника и к исходу 21 марта продвинулись до 3 километров, а два батальона 952-го стрелкового полка подполковника А.И. Клюканова вышли к северо-западной окраине Саблино. Однако противник перешел в контратаку и остановил дальнейшее их продвижение.

Таким образом, в февральско-мартовских операциях наши войска полностью не достигли поставленных целей по разгрому противника в районе Мги, однако сковали силы 18-й армии немцев и не позволили германскому командованию выделить резервы для использования их на других участках советско-германского фронта.

Кстати, во время этих боев на Волховском фронте случился любопытный эпизод, когда сын командующего Волховским фронтом генерала армии К.А. Мерецкова Владимир, также воевавший в составе этого фронта в танковых войсках, пришел на выручку своему отцу и представителю Ставки ВГК Маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову.

Лишь много лет спустя в своих воспоминаниях К.А. Мерецков очень сдержанно и кратко рассказал об этом: «В зимний период боев за Мгу произошел памятный случай... Знакомиться с обстановкой в этом районе прибыл представитель Ставки К.Е. Ворошилов. Я сопровождал его. Мы были на командном пункте дивизии, вклинившейся в расположение противника. Вдруг поднялась стрельба. Выскакиваем из землянки. В чем дело? Оказалось, что вражеский десант автоматчиков при поддержке самоходок прорвался и окружает КП. Мы, вероятно, сумели бы пробиться к своим, но, отвечая за безопасность представителя Ставки, я не мог рисковать. Связываюсь по телефону с 7-й гвардейской танковой бригадой и приказываю прислать на выручку танки. Комбриг докладывает, что все боевые машины выполняют задание, налицо один танковый взвод, да и тот после боя не в полном составе.

Делать нечего. Пока пара танков мчится к КП, организуем круговую оборону подручными силами. Несколько связистов и личная охрана развернулись в жидкую цепочку и залегли с автоматами. Минут пятнадцать отбивались. Но вот показались наши танки. Сразу же наши бойцы поднялись в атаку, следуя за танками, смяли фашистов и отбросили на полкилометра, а потом подоспевшая пехота завершила разгром прорвавшейся вражеской группы. Когда стрельба улеглась, в блиндаж вошел танкист, весь в копоти, и доложил: "Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник разгромлен и отброшен!"

Ворошилов взгляделся в танкиста и воскликнул: "Кирилл Афанасьевич, ведь это твой сын!" Климент Ефремович видел моего сына еще до войны и теперь сразу узнал его. Лейтенант Владимир Мерецков

командовал танковым взводом в 7-й гвардейской танковой бригаде. Когда я звонил в бригаду, Владимир как раз подвернулся под руку комбригу и был послан к нам на выручку»¹¹.

Так же как и германское командование в 1942 году, советское руководство решило испытать на Волховском фронте свое новое оружие — самоходно-артиллерийские полки Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК). Их начали формировать в декабре 1942 года по штату № 08/158 в составе шести батарей каждый. Из них четыре батареи имели на вооружении 16 легких самоходно-артиллерийских установок СУ-12 (СУ-76) — по четыре САУ в каждой батарее, а еще две батареи оснащались 8 средними САУ СУ-35 (СУ-122), также имевшими по 4 самоходки в каждой батарее. Всего на вооружении полка состояло 17 самоходно-артиллерийских установок СУ-76 (в том числе одна установка командира полка) и 8 средних СУ-122. Из подразделений обеспечения в полку имелись: взводы управления, боепитания, а также парковый и хозяйственный, пункт медицинской помощи и артиллерийская мастерская. Первоначально подобные артполки подчинялись командованию артиллерии.

В конце января 1943 года два первых сформированных полка — 1433-й и 1434-й, были отправлены прямо на Волховский фронт. Предполагалось, что они будут сопровождать танки и наступающую пехоту и оперативно поражать огневые точки противника. Системное реальное применение этих частей началось только в марте 1943 года. И так же, как у немцев с «Тиграми» в 42-м, использование наших САУ в боях сначала не было особенно удачным. И главной причиной являлась даже не техника, а низкая тактическая грамотность командования различных уровней, которое просто не умело компетентно применять новые виды вооружений. Разного уровня командиры и начальники периодически отдавали приказы самоходчикам наступать на врага по болотам (нетрудно понять, сколько машин там застряло и было уничтожено противником), а начальник артиллерии 1 гв. сбр как-то поставил самоходчикам задачу «артиллерийскими залпами уничтожить "кукушек" (снайперов) противника». Вот уж поистине — «из пушки по воробьям»!

Скорее всего, в неудачах наших войск на Ленинградском и Волховском фронтах в феврале—марте 1943 года нет одной-единственной причины. Немцы на этом ТВД значительно усилили свою группировку, и «задавить их численностью уже было просто невозможно»; наступила весенняя распутица, что «сковало» в первую очередь наступающие войска Красной армии, да и уровень компетентности советского командования, особенно его среднего звена (батальонного, полкового и дивизионного), оставлял пока желать лучшего.

После зимних наступательных операций на фронте велись разведпоиски и бои по улучшению своих позиций. В целях обеспечения бесперебойного снабжения войск, находящихся на левом берегу Невы, а также более надежной связи Ленинграда со страной, 3-я понтонно-мостовая бригада полковника Н.В. Соколова организовала паромные переправы и навела понтонный мост.

Малоизвестными фактами битвы за Ленинград являлись незримые поединки между абвером (германской военной разведкой) и органами НКВД, а затем и контрразведки СМЕРШ (последняя подчинялась командованию Красной армии с 3 апреля 1943 года).

Об умелой и результативной работе контрразведчиков Ленинградского фронта свидетельствовали отчеты абверкоманды-104, приданной командованию группы армий «Север» (отчет был захвачен нашими контрразведчиками в конце войны). Из 150 диверсионных германских групп, согласно этому отчету действовавших в тылу наших войск, по немецким оценкам, только две выполнили поставленные перед ними задачи. Остальные были задержаны или обезврежены нашими контрразведчиками.

Во время подготовки к проведению операции «Искра», с декабря 1942 года было задержано 38 вражеских агентов, причем одного из них — рядового из артполка 67-й армии Ленинградского фронта Буравкина, удалось захватить за несколько дней до наступления уже на льду Невы. Он переходил линию фронта, чтобы сообщить германскому командованию о дне и часе начала нашей операции.

В начале октября 1942 года контрразведке Волховского фронта сдались агенты абвера, двое из них были радистами. Началась «радиоигра». Старший разведгруппы с помощью радистов установил связь со своим центром и, получая от него задания о сборе сведений, интересующих германское командование, в течение трех месяцев давал на них ответы, которые готовились в штабе фронта.

Абвер направлял лазутчиков в расположение войск Красной армии не только для шпионажа и совершения диверсий. Наиболее доверенные, прошедшие индивидуальную подготовку агенты засылались в одиночном порядке, с особыми, тщательно засекреченными заданиями.

Старший лейтенант П.Д. Бабиков в 1943 году работал в группе офицеров особого отдела при штабе Ленинградского фронта. В задачу группы входило ограждать штаб от происков нацистской разведки. Это обязывало Бабикова регулярно инструктировать офицеров, работающих в бюро пропусков штаба на Дворцовой площади по вопросу о признаках фиктивных документов, какими снабжает своих агентов абвер — военная разведка нацистской Германии. Одним из офицеров, который хорошо знал признаки таких документов, являлся помощник коменданта штаба старший лейтенант Н.Н. Иванов.

28 мая 1943 года в бюро пропусков штаба вошел незнакомый лейтенант и, обратившись к помощнику коменданта, сообщил, что он прибыл из глубокой разведки и ему необходимо срочно попасть на прием к командующему фронтом. Старший лейтенант Иванов отлично знал, что кабинет генерала Л.А. Говорова находится в Смольном, однако посетителю он ничего об этом не сказал, а лишь попросил его предъявить личные документы. Вскоре в руках Иванова оказались удостоверение личности и командировочное предписание на имя лейтенанта Савинкова Ивана Михайловича о том, что он следует в отдел кадров Ленинградского фронта для прохождения дальнейшей службы.

Удостоверение личности было совсем новеньким. Рассматривая его, Иванов заметил, что оно содержит некоторые признаки фиктивного документа, о которых ему не раз говорил контрразведчик.

Поскольку посетитель заявил, что он прибыл из глубокой разведки, Иванов предложил ему пройти в разведотдел штаба фронта.

— Нет-нет, мне нужен только генерал Говоров. Вы не беспокойтесь, наган я сдам, — ответил Савинков.

— Хорошо, все будет сделано, — согласился Иванов. Он зашел в соседнюю комнату, где находился сержант — дежурный по бюро пропусков. Иванов написал короткую записку и шепотом приказал сержанту срочно передать записку Баби-кову. Возвратившись к себе, Иванов дождался телефонного звонка. Переговорив, сказал Савинкову, что их ждет адъютант командующего. Однако прошли они в кабинет, где находились два сотрудника контрразведки. Они приняли от Савинкова наган, после чего извлекли из кармана брюк «лейтенанта» заряженный пистолет. Один патрон находился в канале ствола. При обыске у задержанного были обнаружены различные фиктивные документы и чистые бланки с печатями, солидная пачка советских денег. О результатах обыска Савинкова был составлен подробный акт. На вопрос офицеров нашей разведки, почему он, предлагая сдать наган, умолчал о поставленном на боевой взвод пистолете в потайном кармане, Савинков ответа не дал. Не ответил он на этот вопрос и позднее. На следствии признал свою причастность к абверу, заявив, что его готовили к разведывательной деятельности в индивидуальном порядке.

За проявленную бдительность и находчивость при задержании германского лазутчика военный совет Ленинградского фронта наградил старшего лейтенанта Иванова Николая Николаевича орденом Красной Звезды. Был поощрен и молодой офицер контрразведки Петр Дмитриевич Бабилов.

На летний период 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов задачу окончательно сорвать попытку врага организовать наступление на Ленинград, сковать противника и не позволить ему перебросить силы на западное и юго-западное направления, обескровить в боях соединения 18-й немецкой армии и создать условия для последующего ее разгрома.

22 июля войска 55-й и 67-й армий Ленинградского фронта и 8-й армии Волховского фронта начали наступательную операцию, известную под названием Синявинской. После полуторачасовой артиллерийской подготовки, сочетавшейся с ударами авиации по глубине вражеской обороны, дивизии первого эшелона перешли в наступление. На фронте Арбузове, станция Синявино атаковали 63-й и 45-я гвардейские и 43-я стрелковая дивизии. Бомбардировщики и штурмовики группами по 4—6 самолетов наносили удары по артиллерийским и минометным батареям, по узлам сопротивления и ближайшим резервам. В этот день летчики 13-й воздушной армии и 2-го гвардейского Ленинградского истребительного авиационного корпуса ПВО сделали около 540 самолето-вылетов.

В полосе наступления 67-й армии Ленинградского фронта (которая сменила соединения 2-й ударной армии) в первой линии оборонялись 23,

11 и 290-я пехотные дивизии вермахта, усиленные двумя отдельными батальонами тяжелых танков¹², а также двумя дивизионами 88-мм самоходных и штурмовых орудий. В резерве в районе н/п Мга находилась 21-я пехотная дивизия вермахта.

В ходе боев противник перебросил на этот участок фронта еще 4 пехотные дивизии: 28, 212, 121-ю и 58-ю.

Группировка артиллерии перед фронтом 67-й армии состояла из пяти артиллерийских полков (орудия калибром 105—150 мм), двух дивизионов орудий большой мощности (калибр 210—240 мм), трех минометных полков, трех зенитных дивизионов, полковой и противотанковой артиллерии пехотных дивизий. Кроме того, противник мог использовать на синявинском участке до 10 артдивизионов, действующих против Волховского фронта.

Наступающие войска из 67-й армии поддерживала мощнейшая танковая группировка в составе 30-й гвардейской легкотанковой бригады, 31-го и 46-го гвардейских танковых полков прорыва, 220-й отдельной танковой бригады, 205-го и 98-го отдельных танковых полков. В ходе операции в состав танковой группировки был включен 261-й отдельный танковый полк. Также в боях участвовал 14-й отдельный дивизион бронепоездов.

30-я гвардейская танковая бригада на 22 июля имела в своем составе 2 Т-34, 8 Т-70, 57 Т-60 и 33 средних броневедомоцила БА-10, 220-я отдельная танковая бригада — 5 КВ, 25 Т-34, 3 Т-50, 18 Т-26, 4 БА-10 и четыре 76,2-мм САУ на базе Т-26. 31-й гвардейский танковый полк прорыва насчитывал 21 танк КВ и 3 БА-10, 46-й гвардейский танковый полк прорыва — 21 КВ, 10 БТ-5 и 3 БА-10. 98-й отдельный танковый полк состоял из 18 Т-34—76, 12 огнеметных ТО-34, 3 Т-70 и 4 Т-60. 205-й танковый полк имел один Т-34 и 41 легкий танк БТ-5-7, а 261-й танковый полк — 11 КВ, 16 Т-60 и 2 Т-70. Итого 278 танков, 4 САУ и 43 броневедомоцила против 120 тяжелых и средних машин¹³. Хотя соотношение и было 2,3: 1, но для прорыва глубокоэшелонированной обороны врага этих сил было недостаточно.

Артиллерийская группировка 67-й армии насчитывала 2727 ствола¹¹ (228 45-мм орудий, 516 75-мм орудий, 4 107-мм пушки, 214 122-мм гаубиц, 62 122-мм пушки, 56 152-мм гаубиц, 90 152-мм пушек-гаубиц, 12 152-мм пушек БР-2, 36 203-мм гаубиц, 15 120-мм морских орудий, 38 130-мм морских орудий, 5 180-мм морских орудий, 372 50-мм миномета, 488 82-мм минометов, 568 120-мм минометов). Без учета реактивной артиллерии наше превосходство над немцами составляло 3,4: 1.

Частично взломав передний край, наступающие части вклинились во вражескую оборону, но были встречены сильным огнем, а затем и яростными контратаками. В боях отличился 190-й гвардейский стрелковый полк 63-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием гвардии подполковника А.Г. Афанасьева, который успешно выполнил в первый день поставленную перед ним задачу. Особенно отличилась 6-я стрелковая рота гвардии лейтенанта И.А. Бабаяна и 8-я стрелковая рота гвардии лейтенанта С.С. Магомедова. Они стремительно ворвались во вражескую траншею, в рукопашной схватке

разгромили немцев и значительно продвинулись вперед. Командир роты Магомедов с группой бойцов блокировал и уничтожил 5 вражеских ДЗОТов.

Не считаясь с потерями, противник стремился во что бы то ни стало удержать район Синявино. 31 июля он бросил в бой еще одну свежую пехотную дивизию с танками и потеснил наши подразделения до 500 метров.

Бои за Синявинские высоты гвардейцы называли «наступлением на животах». Чуть ли не каждый метр приходилось преодолевать ползком. К высотам не было скрытых подступов. Воины наступали с болотистых торфяных низин, а перед ними виднелись крутые, местами обрывистые скаты. Исходный район, отвечающий требованиям наступления на сильную оборону противника, подготовить почти не представлялось возможным. Мелкие окопы быстро наполнялись водой. 63-я гвардейская стрелковая дивизия для вывода войск на исходные позиции могла использовать лишь одну болотную тропу, которая простреливалась из всех видов оружия. Все это не могло не сказаться на ходе боевых действий.

Бои были такими тяжелыми, что с другого участка фронта (поселка Сертолово) была переброшена и введена в бой 30-я гвардейская легкотанковая бригада, которая с марта находилась там на доукомплектовании. Но даже участие в операции этого прославленного соединения не изменило ее ход (после боев под Арбузовом и Синявином бригаду переправили во Все-волжское и Токсово, где она получала средние танки Т-34—76 и находилась до декабря 1943 года. — *Примеч. авт.*).

Синявинская операция длилась до 22 августа. Она имела большое значение, хотя советским войскам все же так и не удалось добиться территориальных успехов. Активные действия Ленинградского и Волховского фронтов лишили противника возможности снова выйти к Ладоге и восстановить блокаду Ленинграда. Наступавшие войска обескровили более Юпехотных дивизий врага, и немецкое командование не смогло перебросить отсюда силы на юг, где развернулись решающие сражения.

Много подвигов совершили бойцы и командиры во время синявинских боев. Пулеметчик гвардии ефрейтор И.Ф. Шушин 23 июля метким огнем уничтожил расчеты двух тяжелых пулеметов и обеспечил продвижение своей роты. Когда на другой день нацисты попытались отбить потерянные позиции, Шушин близко подпустил их и затем сносил пулеметным огнем не менее 50 немецких солдат.

Подразделение двинулось вперед, и снова в рядах атакующих шел пулеметчик-гвардеец. Когда же по стрелковым цепям открыл огонь пулемет из вражеской траншеи, Шушин прыгнул в нее и, пригнувшись, побежал к огневой точке. Из пулемета стрелял немецкий офицер. Уже раненый, гвардеец бросился на нациста и задушил его. Ивану Федоровичу Шушину, отважному бойцу 192-го стрелкового полка 63-й гвардейской стрелковой дивизии, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В боях за Синявино отличился 106-й инженерный батальон под командованием майора И.М. Соломахина. Он провел успешную ночную атаку всем батальоном, истребив в рукопашном бою до двух рот противника. Командующий фронтом наградил командира батальона И.И. Соломахина, лично руководившего атакой, орденом Суворова III степени. Все командиры подразделений и бойцы были награждены орденами и медалями.

Санструктор М. Климина под сильным артиллерийским и минометным огнем оказывала помощь раненым. В залитой водой траншее она перевязала 11 раненых и затем вынесла их с поля боя.

Героически действовали не только отдельные воины, но и целые подразделения. В ходе ожесточенного боя оказался отрезанным отряд в 214 человек во главе с командиром 129-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковником Н. Кузнецовым. Противник обрушил на отряд шквальный огонь и предпринимал одну атаку за другой. За день было отбито восемь атак. Сотни трупов вражеских солдат и офицеров усеяли поле боя. Гвардейцы тоже несли потери: к концу дня в отряде оставалось 98 человек, из них 20 раненых.

Ночью к окруженному отряду прорвались две стрелковые роты и рота автоматчиков. На следующий день они вместе отразили еще несколько вражеских атак. В девятую атаку противник бросил до двух пехотных батальонов с 15 танками.

Артиллеристы вызвали по радио огонь своих дивизионов, и снова враг не прошел.

В неравном бою героически пали многие гвардейцы, среди них подполковник Н. Кузнецов. В группе осталось 45 человек, и у каждого не более 15 патронов. Личный состав в течение двух суток не получал пищи. Капитан Павлов, принявший на себя командование, решил прорываться к своим. Утром на третий день боя 30 человек пробились, а остальные погибли.

Мужественно сражались с противником ленинградские легчики. 1 августа восемь истребителей во главе с Героем Советского Союза В.Н. Харитоновым, прикрывая войска в районе Синявино, в одном воздушном бою сбили 7 немецких самолетов.

В этот же день, патрулируя над линией фронта, группа истребителей 196-го истребительного авиационного полка во главе со старшим лейтенантом А.Д. Билукиным провела бой с 12 немецкими самолетами «Фокке-Вульф» ФВ-190. Особенно отличился Билукин, сбивший в одном бою 3 машины врага. Кроме того, в этот день он уничтожил еще один самолет противника.

Бои на советско-германском фронте летом 1943 года ознаменовались крупнейшими победами советских войск. Особое значение приобрела Курская битва, положившая начало мощному наступлению Красной армии, развернувшемуся на фронте в 1500 километров. Победы, одержанные на других театрах войны, воодушевляли воинов-ленинградцев.

5 августа Москва торжественно салтовала войскам Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов,

освободившим Орел и Белгород. Это был первый салют в честь побед Красной армии. Он вызвал ликование у защитников города Ленина. « Недалек тот день, когда столица Родины будет салютовать и нам за освобождение Ленинграда от вражеской блокады», — говорили они. Хотя германское командование пыталось воспользоваться нашими неудачами в Синявинской операции. В конце августа 1943 года немцы сосредоточили в районе Мги около 7 дивизий, намереваясь нанести контрудар и выйти к Неве и побережью Ладожского озера. Однако руководство Ленфронта разгадало замыслы врага и в основном артиллерией перемололо вражескую группировку. Попытка противника опять установить блокаду была сорвана.

15 сентября вновь разгорелись бои в районе Синявино, продолжавшиеся до 18 сентября. Перед 30-м гвардейским стрелковым корпусом генерал-майора Н.П. Симоняка, сформированном в апреле 1943 года, была поставлена частная задача прорвать очень сильно укрепленную и глубокоэшелонированную оборону противника и овладеть Синявинскими высотами. Бои, проходившие здесь ранее, показали, что для успеха атаки недостаточно подавить и уничтожить огневые точки противника, завоевать огневое превосходство, а надо еще основательно разрушить траншеи и ходы сообщения, лишить врага возможности использовать их для маневрирования. Следовало изменить и методику артподготовки, ставшую уже шаблонной. Обычно солдаты противника пережидали ее в «лисыих норах» и в других укрытиях, а когда огонь переносился в глубь обороны, спешили в передовые траншеи, чтобы встретить атакующих организованным огнем.

Надо было сделать так, чтобы огонь не прекращался по всем траншеям до самого подхода к ним нашей пехоты. Тогда командующий артиллерией фронта генерал Г.Ф. Одинцов и его штаб, возглавляемый полковником Г.М. Бруссером, выработали такую методику артиллерийского наступления, при которой два его периода — артподготовка и поддержка атаки — были слиты в один. Этот метод был назван «сползанием огня». Перед атакой артиллерийскому обстрелу подвергались все траншеи и ходы сообщения, производились огневые налеты по артиллерийским и минометным батареям. При подходе наших наступающих цепей к первой траншее на 50-100 метров батареи, стрелявшие по ней, переносили огонь на вторую траншею. Таким образом, огонь как бы сползал в глубину. При атаке второй траншеи огонь батарей постепенно перемещался на третью, при этом темп огня не менялся, оставаясь постоянным как во время артподготовки, так и в период атаки. Противник не мог определить конца артподготовки и своевременно занять оставленные траншеи¹⁵.

Утром 15 сентября наша артиллерия открыла мощный огонь по обороне противника на Синявинских высотах. Артиллеристы разрушили все три траншеи и ходы сообщения противника в полосе прорыва, а пламя огня продолжало бушевать на высотах, когда полки 45-й и 63-й гвардейских дивизий стремительно атаковали врага. Цепи стрелков шли одна за другой. Первые, не задерживаясь, проскочили три траншеи. Вторая цепь уничтожала и брала в плен немцев, вылезших из уцелевших

укрытий и засыпанных в траншеях. Так, за 30 минут была взята высота, которую прежде приходилось штурмовать по несколько суток.

Серьезную помощь в этом бою оказала гвардейцам авиация. За день летчики произвели 721 самолето-вылет. 276-я бомбардировочная авиационная дивизия нанесла удары по келколовскому узлу сопротивления и по подходящим резервам противника на участке Мга, Тосно, Новолисино. 277-я штурмовая авиационная дивизия только в течение четырех часов произвела 99 самолето-вылетов. Штурмовики уничтожили за это время 2 танка, 11 артиллерийских и 9 минометных батарей, 12 складов с боеприпасами и 4 с горючим, а также до трех батальонов пехоты¹⁶. Действия наших наземных войск, бомбардировочной и штурмовой авиации надежно прикрывались истребителями. В этот день гвардии капитан А.И. Карпов сбил два самолета ФВ-190. Впоследствии Карпов стал дважды Героем Советского Союза.

В приказе войскам Ленинградского фронта от 23 сентября Военный совет подвел итоги упорных и ожесточенных боев на синявинском направлении. В нем, в частности, говорилось, что в результате усилий войск Ленинградского фронта немецкое командование не только не смогло снять отсюда ни одной дивизии и направить на другие участки, где развернулось решительное наступление Красной армии, но, наоборот, было вынуждено перебросить с других фронтов четыре пехотные дивизии под Ленинград.

В ходе боев на синявинском направлении противник потерял убитыми и ранеными десятки тысяч солдат и офицеров, а также большое количество техники. Все вражеские дивизии, оборонявшиеся на этом участке фронта, были обескровлены, а некоторые из них, как показали пленные, почти полностью уничтожены.

В период ожесточенных боев за Синявинские высоты противник вновь резко усилил артиллерийский обстрел Ленинграда. Если в августе в черте города разорвалось 5829 снарядов, то в сентябре — 11 394.

С удалением артиллерийских группировок врага от города возросла роль авиации в борьбе с ними. В течение сентября 13-я воздушная армия совершила 559 самолето-вылетов для подавления вражеской артиллерии, ведущей огонь по городу. Два массированных удара по беззаботнинской группировке нанесла авиация дальнего действия.

29 сентября 4 штурмовика 15-го гвардейского штурмового авиационного полка во главе с младшим лейтенантом В.А. Алексеенко, ставшим впоследствии дважды Героем Советского Союза, атаковали тяжелые орудийные установки на участке железной дороги Пязелево — Новолисино.

На следующий день при подавлении батареи, стрелявшей по городу, выдающийся подвиг совершил экипаж 34-го гвардейского бомбардировочного полка в составе командира эскадрильи гвардии майора В.Н. Гречишкина, штурмана гвардии капитана А.И. Перегулова и стрелка-радиста сержанта И.Ф. Марченко. Их самолет был подбит зенитным снарядом, и майор Гречишкин направил горящую машину на дальнобойное орудие. У земли стрелка-радиста выбросило из самолета, и в бессознательном состоянии его захватили в плен. Майор Гречишкин и

капитан Перегудов отдал жизнь за город Ленина. Они удостоены звания Героя Советского Союза.

Удары советской авиации вынуждали противника часто менять артиллерийские позиции, оттягивать батареи дальше от линии фронта и зачастую вообще прекращать стрельбу.

Благодаря успеху, достигнутому гвардейцами 15 сентября, положение на Синявинских высотах заметно улучшилось. Враг не мог теперь просматривать железнодорожную линию вдоль южного берега Ладоги и корректировать огонь по ней своих батарей.

В то время как войска Ленинградского фронта вели активные боевые действия, росло и ширилось партизанское движение на оккупированной территории Ленинградской области. К маю 1943 года в тылу врага действовало пять партизанских бригад, отдельный полк и несколько десятков небольших отрядов и групп. В декабре в Ленинградской области уже насчитывалось 13 партизанских бригад, имевших в своем составе 35 тыс. бойцов.

Враг нес большие потери в боях с партизанами. Бойцы 3-й бригады за один лишь месяц пустили под откос 15 эшелонов, взорвали более 10 тыс. рельсов и разгромили 7 гарнизонов противника. Партизанская бригада под командованием Н.А. Бредникова, действовавшая на стыке Волховского и Ленинградского фронтов, с апреля и до конца года пустила под откос 75 воинских эшелонов и взорвала 9 мостов. Ленинградский штаб партизанского движения подготовил за год по специальной программе 135 командиров и политработников партизанских отрядов, 264 командира боевых разведывательных и диверсионных групп, около 2000 подрывников и разведчиков, а также 208 радистов.

Наивысшего накала достигла партизанская война осенью 1943 года. Намереваясь превратить Ленинградскую область в «зону пустыни», командование противника объявило о поголовной эвакуации населения в глубокий немецкий тыл. Оно рассчитывало, что «зона пустыни» лишит партизан возможности действовать и затруднит в дальнейшем наступление советских войск, а эвакуированное население пополнит рабочую силу на предприятиях Германии.

Приказ об угоне населения в нацистское рабство и зверские расправы над теми, кто не захотел эвакуироваться, переполнили чашу терпения русских людей. Народ взялся за оружие и, объединившись вокруг партизан, поднял восстание. Оно не было стихийным. Его подготовили подпольные центры, руководители партизанских соединений. Организаторами народного восстания на большой территории в районах Луги и Струги Красные были члены 5-й партизанской бригады, которой командовал К.Д. Карицкий. В одной из листовок, выпущенных политотделом 5-й бригады, говорилось: «К оружию, товарищи! Поднимайтесь на всенародную войну с фашистами! Своими руками оградим жен и детей наших, сестер и родителей от гитлеровцев. Поможем им уйти в леса и спрятать имущество. Все способные носить оружие — в ряды партизан!»

Ленинградский штаб партизанского движения перебросил на самолетах в повстанческие районы более 14 тыс. винтовок, 7 тыс.

автоматов, около 1200 пулеметов, 123 противотанковых ружья, 112 минометов, почти 11 тыс. мин, 80 тыс. гранат, 114 тонн взрывчатых веществ, 17 млн патронов¹⁷.

В октябре в зоне действия 5-й партизанской бригады оккупанты были разгромлены. Германские гарнизоны оставались только в районных центрах, в городах и на железнодорожных станциях. В освобожденных селах восстанавливались органы государственной власти.

Волна народного восстания охватила Псковский, Новосельский, Середкинский, Полновский и другие районы, где действовали 2-я бригада имени Н.Г. Васильева, 3-я имени А.В. Германа и 6-я бригада В.П. Объедкова. И здесь партизаны разгромили органы оккупационной власти, возродив сельсоветы. Позднее вооруженное народное восстание вспыхнуло в Гдовском, Сланцевском, Осьминском и Лядском районах. Захватило оно также часть Волосовского и Лужского районов. Организатором народного восстания здесь выступила 9-я партизанская бригада, которой командовал И.Г. Светлов.

Советские войска и партизаны вырвали инициативу из рук врага. Теперь германское командование уже не помышляло о захвате Ленинграда. Оно принимало меры, чтобы любой ценой удержаться на занимаемых рубежах. Противник начал спешно готовить свои оборонительные позиции на линии река Нарва, Чудское озеро, Псков, Остров и по рекам Оредеж, Луга, Плюса, Шелонь.

Еще шли летне-осенние бои по расширению прорыва вражеской обороны, а Военный совет Ленинградского фронта (деятельность которого была высоко оценена Ставкой — 17 ноября 1943 года Л.А. Говорову было присвоено звание генерала армии), получив указания от Верховного Главнокомандования, приступил к подготовке операции по полному снятию блокады и очищению Ленинградской области от германских захватчиков.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ Еще 19 июля 1942 года главный штаб сухопутных войск (ОКХ) германской армии приказал «провести наступление на Ленинград с целью овладеть городом». Именно поэтому Гитлер отменил переброску на Кубань освободившейся под Севастополем 11-й армии Манштейна и дал указание направить ее на север, «чтобы занять Ленинград». Операция получила кодовое название «Нордлихт» («Северное сияние»). 23 августа 1942 года о штурме Ленинграда шла речь на заседании германской ставки. Планировалось в течение 6-дневного подготовительного периода обрушиться на город мощными силами авиации и артиллерии сверхтяжелых калибров, провести террористические акции против руководства города, фронта и основных промышленных предприятий, и таким образом нарушить всю организацию обороны Ленинграда и парализовать «массы рабочих и гражданского населения». Руководство операции по штурму города было поручено Манштейну. Гитлер поставил перед ним задачу «занять Ленинград и сровнять его с землей». Срок наступления намечался на 14 октября.

² Волховский фронт начал наступление 27 августа 1942 года, 8А этого фронта наступала в направлении Синя-вино. Ленинградский фронт в этой операции проводил вспомогательные действия, осуществляя «встречную» наступательную операцию.

³ Командующего 11-й армии.

⁴ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, лл. 2—4.

⁵ Командующий генерал-полковник Линдеман.

⁶ Ф.К. Румянцев. Огнем и тараном. Ленинград, Лениздат, 1971, с. 18—20.

⁷ Маршал Мерецков: Сб. документальных повестей и воспоминаний. Из юбилейной серии «Полководцы России». М.: «Менеджер», 2000, с. 177—178.

⁸ ЦАМО, ф. 424, оп. 10246, д. 86, лл. 165—171.

⁹ А.В. Басов. Советский флот на защите социализма. М.: «Просвещение», 1985, с. 128-130.

¹⁰ ЦАМО, ф. 362, оп. 6169, д. 53, л. 47.

¹¹ В сборнике «Танкисты в сражении за Ленинград» поединок Д.И. Осатюка и И.М. Макаренко на Т-60 с «Тиграми» датируется 18 января 1943 года (« на рассвете 18 января у Рабочего поселка № 5»), что не соответствует действительности, но очень удобно для пропагандистской работы. Реальные данные приведены по отчетам ЦАМО и книге комиссара 61 лтбр Ф.К. Румянцева «Огнем и тараном» (Лениздат, 1971).

¹² В советских разведсводках даже указаны номера батальонов германских тяжелых танков: 502-й и 504-й, однако германские источники этой информации не подтверждают. По немецким документам 502-й отдельный батальон уже убыл с этого участка фронта, а 504-й, если и был сформирован, то вообще не использовался в боях.

¹³ Видимо, в реальности количество германских танков и самоходок не превышало 60, так как штат дивизиона самоходных или штурмовых орудий насчитывал 31 машину. Отдельный батальон тяжелых танков «Тигр» в тот период также имел в своем составе 31 штатный танк.

¹⁴ ЦАМО, ф. 38, оп. 80040 сс, д. 230, л. 178.

¹⁵ «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, с. 68.

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 362, оп. 6169, д. 2, лл. 199—201.

¹⁷ ЛПА, ф. 24, оп. 2, ед. хр. 1072а. л. 78.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Краткое описание штаба АБТУ Ленинградского фронта деятельности танковых войск фронта в операции по форсированию р. Нева войсками Невской оперативной группы с 26 сентября по 7 октября 1942 года (ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, л. 15).

2. Краткий отчет штаба АБТВ Ленинградского фронта об участии танков в операции Невской оперативной группы по форсированию р. Нева в районе Невская Дубровка в сентябре—октябре 1942 г. (ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 1661, лл. 14—18).

3. Доклад командующего БТ и МВ Ленинградского фронта о боевых действиях танковых войск фронта с 10 по 18 января 1943 года (ЦАМО, ф. 38, оп.800400, д. 1, лл. 73—92).
4. Доклад командующего БТ и МВ Ленинградского фронта о боевых действиях танковых войск фронта с 10 по 18 февраля 1943 года (ЦАМО, ф. 217, оп. 1283, д. 217, лл. 109—122).
5. Доклад штаба БТ и МВ Ленинградского фронта от 9.8.43 г. на тему «Боевое использование танков по опыту боев на Ленинградском фронте» (ЦАМО, ф. 38, оп. 80040 сс, д. 230, лл. 176—182).
6. Доклад командующего БТ и МВ Волховского фронта о боевых действиях бронетанковых войск фронта за январь 1943 года (ЦАМО, ф. 38, оп. 80040 сс, д. 63, лл. 78—82).
7. Доклад штаба УК БТ и МВ Волховского фронта о боевых действиях БТ и МВ фронта за февраль 1943 года (ЦАМО, ф. 204, оп. 113, д. 23, лл. 216—219).
8. Описание боевых действий танковых частей 67А в период прорыва блокады г. Ленинграда с 12 января по 5 марта 1943 года (ЦАМО, ф. 424, оп. 10246, д. 86, лл. 165—171).
9. Отчет штаба войск АБТВ 55А о боевых действиях танковых войск армии с 10 по 18 февраля 1943 года (ЦАМО, ф. 411, оп.10209, д. 106, л. 316).
10. Доклад штаба Управления командующего БТ и МВ 2 Уд. А о боевых действиях танковых войск армии за январь 1943 года (ЦАМО, ф. 204, оп. 80040 сс, д. 63, лл. 88—94).
11. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с, ил.
12. *Басов А.В.* Советский флот на защите социализма. М.: Просвещение, 1985. 224 с, ил.
13. Маршал Мерецков: Сб. документальных повестей и воспоминаний. Из юбилейной серии «Полководцы России». М., «Менеджер», 2000. 320 с.
14. *Румянцев Ф.К.* Огнем и тараном. Ленинград: Лениздат, 1971. 168 с.

ШТУРМ БУДАПЕШТА

29 октября 1944 — 13 февраля 1945 года

Штурм Будапешта вошел в историю Второй мировой войны как одно из кровопролитнейших сражений, которое вели советские войска за населенный пункт противника. Эта битва продолжалась 108 дней и стоила противоборствующим сторонам огромных потерь. Одной из причин столь длительной обороны города являлась насыщенность немецко-венгерского гарнизона Будапешта элитными соединениями рейха — войсками СС. Но Красная армия сумела сломить сопротивление врага и очистила столицу Венгрии от нацистов и их приспешников.

ОБСТАНОВКА НА ТВД

К концу октября 1944 года обстановка на южном фланге советско-германского фронта выглядела следующим образом.

2-й Украинский фронт маршала Р.Я. Малиновского продвигался к Венгрии с юго-востока. Правее, обтекая «карпатский выступ» противника с трех сторон, действовали войска 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова, а южнее, на территории Югославии, сражался 3-й Украинский фронт маршала Ф.И. Толбухина. Были созданы условия для охвата противника в Венгрии и Северной Трансильвании. Ближе всех к Будапешту находились войска 2-го Украин

ского фронта. Им отводилась главная роль в освобождении венгерской территории.

Германское командование противопоставило наступающим советским войскам группу армий «Юг» под командованием генерала Фриснера, включив в нее 6-ю и 8-ю немецкие, 2-ю и 3-ю венгерские армии — всего 29 дивизий и 5 бригад, и 3 дивизии группы армий «Ф» — 3500 орудий и минометов, 300 танков и около 550 самолетов из 4-го воздушного флота.

Генерал-полковник Фриснер, ставший командующим группой армий «Юг», образованной на базе группы армий «Южная Украина», в конце октября издал приказ следующего содержания: «...чем больше мы приближаемся к нашей родине, тем фанатичнее должна быть борьба, ибо теперь дело идет о собственном доме. Слышали ли вы зов немецкого фольксштурма? Для нас, закаленных в боях фронтовиков, это — святейшая обязанность. Кто не осознает ее, кто не отдается всецело борьбе, где бы это ни было, — недостоин быть немцем и попирает свою честь. Смотрите друг на друга, солдаты, и следите, чтобы малодушные и трусливые не сохраняли права на жизнь в нашем боевом содружестве за честь и свободу нашего отечества. Наша армейская группа — самый отдаленный от родины вал против большевистского натиска. Требуется всеми средствами уничтожить врага в предполье, пока он еще не достиг наших границ и мы еще обладаем свободой передвижений. Этим мы окажем лучшую помощь нашим союзникам, которых тоже касаются наши задачи... Так что все к борьбе, вплоть до ножей!»¹

Однако задержать советские войска уже ничто не могло. По решению Ставки ВГК они осуществили на юго-западном стратегическом направлении серию наступательных и оборонительных малых и больших операций. Первой из них была упредившая вражеские контрудары Дебрецен-ская наступательная операция 2-го Украинского фронта, который после усиления его Ставкой к началу октября имел 7-ю гвардейскую, 27, 40, 46, 53-ю общевойсковые и 5-ю гвардейскую танковую армии, 18-й танковый корпус, конно-механизированные группы И.А. Плиева и СИ. Горшкова, 5-ю воздушную армию, а также румынскую добровольческую дивизию имени Тудора Владимиреску — всего 40 стрелковых дивизий, 3 танковых, 2 механизированных и 3 кавалерийских корпуса с 10 200 орудиями и минометами, 750 танками и самоходно-артиллерийскими установками, 1100 самолетами. Кроме того, фронту подчинялись 1-я и 4-я румынские армии.

Командующий фронтом решил нанести главный удар из района Орадя в направлении на Дебрецен и вспомогательный — войсками правого крыла фронта с целью овладения районом Клуж, Сату-Маре и Карей, содействуя 4-му Украинскому фронту в проведении Карпатско-Ужгородской операции. На левом крыле предусматривался разгром врага на восточном берегу реки Тиссы для обеспечения левого фланга главной ударной группировки фронта.

Характерной особенностью в планировании операции явилось необычное использование танковых войск. Учтя слабую, очаговую оборону противника, наличие подавляющего превосходства в силах и средствах над ним, Р.Я. Малиновский приказал 6-й гвардейской танковой армии А.Г. Кравченко и конно-механизированной группе И.А. Плиева наступать

Города-крепости

в первом эшелоне ударной группировки для прорыва тактической зоны обороны врага и развития успеха в оперативной глубине. По расчетам командующего, такой вариант использования подвижных войск привел бы к мощному первоначальному удару по противнику, не успевшему создать прочную оборону. И это действительно удалось.

Несмотря на сильное противодействие противника в районе Орадя, вводом в сражение крупных резервов, продвижение войск Р.Я. Малиновского осуществлялось по всему фронту, а танковая армия А.Г. Кравченко совместно с группами И.А. Плиева и С.И. Горшкова ударом по сходящимся направлениям овладела Дебреценом — важным узлом вражеской обороны. К концу операции — 28 октября — войска фронта за 23 дня освободили восточные и северо-восточные районы Венгрии, вышли на Тиссу от Чопа до Сольнока, продвинулись на 130—275 км, разгромив 10 вражеских дивизий, пленив 42 тысячи солдат и офицеров и уничтожив большое количество военной техники противника, помогли 4-му Украинскому фронту преодолеть Карпаты и овладеть Ужгородом, Мукачево.

После Дебреценовской операции Верховный Главнокомандующий приказал 2-му Украинскому фронту 29 октября перейти в наступление на венгерскую столицу. Оно вызывалось политическими соображениями и обеспечивалось возможностями советских войск, которые превосходили врага в

2 раза по пехоте, в 4,5 — по орудиям и минометам, в 1,9 — по танкам и самоходно-артиллерийским установкам, в 2,6 — по самолетам. Значительный перевес 2-го Украинского фронта в силах и средствах являлся предпосылкой для разгрома главных сил группы армий «Юг» на северо-восточных подступах к Будапешту. Однако Ставка приказала осуществить прорыв к Будапешту с юго-востока силами 46-й армии с двумя гвардейскими механизированными корпусами. При выработке такого решения она исходила из слабости обороны юго-восточных подступов к столице Венгрии.

Армия перешла в атаку днем 29 октября после короткой, но мощной артиллерийской подготовки, и оборона противника была прорвана. На рассвете 30 октября комфронтом ввел в прорыв 2-й гвардейский механизированный корпус. 2 ноября войска левого крыла фронта вышли с юга на подступы к Будапешту. Немцы вынуждены были из района Мишкольца, вдоль своей обороны по Тиссе, перебросить сюда на помощь 3 танковые и 1 механизированную дивизии, которые не позволили советским войскам ворваться в город с ходу. Тем самым противник значительно ослабил защиту Будапешта на северо-востоке — на дальних подступах к городу.

Военный совет 2-го Украинского фронта приложил максимум усилий, чтобы в трудных условиях многодневных боев, несмотря на усталость войск, сильную растянутость их коммуникаций, несвоевременный подвоз боеприпасов, выполнить поставленные задачи. В результате войска фронта за полмесяца наступления, начавшегося 11 ноября, продвинулись на 100 км в северо-западном направлении и подошли к внешнему обводу обороны Будапешта.

Убедившись по докладу Военного совета 2-го Украинского фронта, что наступление широким фронтом в дальнейшем нецелесообразно, Ставка

приказала Р.Я. Малиновскому создать решительное превосходство над противником в полосе 7-й гвардейской армии, введя в бой 6-ю гвардейскую танковую армию и вслед за ней группу И.А. Плиева, а также сосредоточив здесь не менее 2 артиллерийских дивизий прорыва для выхода севернее Будапешта. Наступление предлагалось возобновить не позднее 2—3 декабря 1944 года.

В результате последовавшего наступления войска фронта вышли к Дунаю севернее и северо-западнее Будапешта, отрезав противнику пути отхода на север. На левом крыле фронта 46-я армия форсировала Дунай и устремилась вперед с целью обхода Будапешта с юго-запада; затем, встретив сильное сопротивление противника, перешла к обороне и 12 декабря вошла в состав войск 3-го Украинского фронта, которые перерезали коммуникации противника западнее Будапешта.

После этого Ставка поставила задачу — 3-му Украинскому фронту из района озера Веленце и войскам Р.Я. Малиновского из района Шаги повести встречное наступление на Эстергом с целью окружения и уничтожения будапештской группировки. Этот замысел был выполнен полностью.

26 декабря 1944 года войска 2-го Украинского фронта полностью блокировали столицу Венгрии город Будапешт и приступили к ликвидации окруженных там сил, а войска 3-го Украинского фронта заняли оборону на внешнем обводе окружения. К этому периоду Венгрия оставалась последним союзником Германии на европейском ТВД и падение Будапешта могло подорвать желание венгров сопротивляться вообще. Однако решимость удержать последнего союзника не была главным мотивом в борьбе за венгерскую территорию. Контроль над нефтяными месторождениями в районе озера Балатон — вот что заставляло Гитлера перебрасывать на южный фланг советско-германского фронта все новые и новые соединения. Так военная экономика стала причиной наиболее яростных сражений 1945 года.

СИЛЫ И СРЕДСТВА ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН

Завершив 26 декабря 1944 года окружение будапештской группировки противника, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов приступили к ее ликвидации. К 1 января 1945 года они занимали следующее положение. В восточной части города — Пеште — действовали левофланговые корпуса 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта и 7-й румынский корпус. Остальные войска фронта занимали оборону на левом берегу реки Грон — от ее устья и далее на север до Турина. В резерве фронта находилась 6-я гвардейская танковая армия.

Основные силы 3-го Украинского фронта были сосредоточены на внешнем фронте окружения: 4-я гвардейская армия совместно с 7-м механизированным корпусом вела боевые действия на правом берегу Дуная западнее Эстергома и далее на юг до озера Балатон. 57-я армия перешла к обороне южнее Балатона до реки Драва у Барча. Далее на юг до Торянца должна была занять оборону 1-я болгарская

Города-крепости

армия, сменив действовавшие здесь югославские соединения; 46-я армия со 2-м гвардейским механизированным корпусом вела бои фронтом на восток против немцев, оборонявшихся в западной части города — Буда. В резерве фронта находились 18-й танковый и 5-й гвардейский кавалерийский корпуса.

К 1 января 1945 года на территории Венгрии против войск 3-го Украинского фронта находились 1,13, 23-я танковые дивизии вермахта, 203-я бригада штурмовых орудий, 239-я бригада штурмовой артиллерии, 219-й батальон штурмовых танков, 3-я и 4-я кавалерийские бригады вермахта, а также не менее 20 пехотных, горных и легких пехотных дивизий. Этих сил было вполне достаточно для ведения оборонительных действий на южном фланге советско-германского фронта в

7 Города-крепости

193

течение 2—3 месяцев, тем более что ближайшей задачей советских войск являлась ликвидация окруженной будапештской группировки.

Однако по решению Гитлера, чтобы переломить ситуацию в свою пользу, на территорию Венгрии началась переброска элиты наземных войск рейха — танковых дивизий СС.

Германское руководство приказало будапештскому гарнизону оборонять город до последнего солдата, согласовывая свои действия с наступлением войск извне. Официальный военный комментатор германского радио заявил, что за Будапешт «будут драться... от дома к дому, от улицы к улице». Немцы готовились любой ценой удержать свои позиции.

В самом городе Будапеште войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов был отрезан и окружен 9-й горный корпус СС (IX. 88-СеВг&э-Агтекогрз) под командованием обергруппенфюрера и генерал-полковника войск СС фон Пфеффер-Вильденбруха (88-Обег^гирреп1"иеБегг уоп P1вНег-УУПдег^гисп). В состав корпуса входили или были ему оперативно подчинены следующие соединения: 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер» (8.38-Кауа11епе-В1у1зюп «Иопап Оеуег»), 22-я добровольческая кавалерийская дивизия СС «Мария Терезия» (22.33-ГегггШееп-Кауа11епе-БМзюп «Мапа Т^Бегеза»), 13-я танковая дивизия вермахта (13.Рапгег-01У1зюп), танковая дивизия вермахта «Фельдхернхалле» (Рапгег-01у1зюп «КеИ^БеггпБаПе») без 93-го панцергренадерского полка. По некоторым данным, в составе окруженной группировки находились также части 18-й пан-цергренадерской дивизии СС «ХорстВессель» (18.88Рап2ег-Сгепасиег-В1у1зюп «Ногз1 \Уеззе1»). После состоявшегося факта окружения 9-му горному корпусу СС был оперативно подчинен 1-й армейский венгерский корпус под командованием генерала Иштвана Хинди (1з^уап Нтс-у) в составе 10-й и 12-й пехотных дивизий, частей 1-й танковой дивизии и 1-й кавалерийской дивизии. Всего в Будапеште были окружены 25 тысяч немецких и 45 тысяч венгерских солдат ².

Большинство немецких соединений собиралось сражаться до последнего патрона. Приказ командира 9-го горного корпуса СС Пфеффер-Вильденбруха, изданный на третий день окружения, гласил:

«Мы перенесли тяжелые бои. Нам предстоит пережить суровые дни. Мы пересилим их прочным содружеством оружия, товариществом, взаимной выручкой. Мы сумеем сковать большие силы противника, чтобы остановить натиск Востока на нашу родину. Фюрер при этом нас не забудет. Каждое подразделение, каждый солдат должны любой ценой держаться, чтобы наше кольцо не было разорвано... Я уверен, что каждый офицер, унтер-офицер и солдат будапештского гарнизона будет фанатично сражаться, верный присяге. Все для свободы Германии и Венгрии!»³

...Однако на практике морально-психологическое состояние солдат будапештского гарнизона вовсе не было однородным. Особенно это касалось венгерских солдат. 15 октября 1944 года венгерский правитель-регент Хорти попытался выйти из войны, заключив со странами антигитлеровской коалиции перемирие. Но по прямому приказу Гитлера венгерское руководство было низложено. Будапештский замок — резиденция Хорти была захвачена спецкомандой под руководством Отто Скорцени при поддержке парашютистов СС. Захват министерств, важнейших общественных зданий и вокзалов Будапешта осуществили подразделения 22-й добровольческой кавалерийской дивизии СС «Мария-Терезия». Регент, адмирал Хорти, перешел под покровительство генерала СС Пфеффер-Вильденбруха и был затем вывезен Скорцени в Германию. Новым «вождем» Венгрии был назначен руководитель национальной фашистской организации Ференц Салаши. После подобной «рокировки» некоторые венгерские военачальники начали делать новую карьеру, переходя на сторону Красной армии. Так, сдался советскому командованию генерал-полковник Миклош Бела — командующий 1-й венгерской армией, а затем капитулировал начальник генерального штаба генерал Вереш. По этому поводу командующим 6-й армии вермахта был издан секретный приказ: «Учащающиеся случаи перехода целых венгерских соединений на сторону врага заставляют меня прийти к убеждению... Я приказываю: при установлении попытки перехода

1”

195

венгерских солдат или соединений на сторону врага надлежит немедленно открывать сосредоточенный огонь всех видов орудия по предательским ордам. Каждый должен знать: кто слишком труслив, чтобы умереть с честью, тот погибнет позорной смертью!»⁴

В целом же большинство венгерских частей не перешло на сторону Красной армии и продолжало с оружием в руках сопротивляться советским войскам.

8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер» была сформирована 12 марта 1944 года на базе 8-й кавалерийской дивизии СС и укомплектована этническими немцами, в том числе 18-й кавалерийский полк немцами — выходцами из России. Это было одно из самых лучших кавалерийских соединений Германии, названное в честь средневекового рыцаря, сражавшегося на стороне реформатора Лютера в крестьянских войнах 1522—1525 годов. На 20 сентября 1944 года численность дивизии

достигала 14 040 человек: 258 офицеров, 1597 младших командиров и 12 185 рядовых. Дивизия состояла из трех кавалерийских полков: 15, 16-го и 18-го, 8-го артиллерийского моторизованного полка СС, 8-го зенитно-артиллерийского дивизиона 37-мм пушек, 8-го саперного батальона (этого подразделения в окруженном Будапеште не было. — *Примеч. авт.*) и других более мелких подразделений. Командовал дивизией бригадефюрер и генерал-майор войск СС Иоахим Румор.

22-я добровольческая кавалерийская дивизия СС «Мария Терезия», названная в честь императрицы Австро-Венгрии, была сформирована осенью 1944 года с использованием частей 8 кд СС. В частности, в состав этого соединения из 8 кд СС был передан 17-й кавалерийский полк. Структура 22 кд СС была сходна с организацией кавдивизии «Флориан Гейер» (3 кавалерийских полка, части огневой поддержки и обеспечения), за исключением того, что она комплектовалась этническими венграми (первое название дивизии — «Венгрия». — *Примеч. авт.*), во главе которых были поставлены немецкие командиры. Дивизией командовал Август Цеендер, бригадефюрер и генерал-майор войск СС.

Обе кавалерийские дивизии СС имели в своем составе танкоистребительные дивизионы (88-**Panzer**[^]ае§ег-АМеИип§ 8, 88-**Panzer**-Лае§ег-АМеПип§ 22), состоящие из двух батарей САУ [^]дсграпег 38 «Хетцер» по 14 машин в каждой для 8-й кавалерийской дивизии СС и по 10 самоходных установок — для 22-й кавалерийской дивизии СС. Также в каждой из кавалерийских дивизий в составе танкоистребительных дивизионов вместо 3-й батареи числилась танковая рота, оснащенная танками итальянского производства М15/42 (в составе 14 и 10 танков соответственно)⁵.

18-я добровольческая панцергренадерская дивизия «Хорст Вессель», названная в честь погибшего штурмовика национал-социалистической партии Германии, была сформирована из венгерских фольксдойче в 1943 году. Видимо, в Будапеште находилось какое-то подразделение данной дивизии, притом весьма незначительное. Кроме пехотных и артиллерийских частей 18-я панцергренадерская дивизия СС имела в своем составе 31 штурмовое орудие 81нС III. Сколько этих машин присутствовало в осажденном Будапеште, авторам книги не известно.

Кроме войск СС в осажденном Будапеште находились также соединения вермахта и венгерские части.

Самыми мощными соединениями вермахта из попавших в «котел» частей были танковые дивизии: 13 тд и тд «Фельдхернхалле». Бронетанковая техника этих танковых дивизий поддерживала пехоту СС в уличных боях, так как собственно моторизованные полки этих тд или в «котел» не попали вообще, или сражались в Будапеште отдельными подразделениями.

Танковая группировка вермахта, состоящая из 13-й танковой дивизии и танковой дивизии «Фельдхернхалле», была оснащена танками Pг.КрГ[^].У «Пантера», танками-истребителями P2.1У/70(У) и 37-мм ЗСУ Пакрг. Обе дивизии, переформированные и укомплектованные в ноябре 1944 года, имели в своем составе каждая по 36 танков Pг.Кр1:т. V «Пантера» в трех ротах, 11 Pг. 1У/70(У) в танкоистребительной батарее и 4 ЗСУ

Иакрг во взводе ПВО. Артиллерийские полки дивизий по укомплектованности материальной части отличались между собой. В артиллерийском полку танковой дивизии «Фельдхернхалле» в 1-м и 3-м артиллерийских дивизионах числилось по шесть 150-мм орудий типа «Хум-мель» (8а.КГг.165), в 13-й танковой дивизии (13-й артиллерийский полк) преобладали 150-мм самоходные орудия зЮ 33 аиг ГаЬгеезЪеП С\<У 38(1;) (8а.Шг. 138/1) и 105-мм самоходные орудия типа «Веспе» (За.К.12.124). Транспортёры артиллерийских боеприпасов также монтировались на базе самоходного орудия «Веспе» без установки артиллерийского вооружения. В 13-м артиллерийском полку было несколько бронетранспортеров огневой поддержки 8а.К12.251/9, оснащенных 75-мм короткоствольной пушкой Б/24.

Разведывательные батальоны вышеописанных танковых дивизий имели в своем составе броневые автомобили 8а.К1*г.234, а также некоторое количество разведывательных гусеничных машин, даже таких экзотических, как 8а.КГг. 140/1 на базе чешского танка Рг.КрГлу.38 (Б).

Кроме войск СС в Будапеште находились 10-я смешанная венгерская пехотная дивизия и 12-я резервная венгерская пехотная дивизия, а также части и подразделения 1-й венгерской танковой дивизии, группа штурмовой артиллерии «ВШпгЪег» (1-я рота броневых автомобилей, 6,8,9,10-я батареи штурмовой артиллерии), части зенитной артиллерии, а также ополчение салашистов из организации «Скрещенные стрельы».

10-я смешанная пехотная венгерская дивизия была сформирована из линейных полков корпусного подчинения (за что и получила свое название. — *Примеч. авт.*) в середине 1943 года. В 1944 году она имела в своем составе 6,8-й и 18-й пехотные полки, 10,11,12-й и 74-й артиллерийские дивизионы, 7-й разведывательный и 53-й инженерные батальоны.

12-я резервная пехотная венгерская дивизия была сформирована из запасных полков корпусного подчинения (за что и получила свое название. — *Прим. авт.*) в 1943 году. В ее составе находились 36, 38,48-й пехотные полки, 40, 41,84-й артиллерийские дивизионы, 12-й разведывательный и 74-й инженерные батальоны.

В составе этих дивизий к январю 1945 года находилось около 12 000 человек личного состава.

1-я танковая дивизия венгерской армии состояла из 1-го танкового полка, 1-го моторизованного пехотного полка, 1, 5, 51-го артиллерийского дивизионов, 51-го противотанкового дивизиона, 1-го разведывательного и 1-го инженерных батальонов.

1-я кавалерийская (гусарская) венгерская дивизия состояла из 2, 3, 4-го кавалерийских полков, 1-го танкового батальона, 1,3, 55-го артиллерийского дивизионов, 1-го разведывательного и 4-го инженерного батальонов.

В 1-й венгерской танковой дивизии в составе трехбатальонного танкового полка в сентябре 1944 года находился 61 танк «Туран I» и 63 танка «Туран II» (Тигап I, Тигап II). Всего в батальоне по штату полагалось 39 средних танков, остальные машины были командирскими. Дивизион противовоздушной обороны 1-й танковой дивизии имел в своем

составе 39 40-мм ЗСУ «Нимрод» (Нетгос1). Разведбатальон дивизии включал в себя роту (14) бронеавтомобилей «Чабо» (СзаБа). Однако к декабрю 1944 года в 1-й танковой дивизии оставалось только около половины списочного состава танков и самоходных установок.

В 1-й венгерской кавалерийской дивизии в 1-м бронекавалерийском батальоне четырехротного состава, согласно штату, должно было быть 84 танка «Туран» и «Голди», 23 бронеавтомобиля «Чабо» и 4 ЗСУ «Нимрод». Точное количество танков и САУ, оставшихся в окруженном Будапеште в начале января 1945 года, авторам книги неизвестно.

Отдельные дивизионы штурмовых орудий (30 танков и САУ) были оснащены 105-мм САУ типа «Зриньи» или 75-мм САУ типа «Хетцер» (по 9 машин в каждой батарее) и средними танками «Туран II» (по 3 машины в дивизионе, которые использовали командиры батарей). Следует заметить, что, по венгерским данным, в Будапештский гарнизон входила группа штурмовой артиллерии «ВШШГегг»: рота из 14 бронеавтомобилей и 4 батарей САУ «Зриньи» и «Хетцер». По другим источникам, в том числе и по советским разведсводкам, в Будапеште сражались 20-й и 24-й отдельные дивизионы штурмовой артиллерии. 20-й дивизион имел на вооружении

САУ «Зриньи» (10—12 машин) и «Хетцер» (до 15 машин), 24-й дивизион — только «Зриньи». По всей видимости, речь в обоих случаях шла об одной и той же группировке штурмовой артиллерии, которую сформировали в Будапеште на базе батарей 20-го и 24-го отдельных дивизионов штурмовой артиллерии. Численность этого соединения колебалась в пределах 40 танков и САУ.⁶

Кроме собственно танковых соединений в пехотных дивизиях, оборонявшихся в Будапеште, числилось по взводу бронеавтомобилей «Чабо» (4 машины). В боях за Будапешт венгры использовали танкетки итальянского производства СУЗ/35(37.М) из учебного подразделения Академии национальной обороны. Также на улицах города были замечены совсем уж экзотические машины, вроде трофейного танка МК II «Матильда» (Ма+ЛЫа) английского производства, однако определить их государственную принадлежность (немецкий или венгерский. — *Примеч. авт.*) авторам до настоящего времени не удалось.⁷

ХОД ШТУРМА ГОРОДА (26 ДЕКАБРЯ 1944 — 13 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА)

Перед началом операции командующий 2-м Украинским фронтом находился на наблюдательном пункте фронта в Тис-сафельдваре. Ему принесли план города со всеми деталями: бульварами в 3 кольца, которые пересекались радиально расходящимися от центра улицами, фабриками и заводами, располагавшимися в южной половине левобережной части города; правительственными и военными учреждениями и иностранными представительствами; вокзалами и многочисленными рынками; парками, дворцами, памятниками культуры и искусства; анфиладой мостов (на 15-км протяжении Дуная через город их было 7, в том числе 2 железнодорож-

ных), которые славились своей красотой. В Будапеште на горном рельефе, возвышающемся над всей левобережной частью города, виднелись виллы с Баконским лесом.

Кварталов в Пеште было очень много. Топографы насчитали около 5 тысяч. По данным разведки, основу обороны левобережной части Будапешта составляли узлы сопротивления из нескольких кварталов и опорные пункты в них из одного и более зданий. Полукольцевые оборонительные линии упирались своими флангами в Дунай. Отсечные позиции проходили по радиальным улицам.

Перед войсками левого крыла 2-го Украинского фронта находился внешний городской обвод Пешты, возведенный по линии Дунакеси, Геделле, Ишасег, Илле, Ракоцилигет, Сигет-сентмиклош. Перед центром и правым крылом фронта противник оборонял восточную часть города, далее — правый берег реки Грон до Турина. 6-я гвардейская танковая армия была сосредоточена в тылу фронта. Основные силы 3-го Украинского фронта образовали внешний, а его 46-я армия со 2-м гвардейским механизированным корпусом — внутренний фронты окружения противника в западной части Будапешта.

После изучения обстановки на КП Малиновский на самолете поднялся в воздух, чтобы рассмотреть Будапешт и окрестности, лучше изучить местность и передний край своих войск и противника. Командующий внимательно разглядывал бескрайние просторы с черными лесами, городами без единого огонька и синими реками. Вдоль переднего края, удаляясь и приближаясь к нему, а местами и пересекая его, тянулись темные узкие ленты рокадных железных и шоссейных дорог. Вспыхивали и гасли огоньки ружейно-пулеметной перестрелки. Осветительных ракет становилось меньше. А вот и панорама Будапешта. Командующий увидел поблескивавшие позолотой куполов и шпилей соборы, которые возвышались над не спавшим городом...

Для немецкого политического руководства окружение Будапешта означало не только потерю крупной войсковой группировки. После уничтожения союзнической авиацией германских нефтеперерабатывающих заводов в Дании и складов топлива на территории Германии немецкая военная промышленность была жестко ограничена в использовании нефтяных месторождений, одно из которых находилось в районе озера Балатон. Кроме этого, после захвата столицы Венгрии советские войска, освободившиеся в результате этой операции, были бы непременно брошены в наступление именно в Центральной Венгрии. Таким образом, падение Будапешта открывало Красной армии прямой путь на Вену и в южные районы Германии.

После того как Гитлер принял политическое решение начать операцию оказания помощи осажденному гарнизону, немецкое командование разработало серию деблокирующих контрударов под кодовым наименованием «Конрад» (Kohngad).

Согласно плану «Конрад Ъ», основной удар по советским войскам наносил 4-й танковый корпус СС (1У.88-**Рап2егкогрэ**) в составе 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» (3.88-Рапгег-Бп^бюп «**ТоЪепкор1**») и 5-й дивизии СС «Викинг» (5.88-**Рап2ег**-В1У15юп

«\Укте»), которые незадолго до этого были переброшены в Венгрию из-под Варшавы. По советским разведанным, в 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» ориентировочно было 110 танков: 90 средних и тяжелых, а также 20 СУ. В составе 5 тд СС на 2 января 1945 года, по советским оценкам, было 100 танков.

Корпусом командовал генерал-лейтенант войск СС Герберт Гилле. Немецкие солдаты называли его «черный генерал».

3-я танковая дивизия «Тотенкопф» («Мертвая голова». — *Примеч.. авт.*) являлась одним из лучших соединений войск СС и была в основном укомплектована немецкими добровольцами. Организованная по штатам 1944 года, она состояла из двух мотопехотных полков (5-й мотопехотный полк «Туле» и 6-й мотопехотный полк «Теодор Эйке»), 3-го танкового полка СС, 3-го разведывательного бронеполка, 3-го полка самоходной артиллерии, 3-й батареи полевой артиллерии, 3-го зенитного дивизиона, 3-го дивизиона реактивной артиллерии, 3-го танкоистребительного дивизиона, 3-го инженерно-саперного батальона и 3-го батальона связи. Общая численность дивизии, уже потрепанной в боях при обороне Варшавы, не превышала 9500 человек.

5-я танковая дивизия СС «Викинг» была укомплектована добровольцами северных «арийских» народов: датчанами, норвежцами, голландцами, фламандцами и почему-то даже финнами. Численность дивизии в начале 1945 года не превышала 10 500 человек. Соединением командовал штандартенфюрер СС Йоханнес Мюленкамп. Структурно танковая дивизия «Викинг» имела в своем составе следующие части: 9-й мотопехотный полк СС «Германия», 10-й мотопехотный полк «Вестланд», 5-й танковый полк СС, 5-й полк самоходной артиллерии, 5-й дивизион полевой артиллерии, 5-й зенитно-артиллерийский дивизион, 5-й дивизион реактивной артиллерии, танкоистребительный дивизион, батальон связи.

Кроме штатных соединений с начала 1945 года в состав 5-й танковой дивизии были включены 1-й батальон 23-го панцер-гренадерского полка СС «Норге» (33-Рангер-Степашег-Ке&ппеп⁴; 23 «г^ог^е») и 1-й батальон 24-го панцергренадерского полка СС «Данмарк» (88-Ран2ег-Степашег-Кейпеп(; 24 «Баптагк»), выделенные из состава 11-й панцергренадерской дивизии СС «Нордланд». В этих батальонах служили граждане Норвегии, Финляндии, Дании, Швейцарии и собственно немцы.

Для контрудара юго-восточнее Комарно кроме 4-го танкового корпуса СС дополнительно были сосредоточены и привлечены к операции 6-я танковая дивизия вермахта (45РгКр1*.У, 7САУР2.1У/70(У)на2.01 1945 г.), 3-я танковая дивизия (25 Рг.Кр^У, 7 САУ РгЛУ/70 (А) на 2.01 1945 г.), часть 23-й танковой дивизии вермахта (32 Рг Кр1\у.У, 5 Рг Кр1\у.1У, 8 САУ ^еарапгег IV на 2.01 1945 г.) и 130-й танковый полк вермахта (34 Рг.КрБу.У на 2.011945 г.), 271-я пехотная дивизия и 23-я пехотная дивизия венгров.

В ночь на 2 января 1945 года после короткой, но мощной артиллерийской подготовки немецкие войска перешли в наступление, нанося главный удар на Бичке, Будапешт. Одновременно, форсировав Дунай в районе Шютте, части 96-й пехотной дивизии начали продвижение вдоль правого берега на Эстергом. В это же время немецкие войска,

окруженные в Будапеште, перешли в наступление навстречу деблокирующей группировке. Сдаваться эсесовцы не собирались, незадолго до начала наступления — 29 декабря 1945 года — ими были убиты парламентарии 2-го и 3-го Украинских фронтов, которые прибыли от советского командования с предложениями о капитуляции. После этого акта вандализма, нарушавшего все правила ведения войны, было решено беспощадно уничтожить немецко-венгерскую группировку, а сам город взять штурмом.

Однако в тот период (начало января 1945 года) советским войскам было не до штурма города. На правом фланге обороны 4-й гвардейской армии советский фронт был прорван уже 2 января, и немецкие войска начали продвигаться к Будапешту.

На узком участке фронта шириной 10 км в районе Дуна-альмаш, Тата немецкие войска при прорыве обороны Красной армии имели в боевых порядках до 300 танков и самоходных орудий.

3 января 1945 года, введя в бой основные силы танковой группировки, немецкие войска группами танков в 15—40 единиц продолжили наступление в направлении Бичке. Главные силы 4-го корпуса СС при поддержке частей вермахта (3-я танковая дивизия СС, 5-я танковая дивизия СС, 6-я танковая дивизия вермахта) наступали на правом фланге прорыва, стремясь во что бы то ни стало овладеть Бичке. К исходу второго дня наступления передовые силы танковых войск СС в количестве 40 танков достигли рубежа: Тата, Надьшап, Вайна, Тарьян, Вертешселеш.

1-я танковая дивизия вермахта, имевшая, согласно советским разведсводкам, на 2 января 1945 года только 19 танков (10 Pz.Kfz.1У и 9 Pz.Kfz.1У), совместно с частью сил 23-й танковой дивизии была сосредоточена северо-западнее Секешфехервара и наносила вспомогательный удар в направлении Бичке с последующим выходом к Будапешту.

Немецкие танки стремительно наступали. Пехота, которая двигалась за танками на бронетранспортерах, закрепить за собой местность была не в состоянии, так как ее численность для этих целей была недостаточна.

Отсутствие пехотных частей немецких войск в первый день наступления объяснялось тем, что германское командование не стало ждать прибытия из Голландии 711-й пехотной дивизии, а решило выполнить задачу соединения с Будапештской группировкой только силами танковых войск.

В составе 2-й венгерской танковой дивизии, которая непосредственного участия в операции «Конрад» не принимала и находилась в резерве, числилось более 40 танков типа «Туран 1/Н», ЗСУ «Нимрод» и 2 тяжелых танка немецкого производства Pz.Kfz. VI Ausf. E «Тигр1».

Несмотря на упорное сопротивление советских войск, 4-й танковый корпус СС рвался к Будапешту. Наиболее ожесточенные бои велись в районе перевала в горах Герече у селения Агоштян. Ценой больших потерь противнику удалось овладеть им и прорваться в долину. Однако советская авиация господствовала над полем боя, поэтому двигавшиеся к окруженной венгерской столице немецкие танки и бронетранспортеры подвергались непрерывным бомбардировкам. Сил же немецкой авиации хватало только для того, чтобы обеспечивать 9-й горный корпус СС

необходимым минимумом боеприпасов и продовольствия, которые сбрасывались на парашютах.

Определив направление главного удара немецкого командования, командующий 3-м Украинским фронтом направил к участку прорыва армейские и фронтовые резервы, а также войска, снятые с неатакованных участков фронта. В отражении контрудара немецких войск участвовали части 18-го танкового, 1-го и 2-го гвардейских механизированных и 5-го гвардейского кавалерийского корпусов.

2-й гвардейский механизированный корпус, имея на 1 января 1945 года в своем составе 35 Т-34, 3 ИС-2 и 11 СУ-85, после проведенной декабрьской наступательной операции по окружению немецких войск в городе Будапеште был сосредоточен в районе Пилишворшвар, Пилишсанто, Пилишчаба, где готовил оборонительный рубеж с задачей — не дать возможности противнику вырваться из окружения. Кроме того, корпус имел дополнительную задачу — быть в готовности нанести контрудар в случае прорыва противника из района Тата в направлении Бичке, Эстергом на Будапешт, чтобы освободить окруженную немецкую группировку.

1-й гвардейский механизированный корпус, прибывший в начале января 1945 года из резерва Ставки ВГК, основными силами к 3 января закончил сосредоточение в районе Перка-та, Шабаденьхаза, Шарашд, Хантош. Часть автотранспорта механизированных бригад, тыловые подразделения, ГСМ и боеприпасы оставались на левом берегу реки Дунай в районе станции разгрузки Салксентморгон, Кунсентмиклош из-за отсутствия моста. Работающая паромная переправа в районе Дунапентеле не обеспечивала планомерную переправу из-за сильного ледохода.

В районе сосредоточения 1-го механизированного корпуса было 184 танка М4А2 и 62 самоходные установки СУ-100.

7-й механизированный корпус, выйдя 24 декабря 1944 года на рубеж Шеред, Моха, Шаркерестеш, перешел к обороне и продолжил удерживать свой оборонительный рубеж, усиливая оборону стрелковых частей, имея на ходу 65 Т-34, 15 ИС-2, 10 СУ-85, 14 СУ-76.

18-й танковый корпус в последних числах декабря 1944 года, выйдя на рубеж Дунаальмаш, Таварош, с 30 на 31 декабря 1944 года сдал свои участки стрелковым частям, оставив в районе Дунаальмаш только 170-ю танковую бригаду. Остальной состав корпуса сосредоточился в районе Жамбек, Бичке, Мань, составляя резерв фронта, где приступил к постройке оборонительного рубежа, одновременно имея задачу быть в готовности к нанесению контрударов в направлениях Эстергом, Шютте, Дунаальмаш, Тата. На 1 января 1945 года 18-й танковый корпус имел в своем составе 114 танков Т-34, 19 самоходных установок ИСУ-122 и 13 СУ-85.

Таким образом, к началу наступления немецких войск 2 января 1945 года части Красной армии на участке обороны 4-й гвардейской и 46-й армии имели танков всех марок 375, САУ всех марок — 201.⁸

Первой столкнулась с немецкими войсками 170-я танковая бригада 18-го танкового корпуса. 1 января 1945 года она имела в своем составе 11 Т-34 и 11 СУ-85 и занимала оборону на направлении Дунаальмаш. Танки

4-го танкового корпуса СС в количестве 47 единиц, двигавшиеся по основным магистралям, определенного боевого порядка не имели и шли колонной. Впереди, на удалении 2—3 км от основной массы, двигались 7 тяжелых танков «Тигр Ё» из состава 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» (в данном соединении имелась одна рота тяжелых танков Pг.КргЧу. VI Аиаг.Е в составе 10 машин. — *Примеч. авт.*).

Это был разведдозор, который своей мощной броней и огнем прикрывал основную колонну танков.

При подходе к населенному пункту Тарьян «Тигрь» завязали огневой бой с танками и самоходными установками 170-й танковой бригады. Остальные боевые машины немецкой танковой группировки не стали ввязываться в бой и всей колонной повернули на Херет, оставив для прикрытия своего фланга 5 тяжелых танков «Тигр Ё» и 3 бронетранспортера.

Однако советские части, оставшиеся в тылу, в отличие от прошлых лет войны действовали на редкость организованно. Будучи обойденными танками противника, они на второй и третий день немецкого наступления группами по 200—300 человек выходили в район станции Саар, населенных пунктов Чабди и Жамбек. 4 января из окружения на юг вышла в полном составе 170-я танковая бригада, потеряв на марше лишь несколько автомашин.

5 января 1945 года в районах Дорог, Сомор, севернее Жамбек, Мань, севернее Чабди шли тяжелые танковые бои. Группами по 20—40 танков немецкие войска неоднократно атаковали наши позиции, но успеха не имели.

Не сумев прорваться на Бичке, немецкое командование стало планировать операцию «Конрад II». Согласно документам, основная задача в этой операции была возложена на 5-ю танковую дивизию СС «Викинг». При поддержке 711-й пехотной дивизии она должна была наступать на Будапешт по лесным дорогам, где германское командование рассчитывало на слабое сопротивление советских войск. 10 января 1945 года 5-я танковая дивизия СС «Викинг» имела в своем составе 44 средних танка P2.Кр1лу.1У и 43 тяжелых танка Pг.КргГ«. V «Пантера». Отдельным группам танков (до 25 единиц) и мелким группам пехоты удалось просочиться в Пириштсентлелек. В это же время группа из 12 танков прорвалась в район Пилишсенткерест. 12 января стало датой наибольшего успеха немецких войск в этой операции. Дальше германским танкам продвинуться не удалось — часть их была уничтожена, а остальные отошли в исходное положение.

В это же время 7 января 1945 года, прекратив атаки из района западнее Дорог, группировка 1, 3 и 23-й танковых дивизий вермахта нанесла удар в направлении на Замоль. Всего в атаке участвовало до 100 танков и самоходных установок вермахта. Наступлению немецких войск предшествовала короткая артподготовка, затем противник начал свою атаку. Техника немецкой группировки двигалась развернутым строем, в составе подразделения из 10—15 машин, половину составляли тяжелые танки. Они группами из 3—4 единиц двигались впереди боевого порядка на удалении 800—1000 метров от основных сил. На флангах также были

группы тяжелых танков из 2—3 единиц. Самоходные орудия двигались за танками на расстоянии 500—800 метров.

В результате первого дня нового наступления немецким войскам удалось потеснить советские части и занять Замоль. Однако на этом их успехи кончились — немецкая группировка натолкнулась на танки 7-го механизированного корпуса, закопанные в землю. Потеряв от их огня за 7 января 1945 года 42 танка, немецкие войска прекратили наступление.

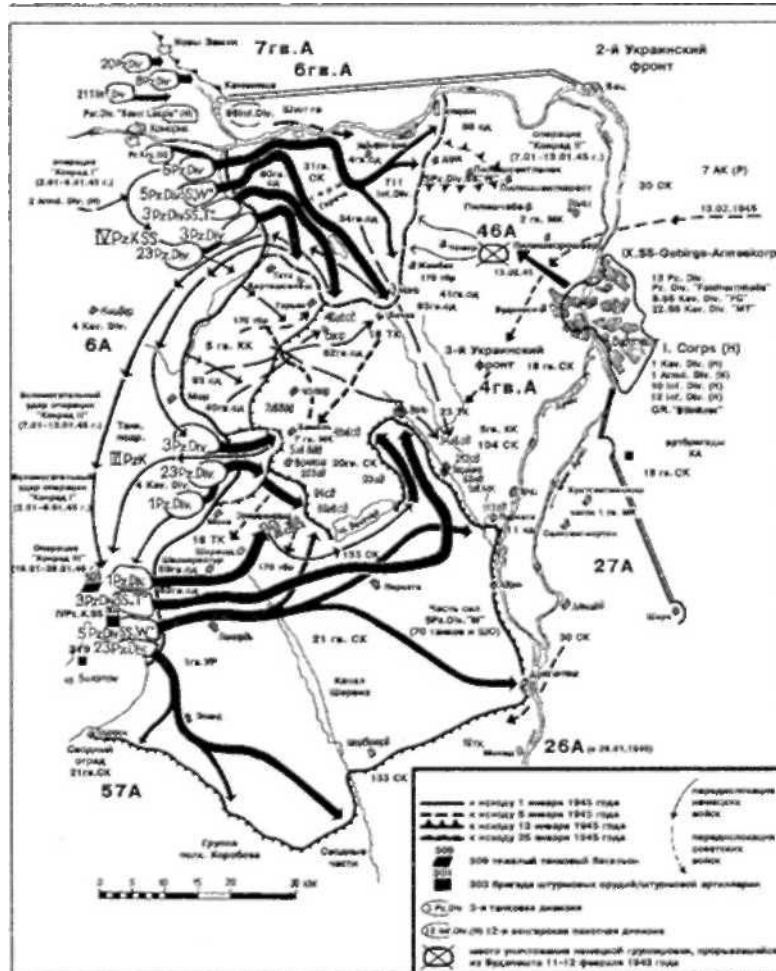

Схема боевых действий советских, немецких и венгерских войск в районе Будапешта в период с 26 декабря 1944 года по 13 февраля 1945 года

В этот период на участке обороны 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта также шли интенсивные бои. Чтобы усилить немецкую группировку, наступающую на Будапешт с 4 на 5 января 1945 года, 6-я танковая дивизия, занимавшая оборону на участке от Каменицы до реки Дунай, была снята со своего участка обороны и переброшена в район Таты. Освобожденный участок был занят боевой группой «Хафнер», частями 306-го пехотного полка 211-й пехотной дивизии, остатками венгерской парашютной дивизии «Сент Ласло» и остатками отдельного пулеметного батальона «Саксония». 8-я танковая дивизия вермахта (на 2 января 1945 года имевшая 17 танков Pz.Kpfw.IV «Пантера», 4 танка Pz.Kpfw.IV и 8 САУ Лаейрапег IV) находилась во втором эшелоне обороны. В боевых порядках обороняющихся пехотных дивизий находились самоходные орудия танкоистребительного и зенитного дивизионов 8-й танковой дивизии.

Стремясь не допустить дальнейшей переброски германских войск на будапештское направление, части 7-й гвардейской армии 6 января 1945 года перешли в наступление из района Паркань, прорвали оборону противника на участке Кам, Дармочь, Паркань и к исходу дня отбросили противника на 20 километров. Части 8-й танковой дивизии, внезапно атакованные советскими войсками, серьезного сопротивления оказать не сумели. Проведенные в этот же день немецкие контратаки успеха не имели.

На второй день боев немецкое командование ввело в бой свои резервы из состава 8-й танковой дивизии, 20-й танковой дивизии, 211-й пехотной дивизии, а также венгерской парашютной дивизии «Сент Ласло» («вгерЪ Базг1о»). Венгерская парашютная дивизия «Святой Ласло», названная в честь средневекового короля Ладислава I (Баалз1аз I), была сформирована 20 ноября 1944 года на базе 1-го парашютного батальона. Кроме собственно парашютистов в дивизию были включены 1-й и 2-й элитные учебные пехотные полки, 1-й и 2-й учебные танковые полки, 1-й и 2-й разведывательные батальоны, 2 батальона речной обороны (моряки), зенитный дивизион. В составе этой дивизии были танки, но, несмотря на громкие названия имеющихся двух учебных тп, количество танков в них не превышало двух десятков. В основном это были танки «Туран Ъ» и ЗСУ «Нимрод».⁹

11 января 1945 года до полка пехоты, а также 50 немецких и венгерских танков при поддержке самоходных орудий и бронетранспортеров атаковали советскую оборону на узком участке фронта в районе юго-восточнее Новы Замки. Им удалось вклиниться в боевые порядки частей Красной армии и овладеть населенными пунктами Нова Дьяла, Святой Петер, станцией Дяда. До батальона пехоты с 10—12 танками прорвались в городок Мадар.

В последующие дни немецким и венгерским войскам удалось отбить еще несколько населенных пунктов, но, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление советских войск, к 16 января 1945 года они также перешли к обороне и на этом участке.

Германское командование вновь приступило к перегруппировке войск...

Когда окруженный гарнизон Будапешта 13 января с отчаянием запросил по радио помощи, Гитлером был отдан приказ о новом контрударе с целью освобождения города. Эта операция получила название «Конрад III».

14 января 1945 года немецкое командование начало переброску 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» и 5-й танковой дивизии СС «Викинг» из района севернее Бичке в район юго-западнее Секешфехервара с целью организовать новое наступление на город Будапешт. Севернее и западнее Бичке к обороне широким фронтом перешла 6-я танковая дивизия. Части 3-й и 23-й танковых дивизий, оборонявшихся в районе города Мор, были заменены 2-й танковой дивизией венгров и 4-й кавалерийской бригадой вермахта, позже переформированной в дивизию.

Сосредоточенная для контрнаступления германская танковая группировка состояла из 4-го танкового корпуса СС (3, 5-я танковые дивизии СС), 1, 3-й и 23-й танковых дивизий вермахта, 303-й бригады штурмовых орудий и 509-го отдельного батальона тяжелых танков.

На 10 января 1945 года 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» имела 38 средних танков Pz.Kpfw.IV, 49 тяжелых Pz.Kpfw.VI и 5 ЗСУ Иакрг IV. 5-я танковая дивизия СС «Викинг» на то же число имела 44 Pz.Kpfw.IV, 43 Pz.Kpfw.V и 2 Иакрг IV. В 1-й танковой дивизии было 18 **8лиС** III, 33 Pz.Kpfw.IV и 59 Pz.Kpfw.V, а в 3-й — 12 8лиС III, 43 Pz.Kpfw.IV, 15 **арапег** IV, 44 Pz.Kpfw.VI.

23-я танковая дивизия вермахта на 10 января 1945 года имела 2Pz.Kpfw.III, 178лиСIII, 38 Pz.Kpfw.IV, 83а[^]*йратет* IV и 33 Pz.Kpfw.VI «Пантера».

Перед началом наступления, 15 января 1945 года, 303-я армейская бригада штурмовой артиллерии (Heeres-81;итггШегле-Br1{7ас1е 303) имела в своем составе 25 САУ 8*иС III.

509-й отдельный батальон тяжелых танков (зб\уеге Heeres-Рапгег-АБлеПше 509) на 15 января 1945 года насчитывал 45 тяжелых танков Pz.Kpfw.VI Анз[^].В «Королевский Тигр» и 8 ЗСУ Иакрг IV.¹⁰

Следует отметить, что перегруппировка танковых дивизий СС была проведена скрытно и умело.

Танковые полки этих дивизий, двигаясь из района Жамбек-Бичке, с целью дезинформации следовали строго на север, создавая впечатление об уходе их в направлении Комарно и далее на центральные участки фронта.

Личный состав, включая офицеров штаба корпуса, не был информирован об истинных намерениях своего командования.

18 января 1945 года началось новое немецкое наступление. В течение суток, введя в бой до 110 танков и самоходных установок 3-й и 5-й танковых дивизий СС на узком участке фронта, противник мощным ударом прорвал советскую линию обороны на участке Полгардь. С ходу сбивая незначительные заслоны Красной армии, обходя узлы сопротивления, германские войска к исходу дня вышли в район Шаркерестур. 19 января части СС захватили Дуна-пентеле.

Немецкое командование совершило прорыв танковой группировкой, состоящей главным образом из тяжелых танков при поддержке незначительного количества пехоты, посаженной на бронетранспортеры и сопровождающей танки в непосредственном соприкосновении.

18-й танковый корпус, переброшенный в ночь на 19 января 1945 года из района Биа в район Шаркерестур, Шарашд с задачей приостановить продвижение противника в северо-восточном направлении, с ходу вступил в бой с танками противника. 110-я танковая бригада оборонялась в районе Аба, 181-я танковая бригада — в районе Шаркерестур, отдельные подразделения 110-й танковой бригады и 32-я мотострелковая бригада — в районе Якабсаллаш.

170-я танковая бригада, имея в своем составе только 7 танков Т-34 и 9 СУ-85, благодаря умелому маневру и хорошо организованной разведке вышла в район Мария и оседлала перекресток дорог в 5 км юго-западнее Херцельгфальва, чем значительно осложнила положение танковой

группировки противника в составе 40 боевых единиц, которые прорвались в Дунапентеле, так как немецкие танки продвигались к Будапешту в направлении Шарбогард, Херцегфальва.

Этот маневр 170-й танковой бригады изменил весь ход сражения.

Немецкие войска из состава танковых дивизий СС были вынуждены основную часть своих сил (до 30 танков) развернуть строго на север с задачей захвата населенных пунктов Перката Шарашд для того, чтобы отрезать и уничтожить 170-ю танковую бригаду в ее районе обороны.

Сама дорога Шарбогард—Херцегфальва была тщательно блокирована немецкими подразделениями. Танки управления 18-го танкового корпуса Красной армии, которые пытались прорваться в район обороны 170-й танковой бригады для связи, расстреливались.

Части германских войск, прорвавшие советскую оборону, оказались скованными треугольником сопротивления 18-го танкового корпуса (Шаркерестур, Шарашд, Мария) и были вынуждены все внимание сосредоточить на этом участке, отказавшись от чрезвычайно заманчивого южного направления, где советских войск практически не было. Опасаясь при движении на юг получить от советских войск 18 тк сокрушительный удар по тылам, противник приостановил наступление.

Во время этих боев немецкое командование стало применять новые тактические приемы, раньше не характерные для германских танковых войск. Прежде всего это были ночные атаки. Так, в продолжении двух ночей января 1945 года танки войск СС группами от 3 до 15 машин непрерывно атаковали Шаркерестур, Шарашд, Якабсаллаш и некоторые другие пункты с задачей — деморализовать советскую оборону и в ночное время суток захватить узлы сопротивления.

Кроме ночных боевых действий противник постоянно маневрировал. Маневрировали как крупные группы танков в 25—40 машин, так и отдельные танки. 19 января 1945 года до 25 танков противника, встретив огневое сопротивление танков 110 тбр в районе западнее Аба, не ввязываясь в бой, резко изменили курс, отошли от Аба, вышли южнее Шаркерестур в район Сильфа и подошли к Якабсаллаш, где, встретив огонь советских войск, вновь изменили курс и повернули на юг в направлении на Херцегфальва.

В продолжение всего немецкого наступления мелкие группы танков, не вступая в бой, появлялись в различных районах: Перката, Хантош, Сильфа, Херцегфальва и другие. Основная цель подобной тактики — создать впечатление высокой насыщенности направления своими войсками, в то время как в действительности к реке Дунай в районе Дунапен-теле вышла только танковая группировка в незначительном сопровождении пехоты на бронетранспортерах. Германские войска вследствие недостаточной численности группировки не могли закрепить за собой пройденную территорию. Они были вынуждены оставлять в наиболее крупных населенных пунктах гарнизоны из 3—5 танков с 2—8 бронетранспортерами, в которых, в свою очередь, находилось до взвода пехоты.

Очень часто немецкие тяжелые танки Р2.Кр!Чу.У1 и Рг.Крг^..У прибегали к приему «приманки» наших танков. 1—2 танка противника подходили к позициям советских войск на дистанцию 2—2,5 км и

начинали на виду маневрировать, не стараясь маскироваться. Когда наши танки с места стрельбой или при сближении обнаруживали себя, то, как правило, советские боевые машины поджигались противником с дистанции 1,8—2 км, в то время как наши танки Т-34 с упомянутой дистанции были не в состоянии вести огневой бой с тяжелыми танками противника.

Руководствуясь этим преимуществом, немецкие тяжелые танки имели возможность использовать маневр на поле боя, не опасаясь понести потери от огня наших танков, в то время как советским танкистам необходимо было быть особенно осторожными в маневре, особенно для танков Т-34 и САУ СУ-76. Однако из-за ряда факторов (погоды, затруднявшей действия авиации; внезапности наступления; технических преимуществ немецкой бронетанковой техники) операции вблизи Будапешта носили характер исключительно танковых боев, которыми и были обусловлены большие потери советских танков.

Противник продвигался к венгерской столице, и немецкая газета «Известия Будапештского котла», выходявшая в окруженном городе, сообщила 21 января: «Согласно полученным последним сообщениям, продвижение войск, идущих на выручку Будапешту, после перегруппировки, вызванной стратегическими и климатическими причинами, снова протекает успешно. Как видно из всех поступающих донесений, в данном случае речь идет об операции особенно крупного масштаба...»

Через 2 дня сообщения стали еще более оптимистичными: «Скоро мы будем освобождены!»

Но, несмотря на тяжелое положение войск 3-го Украинского фронта, немецкое наступление удалось приостановить. К 27 января 1945 года благодаря привлечению сил 2-го Украинского фронта, особенно авиации, удалось восстановить прежнее положение войск 3-го Украинского фронта с выходом на озера Веленце, Балатон.

Однако из-за вражеских контрударов борьба за Будапешт затянулась, и 18 января Ставка возложила ликвидацию окруженной группировки на 2-й Украинский фронт, переподчинив ему 46-ю общевойсковую армию.

Противника в Пеште штурмовала созданная Р.Я. Малиновским Будапештская группа войск 2-го Украинского фронта в составе 30-го стрелкового корпуса генерала Г.С. Лазько, 7-го румынского армейского корпуса, 18-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И.М. Афонина и 9 артиллерийских бригад. Вначале она действовала частью сил в подчинении 7-й гвардейской армии, а второй частью, то есть корпусом И.М. Афонина, — в подчинении фронта. С 11 января группой стал руководить сам Р.Я. Малиновский с командного пункта штаба фронта в Хевеше (32 км южнее Эгера), куда он переместился после окружения будапештской группировки.

В ход были пущены штурмовые группы — от взвода до роты пехоты с подрывниками, самоходками, танками, орудиями и минометами. Групп было много. Каждая действовала в своем направлении от здания (опорного пункта) к зданию, от квартала (узла сопротивления) к кварталу, снабженная планами для ориентирования.

Противник отчаянно оборонялся. Особенно ожесточенно дрались части СС и венгерские части, укомплектованные членами организации «Скрещенные стрелы». Снабжение окруженной группировки вначале осуществлялось по воздуху: ежедневно 40—45 германских самолетов доставляли в город необходимые грузы. Была сделана попытка использовать для этой цели планеры и изыскать возможность организовать снабжение по Дунаю. Однако после 20 января вследствие господства советской авиации снабжение окруженной группировки по воздуху почти прекратилось, а доставку грузов по Дунаю немецкому командованию осуществить так и не удалось. В дневнике военных действий верховного командования вермахта в эти дни появилась следующая запись: «В Будапеште обстановка очень серьезная... По имеющимся сведениям, положение со снабжением стало ужасным. На карту поставлено все».

Так затягивалась петля все туже и туже. Настало время, когда самолеты противника уже не могли сбрасывать осажденным боеприпасы и продовольствие: их сбивали советские зенитчики, и часто их контейнеры падали в распоряжение штурмовавших город войск.

Преодолевая упорное сопротивление, советские войска 17 января 1945 года расчленили немецко-венгерскую оборону в Пеште на 3 части. Противник стал поспешно отходить, взрывая за собой мосты через Дунай. Стремительным броском передовые части войск 2-го Украинского фронта вышли к Дунаю. 18 января войска противника в Пеште начали сдаваться в плен. В боях за восточную часть столицы немецко-венгерская группировка потеряла убитыми почти 36 тысяч, а пленными — до 20 тысяч солдат и офицеров. Было подбито и захвачено около 300 танков и штурмовых орудий, 1044 орудия и миномета, а также много других видов вооружения и боевой техники. Последние немецкие и венгерские части капитулировали в Пеште 25 января 1945 года.

Несмотря на неудачи, немецкие войска продолжали рваться к венгерской столице. 25 января 1945 года командующий 6-й полевой армией вермахта генерал Бальк вызвал к телеграфному аппарату Гилле и потребовал доложить обстановку.

Гилле: Четвертый танковый корпус продолжает наступательные операции на прежнем направлении, имея в резерве одну танковую дивизию для развития успеха при решении главной задачи. Противник оказывает упорное сопротивление, местами контратакует. В данное время корпус ощущает серьезную нехватку людей и танков.

Бальк: Ясна ли вам задача?

Гилле: Мне все ясно.

Бальк: Вы должны справиться с этой задачей. Теперь это имеет решающее значение. Мы должны пробиться здесь! Это решает все, иначе мы погибнем.

Гилле: «Тотенкопф» накануне вступления в бой. Положение в Будапеште требует ускорения действий.

Бальк сообщил, что фюрер думает об этом, что необходимо действовать соответственно принятому решению, и спросил: «Как много пути еще осталось?»

Гилле: По нашим подсчетам, четырнадцать километров.

Бальк: Решающее значение имеет то, чтобы мы теперь здесь пробилась. Я делаю все, что требует фюрер, все, чтобы мы вначале покончили с этим делом здесь.

Гилле: Если у нас будут танки и солдаты, то мы все сделаем.

Бальк: Так мы и должны поступать! Мы эту драму доведем до счастливого конца! Главное — разбить сначала эти силы. Тогда мы достигнем всего остального.

Гилле: Но мы становимся все слабее.

Бальк: От потасовки никто не становится красивее."

Надеясь на успех дивизии «Тотенкопф», «черный генерал» передал окруженным: «Быть наготове к прорыву. Время прорыва будет дано дополнительно».

Тем временем войска 2-го Украинского фронта приступили к уничтожению противника в западной части города — Буде. Будапештская группа войск была переброшена на правый берег Дуная и усилена двумя стрелковыми корпусами 3-го Украинского фронта (7-й румынский корпус, как не оправдавший себя в уличных боях, был переведен на другой участок фронта).

В связи с ранением генерала И.М. Афонина командовать группой начал командующий 53-й армией генерал И.М. Манагаров, имевший опыт боев за крупные города. Штаб группы войск был оборудован на базе штаба 18-го гвардейского стрелкового корпуса возле Будакеси — западного пригорода Буда. Здесь было самое узкое место между внешним и внутренним фронтами окружения. Немцы стремились сюда извне, чтобы, овладев высотой со штабом советских войск, ударить по внутреннему фронту и выручить окруженных. Поэтому у командования не было уверенности, что штаб не будет атакован с тыла, со стороны Бичке.

По заданию командования фронта на самый горячий участок огромного Будапешта пробрался Н.С. Фомин с группой офицеров и совместно с И.М. Манагаровым организовал артиллерийскую поддержку боя. Он взял в свои руки управление артиллерией нескольких корпусов, действовавших на западном берегу, и войск, находившихся в Пеште, для координации огня по противнику в Буде.

Сюда же, в Будакеси, через опасные переправы, в обход пригородов прибыл комфронта с группой генералов и офицеров, чтобы ускорить разгром противника и в этой части города. Увидев выставленные для самообороны пулеметы, Малиновский заметил: «Вы тут сами, как в осаде». Командующий подвергал себя большому риску, поехав в этот узкий коридор: никто не мог дать гарантии, что немцы не прорвут его.

Наступление советских войск в Буде началось 20 января 1945 года. Нараставшая усилием по мере переброски частей из Пешты, Будапештская группа войск продвигалась вперед. К началу февраля соединения группы из 608 кварталов Буда заняли только 114.

Несмотря на кровопролитные бои, моральный дух окруженного Будапештского гарнизона в течение января 1945 года сохранялся на достаточно высоком уровне, поскольку освобождение казалось возможным. После провала всех операций «Конрад» надежды на избавление стали иссякать. В начале февраля 1945 года вместо боеприпасов и продовольствия из рейха стали присылать приказы о награждении. Так,

командующий 9-м горным корпусом СС обергруппенфюрер фон Пфеддер-Вильденбрух, командир 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер» бригаденфюрер СС Иоахим Румор (88-Вп#ас1е1иенрег Лоаспип Китопп), командир 22-й кавалерийской дивизии СС бригаденфюрер СС Август Цеен-дер (88-Впеас1е:Гиепрег Аи&изЪ ЗеБепс1ег), а также капитан Хельмут Бунге (НеИти! Вип|*е) из танковой дивизии «Фельдхернхалле» за доблесть в боях получили Дубовые Листья к Рыцарскому кресту.

В первой декаде февраля советские войска продолжали вести бои за овладение Будой. За 10 дней боев они очистили от противника еще 109 кварталов города, захватили в плен более 26 тысяч человек.

10 февраля 1945 года стали кончатся боеприпасы, а группировка окруженных немецко-венгерских войск в районе Буды была расчленена на две части. Советские войска продвинулись до моста Эржебет. В полдень 11 февраля состоялось собрание всех офицеров в звании до майора включительно. Начальник штаба 9-го горного корпуса СС подполковник Усдау Линендау (Пзйаи Бпепйаи) объявил, что будет предпринята последняя попытка прорыва. Согласно этому плану были сформированы 3 колонны с задачей пробиться к своим войскам, находящимся в 20 км к западу от Будапешта.

Операция началась в 22.00 11 февраля 1945 года. В 23.40 командующий 9-м горным корпусом СС передал свою последнюю радиограмму: «Расстреляны последние патроны. У нас есть выбор между капитуляцией и гибелью гарнизона. Мы решили прорываться силами оставшихся боеспособными немецких и венгерской фашистских дивизий (укомплектованных членами венгерской фашистской организации "Скращенные стрелы". — *Примеч. авт.*). Собираемся предпринять прорыв ночью 12 февраля. Просим встретить нас между населенными пунктами Чомор и Марианхальм. Если не удастся прорваться в указанном месте, пойдем через горы Пилиш. В этом случае прошу встретить на северо-западе в районе населенного пункта Пилишсентлелек. Две зеленые ракеты — свои войска. В настоящее время наши силы перед прорывом включают около 23 900 немецких солдат, из которых 3600 раненых, и 20 000 венгров, из которых около 2000 раненых».¹²

Оставив тяжелораненых в госпиталях Будапешта, немецко-венгерская группировка пошла на прорыв советских позиций. Из города вырвалось около 14 000 боеспособных солдат, однако только 2000 из них удалось продвинуться к своим войскам в последующие несколько дней. Немецкие и венгерские военнослужащие прорывались из окружения мелкими группами. Самая крупная из них — 300 человек танковой дивизии вермахта «Фельдхернхалле» прорвалась к своим войскам 13 февраля 1945 года в 30 км к западу от Будапешта. Всего в распоряжение германских войск вышло 785 человек.

13 февраля 1945 года к 10.00 войска 2-го Украинского фронта завершили штурм города. Венгерская столица лежала в руинах. 35 тысяч немецких и венгерских солдат было убито в боях за город, столько же попало в плен. Погибло также около 65 000 гражданских лиц. По советским данным, в боях за Будапешт было уничтожено и пленено 188 000 солдат и офицеров армий противника. Среди убитых: генерал-майор Герхард Шмидхубер (Сегпагс! ЗеБписИшБег), командир 13-й танковой

дивизии вермахта, известные нам командиры кавалерийских дивизий СС бригаденфюреры Румор и Цеендер... Сдались в плен: командир 9-го горного корпуса СС Пфеффер-Вильденбрух, командир 1-го венгерского армейского корпуса Иштван Хинди...

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ Голубович В.С. Маршал Р.Я. Малиновский. М., 1984, с. 152 (ЦАМО, ф. 19А, оп. 2714, д. 1, л. 5).

² ЦАМО, ф. 240, оп. 2799, д. 323, л. 18.

³ Голубович В.С. Маршал Р.Я. Малиновский. М., 1984, с. 156 (ЦАМО, ф. 19А, оп. 2714, д. 1, л. 2).

⁴ Там же, с. 156, (л. 9—10).

⁵ ВелъеКЛ., Тау1ог Н.Р. 1Тг10ггз, огдашхНоп апа Ыз-когу о! 1Бе \Уа11еп-88(3). 8ап «1озе, К. Латев Вепаег РиоНзБ-те, 1986, р. 36.

⁶ Аввот Р., Ы'1це1 Т. Сегтапу'з Еагз'Бегп Ргоп⁴; АШез 1941 — 1945. Бопаоп, Озгреу РиЪИзЫп§ ЫЫ, 1982, р. 19.

⁷ ЦАМО, ф. 341, оп. 5812, д. 865, л. 9.

⁸ ЦАМО, ф. 243, оп. 2928, д. 13.

⁹ Аввот Р.,И1§е1 Т. Оегтапу'з Еагз'Бегп Ггоп^АШез 1941 — 1945. Боп<1оп, Озгреу РиЪНзЫне ЫБа, 1982, р. 19.

¹⁰ ТНотав Ы. ^еп<г;г. Рапгер^гирреп 1943—1945. ЗсЫгГер ШШагу Шз*огу, 1996, р. 206—213.

¹¹ Сиклинер АА. Записки военного переводчика. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989, с. 47—49.

¹² ЦАМО, ф. 341, оп. 5812, д. 865, л. 12.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Описание действий танковых и механизированных войск 3-го Украинского фронта в оборонительных боях за январь 1945 года.

ЦАМО, ф. 243, оп. 2928 сс, д. 13, лл. 412—424.

2. Отчет штаба УК БТ и МВ 3-го Украинского фронта о боевых действиях БТ и МВ фронта за январь—май 1945 года.

ЦАМО, ф. 243, оп. 2928, д. 13, лл. 336—411.

3. Материалы штаба УК БТ и МВ 2-го Украинского фронта по Кировоградской, Звенигородской, Уманьско-Днестровской, Ясской и Будапештской операциям за 1944—1945 гг.

ЦАМО, ф. 240, оп. 2799, д. 323, лл. 15—69.

4. Отчет штаба Управления командующего БТ и МВ 7-й гвардейской армии в боевых действиях бронетанковых и механизированных войск армии в Будапештской операции (декабрь 1944 года).

ЦАМО, ф. 341, оп. 5812, д. 865, лл. 1—14.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битва за Будапешт. М., 1945. 26 с.
2. Военное искусство во Второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство) /Альбом схем. М., 1973. 62 с.
3. *Голубович В.С.* Маршал Р.Я. Малиновский. М., 1984. 215 с.
4. *Синклинер А.Л.* Записки военного переводчика. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. 175 с.
5. *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора./Пер. с англ. А.В. Бушуева, И.С. Соколова. Смоленск, Русич, 1999. 414 с.
6. *Уорвол Н.* Войска СС. Кровавый след. Ростов н/Д, Феникс, 2000. 350 с.
7. *Авот Р., Бишег Т.* Сөгтапу'з Еагз'Бегп Ггоп'Ъ АШез 1941—1945. Бопёоп, Озргеу РиБиЗБте *Бй*, 1982. 40 р.
8. *Вейег ., Таулог Н.Р.* ИтГогтз, ог^ашга+лоп ап! Бз-1огу 01 Ёле АУаНеп-ЗЗ. Зап Лее, К. ^тез Вейег Ри'ЪНзЫпё, 1986. 176 р.
9. *МоИоА.* ИтГогтеп с!ег \УаГ!еп-88. Рг!ес!Бег\$, Ройгип-Ра11аз-Уег!ае, 1993. 256 р.
10. ***ТНотазЪ.*** Леп*2. Рапгег'Бгирреп 1943—1945. ЗспШег Манату Н13*огу, 1996. 297 р.

СОДЕРЖАНИЕ

У СТЕН ОДЕССЫ Оборонительные операции Южного фронта и Отдельной Приморской армии(22 июня — 16 октября 1941 года)	
Обстановка на ТВД	3
ЮЖНЫЙ ФРОНТ (июнь—сентябрь 1941 года)	13
ОБОРОНА ОДЕССЫ (10 августа — 16 октября 1941 года)..	51
ПЛАНЫ СТОРОН	51
МАНЕВРЕННАЯ ОБОРОНА(0—18 августа 1941 года)..	63
Бои в восточном секторе обороны	65
Бои в западном секторе обороны	67
СРАЖЕНИЯ НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ	
(19 августа — 21 сентября 1941 года)	69
Бои в восточном секторе обороны	72
Бои в западном секторе обороны	74
Бои в южном секторе обороны	76
КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ (22 сентября 1941 года).....	84
ЭВАКУАЦИЯ	92
ОПЕРАЦИЯ «ИСКРА» Прорыв блокады Ленинграда 12—30 января 1943 года	
НАКАНУНЕ	100
ПРОРЫВ	126
ПОЗИЦИОННАЯ БОРЬБА	158
ШТУРМ БУДАПЕШТА 29 октября 1944—13 февраля 1945 года	
Обстановка на ТВД	188
Силы и средства противоборствующих сторон	193
ХОД ШТУРМА ГОРОДА	
(26 декабря 1944 — 13 февраля 1945 года).....	200

Научно-популярное издание *Забитые страницы
Второй мировой*

Мощанский Илья Борисович

ГОРОДА-КРЕПОСТИ

Выпускающий редактор *М.К. Захарская* Корректор *Е.Ю.
Таскон* Дизайн обложки *Д.В. Грушин* Верстка *И.В.
Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече» 129348, Москва, ул.
Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

Е-тап: uesbe@uespe.typr/жж.uesbe.ru

Подписано в печать 12.03.2009. Формат 84 x 108 1/8 Гарнитура
*8cBoo1BoокC». Печать офсетная. Бумага офсетная. Неч. л. 7. Тираж 6000
экз. Заказ № 139.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОЛО «Рыбинский Дом печати». 152901, г. Рыбинск, ул.
Чкалова, 8.

Книга известного военного историка И.Б. Мощанского посвящена трем достаточно драматическим эпизодам Второй мировой войны: обороне города Одессы осенью 1941 года, прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 года и штурму Будапешта – столицы последнего союзника нацистов в Европе.

Все три главы представленного труда связаны с историей окруженных и блокированных городов, которые волей судьбы стали ареной бескомпромиссной борьбы противоборствующих сторон. И если в начале войны отрезанными от основной страны были наши города, то, начиная с 1943 года, уже немцам приходилось объявлять многие населенные пункты крепостями и защищать их со всем напряжением сил. Хроника подобных сражений была полна героических и трагических примеров человеческого мужества.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ISBN 978-5-9533-3896-7

9 785953 338967

